

опустошитель

[иверсия курутылы]

#5

нетерпимость

Журнал "Опустошитель"

#5. Нетерпимость

Москва, ноябрь 2011

194 стр.

Редакционная коллегия:

Вадим Климов

Маргарита Кривченко

Пятый номер культурологического журнала "Опустошитель" посвящен нетерпимости. Нетерпимость как внутренний стиль и как внешняя угроза. Сумасшедшие, социопаты, анемичные роженицы и их мизогиничные мужья... Все тянутся к инверсивному "Опустошителю" – журналу без аудитории.

Номер издан без поддержки Александра Донова (<http://nokunst.com>).

ISSN 2219-5424

Опустошитель, 2011
<http://pustoshit.com>

журнал

Опустошитель

#5. Нетерпимость

Денис Безносков
Миша Вербицкий
Аркадий Гатов
Александр Донов
Александр Дугин
Вадим Климов
Дмитро Корчинский
Маргарита Кривченко
Станислав Курашев
Алексей Лапшин
Дмитрий Пименов
Луи-Фердинанд Селин
Юлиус Эвола

Москва
ноябрь 2011

Вступление

Подобно толерантности для внутреннего круга явлений во всем остальном – нетерпимость. Нетерпимость в качестве нормы и меры вещей внешнего мира.

Дуализм толерантность-нетерпимость влечет их синтез. Толерантность обозначает теперь нетерпимость к любой нетерпимости. Диалектика. Прежде всего, нетерпимости национальной, как наиболее употребляемой.

Русский фашизм - русский антифашизм - антирусский фашизм - антирусский антифашизм. Попытка синтеза часто сводится к обесмысливанию; или синкретизму.

Толерантность приводит к нетерпимости: *нулевая терпимость к любым формам нетерпимости*. Или наоборот: *терпимость к любым формам нетерпимости*. Звучит одинаково.

Кажется, эти понятия не до конца проработаны, неясно, что делать в пограничных случаях. Но это лишь гуманитарная компонента. Есть еще актуальная компонента или компонента действия.

Расизм, сексизм, ксенофобия, возрастная дискриминация, религиозная нетерпимость... этим затасканным набором обычно и прикрывается толерантность, чтобы лишить вас последних крох нетерпимости. *Нулевая терпимость к любым формам нетерпимости!*

Эстетические предпочтения превращаются в фашизм. Который перестает быть чисто политическим явлением, распространяясь в самые неожиданные области. Не только предпочтения, но и антипредпочтения могут обнажить в вас фашиста.

Журнал "Опустошитель", заявляя о своих пристрастиях, автоматически отвергает все, что этим пристрастиям не удовлетворяет. Если кому-то не нравятся поэтические сборники начинающих авторов, он выступает с фашистской точки зрения. Или, более конкретно, дискриминирует людей по половому, возрастному и эстетическому принципам.

Любые предпочтения есть фашизм.

Но и отсутствие предпочтений – не меньший фашизм. В первом случае у человека есть хотя бы крохотный уголок, где он не манифестирует фашистских ценностей. Во втором случае - он тотальный фашист, фашист повсеместно.

Только после издания своего "Опустошителя" вы понимаете, насколько он никому не нужен. Или, что то же самое, насколько вы нетерпимы.

Москва. Ноябрь 2011 года. Пятый, полуюбилейный, номер инверсивного журнала раскрывает тему нетерпимости целиком. Луи-Фердинанд Селин, Юлиус Эвола, Александр Дугин, Дмитро Корчинский, Миша Вербицкий... более удачный ряд подобрать было бы непросто. Они это мы.

МИКРО

Как выковыривать глаза домашним животным¹

Когда обычные люди читают: суровый отец семейства разрезал живот своей жене, достал плод, порезал, пожарил, съел - обычные люди стараются убедить себя в том, что история эта вымышленная.

Но есть специальная категория не очень обычных людей, будем условно называть их "домохозяйками", охотно считающих, что журналисты не врут, а напротив - пишут правду и только правду.

У "домохозяек", как правило, очень хорошее воображение. Я уверен в этом. Человек без воображения не сомневается, что журналисты врут, так как он этих ужасов никогда не видел, в оргиях не участвовал и колбасы из человеческого мяса, к сожалению, не ел. С другой стороны, человек просвещенный, участвующий в оргиях и постоянно кушающий христианских младенцев, знает, что журналисты, по меньшей мере, приукрашивают, потому что в реальности все эти замечательные злодеяния выглядят несколько буднично и непостижимо.

"Домохозяйки" с ужасом и сладким негодованием читают статьи, описывающие химеры мистических обрядов, в народе именуемых "чудовищные зверства". При этом "домохозяйки" очень возбуждаются.

Одна из таких "домохозяек", слесарь из города Колпино, рассказывал мне, что он очень любит статьи про непослушных девочек, которых папы порют ремнем, в то время как мамы выцарапывают девочкам глазки. Потом он шел по улице и мечтал, что к нему подойдет какой-нибудь мальчик и предложит сходить к слесарю в гости. Сам поймать и изнасиловать мальчика он не решался.

¹ Автор пожелал остаться неназванным (хотя и легко идентифицируемым).

Другая "домохозяйка", студент второго курса юрфака, любил цитировать статью про пельменный завод рядом с абортарием, про медсестер-некрофилок, втыкающих трупам в член стержень от авторучки, про интернат для детей-дебилов, в подвале которого оборудована камера пыток. Потом он шел на дискотеку, мечта о том, как он будет заниматься сексом, прижавшись к колонке.

Третья "домохозяйка", хозяин большого дома в Зеленогорске с видом на море и собакой лабрадор, любит цитировать статьи про то, как один великий маг, в миру кассир-контролер, схлестнулся с другим магом, в миру уборщицей, про заговоры великих орденов и про неминуемый конец света от магнитного течения в созвездии Жаб. Потом он шел в подвал, пил французское вино и перемалывал в мясорубке дочкиных барби-и-кенов. Хотя, конечно, дочку они ему заменить не могли.

Но вот заговоры - это вообще особая статья. Заговор некрофилов против сионистов. Заговор тибетских лам против австралийских кенгуру. Дед Мороз - инопланетянин. Ерунда. Дед Мороз - Примаков, то есть, Примаков - инопланетянин. "Домохозяйки" делятся на лагеря и кланы. Один клан считает, что инопланетяне несут погибель и скорый конец света. Другой клан считает, что инопланетяне несут спасение и скорый конец света. Третий клан считает, что инопланетяне - это такие зверюшки. Абсолютно невинные, с ангельскими глазами, несущие яйца и конец света.

Когда "домохозяйка" перестает доверять журналистам, это означает только одно: "домохозяйка" умирает. Умирают "домохозяйки" долго и мучительно, цепляясь за собственное небытие. И только перед смертью на них накатывает. Они зовут священника и рассказывают о том, что всю жизнь мечтали об анальном сексе с хомячками, хотели воткнуть кому-нибудь палец в глазик или в ушко, поглубже, прямо в мозг, а потом есть мозг и наслаждаться умиранием его носителя. Священник их утешает, говорит, что БОГ!!! их и так любит. На что "домохозяйки" отвечают, что кончали они и на БОГ!!!а и на мадонну его, и всегда кончали, и будут кончать, а священника позвали, потому что грешно отка-
зывать умирающему в последней просьбе:

- отрубить по одному пальчики умирающему;
- разрезать (вдоль) половой орган умирающего;
- забить гвоздь в горло умирающего;

- порезать умирающего на куски и продать на базаре.

Впрочем, предсмертные желания умирающих "домохозяек" довольно разнообразны. Да и не всегда они зовут священника. Иногда это может быть и какой-нибудь соседский дог или любое другое животное.

"Домохозяйки" умирают мучительно и радостно. Они надеются, что "обращенный перед самой смертью" получает какое-то невероятное могущество. Но это неверно. Точнее, это полная ерунда. И это не имеет значения. Главное, чтобы "домохозякам" было хорошо. А им и бывает хорошо, если не находится рядом какого-нибудь дурацкого умника, который говорит "домохозякам" то, что ему кажется правдой. А их любимые журналисты никогда не говорят то, что кажется правдой.

Поэтому никогда не пишите и не говорите то, что кажется правдой! Все - бессмысленно. "Домохозяйки" вас не поймут, а остальным на вас начхать. Врите как можно больше, может, чего-нибудь дельное соврете. И ведь соврете, была бы фантазия. Да здравствует фантазия! Да здравствует бульварная пресса! Екатерина Великая имела секс с мертвыми инопланетными животными!!!

Денис Безнос Сеанс кашля

прислушаться

наде

шипящие сквозь зубы бешено
еле слышно сложно страшно тирли бим бам бом надев
шум вместо шляпы на макушку эйфелевой башни
ползли по брусчатке нежно надавливая на день
кончиками ногтей к заброшенной
впопыхах пашне

два соломенных пугала пристально смотрят внутрь
завязанными глазами на ошупь ближе на миллиметр
целуются лицами целыми телами пальцами невят
но перешептываются они есть или нет

в сущности не важно если монмартр
глотает людей вместе с кабинками фуникулера

-----мы пьем отвратительный кофе на rue Lepic
мадлен не знала что такое макароны между
мельниц зрачок вливается в зрачок гипсовый слепок
разговор сыплется пыльца с мышиных лапок
на стол на салфетки в мороженое на одежду-----

надо же даже дождь не узнал над дрожью дождь
на дне дневной судороги идет выводок заводных
уток крякрик в колодце переулка из-за видны
линии по которым ты идешь
шлеп лип ляп шлеп
а радуга играет в кегли на бульваре

сеанс кашля

губы нарисовали нет
это не губы это же
в иголку вдеа нить
лба на втором этаже

взрыхленная вода
разбавлена грифелем
стена сколопендра дом
направо налево дом
балансирует на грифе
l'homme
qui ne connait qu'un livre
шебуршит впопыхах на ты
почивает на лаврах
играет в шахматы

мы не совсем есть
висим навывкате
головой в ремне
не совсем здесь

не совсем вовремя.

зрение

а мокрый взгляд слова свои мусолит
дагерротипы речи в грудь муссонным
дождям стучит затылком о карниз
подбрасывая веком якорь вниз
над черепичной крышей мысли про
падение монеты на ребро
молчание минуты на вопро – с
растет трава покрытая заклепками
фоном мурлычет на ходу захлебываясь
мурлычет фоном уходя за хлебом
тоскливо имитирует траву
и полдень превращает утро в у
куда уж меньше дальше хуже
вращается головокруже
во
ни
е

та к

ничего не случится если откроется дверь
ничего не случится если откроется две
двери и одна из них закроется
а потом вторая закроется
ничего не случится если рот выйдет из себя
(или кого-то другого
начав ab ovo
или не от яйца
а с конца)
и тоже откроется
и закроется
роется роется откр – закр
ничего не случится если если

ничего не случится так уж такуж
такое какое какое такое
весы повисли
повесились и все взвесили
и оставили все в покое
ничего не случится так уж вышло
ничего не случится как ни крути
ничего не сл чится е сли
нич не сл ч тстс ли
нч сл ч тс и

комната исчезает
комната исчезает
комн счезает
ком за т

метафора прошлого

птицы фаршированные светом летят на восток
метафора виляет хвостом
дует в свисток
стук
не более чем ук
или ок
или тук
или даже ак
но никак
не зzzzzzzzz
в конце концов это слишком просто
вроде треска хрипа шепота хруста
заноз
незрячих ручных роз
плюсквамперфектный мир подражает вам
рожает вам шум подражает вам
его тянет показать свой старый язык
хотя бы приблизительно живым
хотя бы разок
это знак:

ОТВЕТИТЬ НЕВОЗМОЖНО
НО В КОНЦЕ КОНЦОВ МОЖНО
ВЫГЛЯДЕТЬ ВАЖНО
ГОВОРИТЬ СЛАЖЕНО
И СЛОЖНО —
ЗАМОЧНАЯ СКВАЖИНА
СМОТРИТ СМОТРИТ ВЫНЮХИВАЕТ СЛЕД —
СЛЕДУЙТЕ ПО КОРИДОРУ ТАМ РАЗЛИТ
ПРОФИЛЬ ГИТАРЫ И САЛАТ
ЖЕЛТОЗЕЛЕННЫХ РАЗГОВОРОВ СЛИТ
ВОЕДИНО С ВЫСОКОЙ ФИГУРОЙ В КОНЦЕ
ПУТИ ТИШИНА ВИСИТ В ВОСКОВОМ КОЛЬЦЕ
— НИЧЕГО НЕ ТРОГАТЬ —
ОЧЕРТАНИЕ БОЛЬШОГО РОГА
ИЗ-ЗА ПОРОГА
МЕТАФОРА ИСТЕКАЕТ КРОВЬЮ ИДЕТ
НЕ ДВИГАЯСЬ С МЕСТА Т.Е. СТОИТ
ИЛИ СИДИТ
НО ДЕЛАЕТ ВИД
ЧТО ИДЕТ
ДЕЛАЯ ВИД
ЧТО СИДИТ —
ЭТО САМЫЙ ОБЫКНОВЕННЫЙ ОБМАН
ИЛИ ОБМЕН
(гласная не имеет значения)
ПОРУЧЕНИЯМИ:
КОМУ НА ВОСТОК
КОМУ ДУТЬ В СВИСТОК
КОМУ СТУК
— А КОМУ ТАК —
ИЗОБРАЖАТЬ ЗВУК
И ПОКАЗЫВАТЬ ЯЗЫК

бестиарий в струнах

тамбурин пошел по бульвару булькать и жонглировать звуками
таково зна(ме)ние чесночная твоя спина
поедатель улиток ловец лодок такова

изгрызанная бездомными собаками
книга – как у вас
ее называют –
пиши в ней сидя на корточках
используй только яркие краски над
мраморным ветром у тебя назревают зевают
улы на каждой лодыжке и
сбоку мы

какбынипотерятьногивпустыхарках
кахрах хакрахыт супвни рубмат
в мокрых крух конвертах слушайсмотри каркает
костлявое эххо охahатывается в живых
кружевных фартучках
ках ках ках

идииди большеголовыйуро д
толстыетараканы ужепереходятвброд
твой замазанныймыслямимозгмузейкаменныхпород
за(га)дай следующийвопросвкозлинныйрот
онприближаетсяедетпоскользкимрельсам
насогнутыхногахзапрестарелымроллсройсом
эпосавслед тамспряталась ящерица за ворот
воротизгипса гиблогоглобуса роетрот
музыка в ро дах н а о б о р о т

стакан воды
(4 пятна)

какую вечность выбрать(?)
эту с выломанной ключицей
или эту у которой ключ и ца –
рапина сзади
в последнем эпизоде
выдери
выдре
волосок
вот три

диоптри –
я повис высок –
ко ко копоть капает потолка
входит с комнату окно толка –
ет дверь в шкафа вка –
тывается кофемолка

сумасшедший щупает чью-то челюсть
учитывая-считывая все pro et contra
четвертый человек чувствует через
над дугой контура
за пределами предмета и предпредмета карта
внутриутробного лабиринта
белая лента марга
скелет натюрморта

лучшая лошадь спешит слушать
лучший шум величиной с лошадь
шов выбирает когда высказать мысль
в этой труднопроизносимой секунде
или в этом месяце у которого масл –
ленные пальцы секутся
наперекосяк
летают мошки
танцует дровосек
с временем под мышкой

остаются какие-то старые вещи
остается как-то построиться выше
остается кто-то по сторонам вашим
по вашим вашим сторонам
по вашим верхним сторонам
по вашим старым сторонам
свет свеч нёс
(вот) веч ность
чность

Станислав Курашев Довольно прохладный вечер в Антарктиде

Ночью мне опять снилась Антарктида.

Земля Разумной Королевы Мод.

Создатели кристалла были по старомодному обстоятельны - на мне были утепленные штаны, аляска с меховым воротником, теплая шапка и рукавицы.

Следы на снегу были необычайно отчетливы.

Впереди меня шла женщина.

Ее следы были маленькими и неглубокими.

Сегодня я нашел третий оброненный (?) ею предмет.

До этого я нашел изящный черепаховый гребень и заколку для волос из солнечного лазурита. Эти предметы выглядели совершенно новыми и ничем не пахли.

Сегодня я нашел шахматную королеву из теплой и тонкой кости.

Королева была - черной.

Я засунул ее во внутренний карман куртки и двинулся дальше.

Стояло полное безветрие и из-за этого было не так холодно.

Я взшел на небольшой холм, дальше тянулась бесконечная равнина, чей девственный наст был разрушен идеально точной прямой линией следов, словно они были оставлены андроидом, а не человеком.

Я спустился с холма и пошел параллельно цепочке следов, чувствуя непонятную тоску в сердце.

Два месяца назад умер мой дед - последний из всех моих родственников - к сожалению он не был богат и мне досталась в наследство только небольшая коробка.

Там было несколько черно-белых инсталляций, желто-зеленый крест какой-то богом забытой страны (надпись на кресте я так и не смог разобрать) и этот кристалл, завернутый в белую материю.

Наклейка с кристалла была отклеена и больше всего он напоминал стеклянную бусину неправильной формы туземных бус.

Таких кристаллов наверное не выпускали лет сто.

Когда я вставил его в разъем, я почувствовал необычайный холод, потом сильную волну тепла и я испугался, что сейчас мой мозг расплавится, но наконец кристалл плотно вошел в разъем и я увидел южную оконечность Земли Отвратительной Королевы Мод.

Передо мной была - цепочка следов.

Зачем дед хранил этот кристалл, я так и не понял.

Вообще-то даже сто лет назад, вряд ли кто-то выпустил бы настолько скучный кристалл.

В нем не было ни крови, ни эротики, ни адреналина.

Кому могло прийти в голову просто-напросто идти по чьим-то следам в снегу?

Я попытался сдать его в антикварный магазин, но без маркировки его отказались взять.

Оценщик - грустный мужик лет пятидесяти - сказал, что кристалл был сделан примерно лет сто двадцать назад.

Работал он - как и все древние кристаллы - на энергии лунного света.

Поэтому их раньше и называли кристаллами Луны или лунными кристаллами.

Кристалл деда был абсолютно тусклым из-за долгого нахождения в коробке.

Я положил его за штору на подоконник и на какое-то время забыл о нем, пока как-то ночью, ложась спать, не увидел холодное синее свечение за шторой.

Я слез с кровати, отдернул штору - кристалл сиял каким-то мрачным и торжественным светом.

Я долго смотрел на него, охваченный каким-то странным сомнением, но потом решив, что это просто какая-нибудь древняя стрелялка, вставил его в разъем и мое сердце сковал ужасный холод.

Я шел и шел по равнине вслед за следами, оставленными словно бы ногой маленькой невесомой японской балерины.

Наконец кристалл отключился и я открыл глаза.

Кристалл часов показывал половину шестого.

Я почистил зубы, отчаянно зевая, кое-как оделся.

проза

Я накинул куртку-дождевик (всю эту неделю прогнозировали дожди) и вышел на улицу.

Шексна была необычайно черной, словно бы этот тусклый рассвет был рассветом сто тысяч лет назад.

Я пошел вдоль реки, на набережной никого не было.

Повсюду валялись пустые водочные бутылки и обрывки бумажных цветов.

В ресторан "Танцующий эльф" я вошел через восточную служебную дверь, прижав кристалл служебной карточки к разьему двери.

В помещении для приема товара никого не было, из десяти холодильников был заполнен только один.

На улице, у входа уже виднелось несколько женских силуэтов, но до половины седьмого было еще десять минут и я закурил первую утреннюю сигариллу, заклеив ее двумя гранулами Луны, чтобы наконец проснуться.

Докурив сигариллу, я открыл дверь для приема товара.

Первой сегодня оказалась совсем молоденькая девушка лет семнадцати, на руках она держала ребенка, которому еще не было и года.

Она положила его на электронные весы - вес был 5670 грамм, возраст 281 день, пол - женский.

Ребенок был совершенно здоров и я заплатил ей сколько следовало по тарифу.

Ребенка я положил в холодильник, он был совершенно спокоен, даже не делая попытки заплакать.

Всего в этот день принесли девятнадцать детей, из которых мальчиков было двенадцать, что не очень хорошо, так как женское мясо ценится выше.

Я отправил мэйл на детскую ферму, чтобы они привезли больше девочек, чем мальчиков.

Грузовик должен был прийти около десяти утра.

Итак, утренний прием был закончен.

Я проверил температуру в холодильниках, все дети были еще живы.

Я сделал температуру чуть повыше, чтобы дети дожили до вечера, когда их начнут готовить.

Я выбрал латте в кофейном автомате и взялся за книгу, которую я читал уже месяц.

Это была "Божественная комедия" Данте, в оригинале.

Чтение давалось мне с трудом, даже с помощью кристалла итальянского языка.

Вечерний сменщик должен был прийти в шесть вечера и в принципе до шести мне делать было нечего, только иногда проверять температуру в холодильниках, да ждать грузовик с детской фермы.

Когда я читал про ледяной круг ада, раздался гудок грузовика, и я пошел открывать ворота.

У ворот меня уже ждал водитель, держа в каждой руке по младенцу.

Все они были завернуты в черную материю.

Наконец все дети были погружены в холодильники и грузовик уехал.

Я курил сигариллы, читал Данте и ждал сменщика.

День тянулся медленно как ожерелье из самоцветных камней.

Гранулы Луны наконец-то подействовали и я впервые за долгое время почувствовал себя хорошо.

Я сидел у открытого окна, чтобы дым выходил наружу и не портил своим запахом младенцев.

Дым Луны был отчетливо желтым.

Наконец пришел сменщик, мы проверили все холодильники, двое детей были уже мертвы и мы достали их, чтобы отправить в разделочный цех.

У них были спящие умиротворенные лица.

Смерть стерла с них все детское и заполнила все покоем.

Интересно, какие у них были имена, подумал я.

Моя смена закончилась, я попрощался со сменщиком и вышел на улицу.

На улице шел тихий дождь, словно в медленном наркотическом сне.

Шексна была напоена сном.

Я пошел вдоль реки, потом спустился вниз и под небольшим мостом, закурил очередную сигариллу.

Гулять особенно мне не хотелось и я пошел домой, еда вроде еще оставалась и я решил не заходить в магазин.

Дома все было также - признаки запустения и призраки неудачной жизни.

проза

В холодильнике были яйца, венгерская салями и засохший французский батон.

Я сделал кофе и пожарил яичницу.

Еду я отнес в гостиную и стал смотреть свой любимый канал "Investigation".

Я вообще люблю смотреть про всяких серийных убийц, сам не знаю отчего.

Просто нравится и все.

В этот раз показывали передачу про Эстебана де Ла Розу, шахматного убийцу из Толедо, который оставлял на местах убийств шахматные фигурки.

Когда его поймали, у него оставалось всего лишь две белых пешки и белый слон.

Такие дела.

Еще у Эстебана была привычка целовать свои жертвы в лоб, оставляя коричневый отпечаток губ (Эстебан пользовался коричневой помадой).

По-испански этот отпечаток назывался так красиво, что даже казалось, что эта фраза имеет смысл.

Когда ведущий рассказывал о грустном детстве Эстебана, которое было точно таким же, как и у всех других серийных убийц, фоном шли улицы Толедо, снятые при хорошем дневном свете.

Все жители города были нехорошо, бедно и как-то неладно одеты.

На всех лицах была печать неудовлетворенности и какого-то явственного несчастья.

Все женщины были сутулы и отчетливо некрасивы.

В общем Эстебана можно было понять.

Завтра мне было опять в утреннюю смену и я решил лечь спать пораньше.

Кристалл лежал на подоконнике, залитый тихим обесцвеченным светом Луны.

Я долго смотрел на него, испытывая странное нежелание вставлять его в разъем, но наконец я совладал с собой и почувствовал холодный ветер, я открыл глаза - передо мной лежала бесконечная земля Прекрасноликкой Королевы Мод.

Казалось, в пейзаже что-то неуловимо изменилось, но что, я не мог понять.

Я надвинул поглубже шапку, поневоле искривив губы от холода, и отправился в путь.

Ветер потихоньку заметал следы (интересно это входило в планы создателей кристалла?).

Я пошарил в бесчисленных карманах куртки и нашел большие черные очки, чтобы защитить глаза от снега.

В окровавленной дыбе - летучие рыбы.

Внезапно цепочка следов прервалась и я застыл на месте как ребенок, потерявшийся в ночном лесу.

Я прошел чуть дальше, потом вернулся назад, описал небольшой круг - не улетела же она отсюда на воздушном шаре?

Я сделал несколько глубоких вдохов чтобы успокоить прану, вглядываясь в даль и наконец увидел вдалеке небольшое черное пятно.

Подойдя поближе, я снова увидел следы, черное пятно вблизи оказалось - кровью.

В нескольких метрах от пятна, лежала толстая короткая стрела, какие используют синоби.

Конец стрелы почернел от крови.

Я пошел дальше, женщина прошла еще немножко, следы ее были путаны, и вскоре упала, на этом месте снова было кровавое пятно, на этот раз побольше первого, видимо она лежала здесь долго.

На этом месте, я нашел два шприца и обрывок крепкой ма-тери, которую она, видимо, использовала как бинт.

Следы стали чуть четче и кровь стала капать гораздо реже.

Еще дважды она падала, но каждый раз довольно быстро поднималась.

У меня появилось странное чувство, что еще недолго и я ее увижу.

Я поднялся еще на один холм, но внизу никого не было.

Ветер стих и стало удивительно тихо.

Уже не в первый раз я пытался понять создателей кристалла, зачем все это они придумали, но я никак не мог понять смысл всего этого.

Обо мне создатели кристалла заботились вполне хорошо, каждые пять километров, я находил склад с едой, это были просто несколько коробок, выкрашенные в ярко-оранжевый цвет и поставленные друг на друга, там были армейские пайки и вода.

проза

Следы у складов никогда не останавливались и шли отчетливо дальше, вперед.

По состоянию крови, будь я каким-нибудь следопытом, я вероятно смог бы определить время, когда эта кровь пролилась.

Мне почему-то казалось, что девушка становится все ближе и ближе.

И в этот момент зазвенел кристалл часов.

Место разъема горело огнем, кристалл был горячим, я кое-как его вынул, он обжигал пальцы и я снова испугался, как бы это не подействовало на мозг.

Я положил его на подоконник и стал одеваться.

Аргояз этого года назывался солнечным бормотанием и все вокруг называли друг друга "брат" и "сестра".

Меня он ужасно раздражал.

В прошлом году был лунный шепот и лунные шептания девушек.

Я сам никогда не ел детей, хотя мудрые доктора утверждают, что блюда из детей чрезвычайно полезны и питательны.

Очень может быть, но я как-то не испытываю особого желания, несмотря на то, что у нас на работе можно забирать еду домой, то что не доели клиенты ресторана.

Многие так и делают.

На работе все было как всегда.

Трое детей были больными, а одного вообще принесли мертвым.

Естественно, я отказался брать этого ребенка, хотя девушка меня долго умоляла взять его.

Видимо ей очень нужны были деньги, но правила есть правила.

Слезы девушек давно на меня не действуют, а всяких грустных историй, я наслушался здесь столько, что будь я писателем, их хватило бы на целый роман.

Что поделаться, на такой работе, приходится быть равнодушным.

Читать Данте мне не хотелось, мой ум сейчас был не в силах разбираться в хитросплетениях итальянского языка.

Я все время думал о девушке и о стреле, окрашенной кровью.

Кристалл видимо все же был неисправен, что-то в нем сло-

малось за эти сто двадцать лет, он слишком нагревался и я подумал, что рано или поздно, это может закончиться для меня плохо.

Мой мозг сгорит и я навсегда останусь заключен в гранях кристалла, я вечно буду идти по следам девушки.

В принципе не такая уж плохая смерть.

Моя смена закончилась и я пошел домой, на улице шел тихий и тусклый дождь, как сны старика, оставляя невидимые следы на поверхности Шексны.

Хмурые прохожие под зонтами шли домой и эти улицы ничем не отличались от улиц Толедо.

Дома все было также - добрый волшебник не выстирал белье, не вымыл посуду, не стер пыль со стола.

Я включил телевизор и стал есть вегетарианские чипсы, запивая их колой.

Сегодня показывали старую загадку, так и не разгаданную за три прошедших века - убийство ДжонБенет Рамси.

21 век напоминал по древности мезозойскую эру, довольно странно было смотреть про время, в котором не было кристаллов.

Сама малышка ДжонБенет уже никого не интересовала, всем было интересно только, кто ее убил.

Кристалл медленно светился за шторой, я очень не хотел его включать, но я должен был узнать, что случилось с девушкой.

Почему-то вдруг мне это показалось самым важным в моей жизни.

Над бесконечной поверхностью земли Равнодушной Королевы Мод дул слабый ветер.

В самом начале пути этого довольно прохладного вечера, я нашел еще один шприц и кусок материи, который она использовала вместо бинта, сплошь пропитанный кровью.

Я ускорил шаг.

Белое солнце в лазури прекрасно отражалось от высветленной белизны белого снега.

Я поднялся на еще один холм и мое сердце дрогнуло еще до того как я успел понять, что внизу находятся коробки с армейским рационом и водой и что с ними что-то не так.

Они были поставлены так, что они образовывали небольшой навес.

Когда я подошел поближе я увидел, что под навесом лежала она.

проза

Она была в теплой куртке с воротником, лицо ее было до ресниц замотано шарфом.

Грудь ее вздымалась медленно и равномерно.

Она спала.

Ее руки в рукавицах были засунуты в карманы куртки.

Она просто спала.

Я сел на снег подле нее и стал ждать ее пробуждения.

Кристалл будильника все еще не звенел, но я знал, что даже если зазвенят все кристаллы всех будильников в мире, то я все равно ничего не смогу услышать.

2-6.08.11

Отель одиноких сердец

Знаешь, Тоня, - сказал мне Эндрю, когда я вошла через парадную дверь отеля одиноких сердец, - а мне ведь сегодня не дали ужин.

Да да, - добавил он еще более скорбным голосом, - я сегодня без ужина и это очень-очень печально.

Ты уверен в этом? – спросила я его, - уверен, что тебе не дали ужин?

Я уверен, - сказал он срывающимся голосом, он уже начал заводиться, - уверен, уверен, уверен.

Ну ладно, Эндрю, - я примиряюще погладила его по плечу, - сейчас я все выясню.

Я пошла искать Рона (это наш менеджер), а Эндрю все повторял как заведенный слово «уверен».

У Эндрю синдром Клейна-Левина, очень редкое заболевание, которым болеют, в основном, мужчины.

Он может спать по 20 часов в день, он очень капризен, плохо ориентируется в пространстве, склонен к депрессии.

Он очень раздражителен, не любит, когда трогают его вещи или просто даже входят в его комнату.

При этом он очень экономен, просит, чтобы ему подстригали волосы, в парикмахерской, говорит, слишком дорого.

Иногда он бывает очень утомителен.

Эффективного лечения для него не существует, успокаивающие средства помогают с годами снизить частоту приступов и только.

У него много фобий – не любит круглые предметы, ненавидит пауков и садовые шланги.

При этом он очень любит свою мать и с видимым удовольствием работает в нашем саду.

Рона я нашла в кухне, он сидел на стуле и читал какой-то детектив.

На плите варились макароны.

Что Эндрю уже наябедничал? – сказал он мне вместо приветствия, - опять про ужин?

Ну да, - сказала я и убавила газ на плите, было такое впечатление, что кипящая кастрюля сейчас взорвется.

Он уже задолбал нас с этим ужином, - сказал Рон, - просто, видимо, настроение у него сегодня плохое.

Я вернулась в гостиную, Эндрю все еще стоял там – неммым укором нашей бесчеловечности.

Не хочешь прилечь, Эндрю, - сказала я, - тебе нужно отдохнуть.

Окей, Тоня, - сказал он, и я повела его в его спальню.

Он кое-как разделся, все еще что-то бормоча про себя.

Спокойной ночи, Эндрю, - сказала я ему и выключила свет.

Потом я вернулась в гостиную, там на диване сидел Джон и смотрел какой-то военный фильм, он их обожает.

Особенно когда Британия кого-то побеждает, он жуткий патриот, у него даже нижнее белье и постельное белье украшены английским флагом.

В руках у него – как всегда – были конфеты.

Он всегда засовывает обертки от конфет под плед на диване, сколько раз я их там находила, даже кожуру от бананов.

У него даун синдром, проблемы с кожей и целлюлит.

Ко мне относится очень хорошо, правда слушается с трудом.

Я села рядом с ним на диван, он как зачарованный смотрел в экран, он может так сидеть и смотреть очень долго.

Когда часовая стрелка достигла десяти часов, я сказала – Джон, пора спать.

Он с трудом оторвался от экрана и покорно сказал – хорошо.

проза

Одет он был как всегда – в костюм с жилетом и неизменным галстуком, словно бы он собирался на королевский прием.

Наверное, он копирует своего отца.

Его мать сейчас в больнице и может умереть, и он плачет каждый день.

Матери уже за восемьдесят, а Джону шестьдесят три года.

Я оставила его одного в его спальне, так как он умеет раздеваться сам.

Потом я положила грязное белье из большой корзины в ванной в стиральную машину и включила ее.

В этот момент зашел Рон с книгой в руке, - будешь макароны? - спросил он меня.

С сыром?

А то, - ответил он.

Мы пошли на кухню.

После ужина, я пошла в гостиную мыть полы и вдруг услышала, как кто-то плачет.

Я прислушалась, это плакал Джон.

Я открыла его дверь, он сидел на кровати, полностью одетый и плакал в темной спальне.

Я села рядом с ним и стала гладить его по голове, он уткнулся в мое плечо и заплакал еще сильнее.

Так мы сидели долго.

Наконец все слезы кончились, я раздела его и уложила в постель.

Он не сопротивлялся и ничего не говорил, только лицо блестело от слез.

Потом я вернулась в гостиную, вымыла полы и стала смотреть телевизор.

Моя смена кончалась в семь утра.

Очень хотелось спать, я пошла на кухню, чтобы сварить кофе, чтобы хоть как-то заглушить желание спать.

Если менеджер поймает тебя спящей, то сразу уволят.

Такие дела.

В нашем отеле одиноких сердец всего четыре постояльца, об Эндрю и Джоне я уже рассказала.

Еще у нас есть Дэвид, пятидесяти лет, тоже с даун синдромом, он слепой и глухой.

В детстве у него очень сильно болели уши, но никто не обращал на это внимания, тогда он проткнул уши вязальной спицей.

Потом у него начали болеть глаза, и он выколол глаза.

Такой вот ужас.

Вообще он очень добрый и ласковый, разговаривать не любит, в основном, молчит.

Одно ухо у него все-таки немного слышит, и когда по выходным приезжает его отец, то он на полную громкость включает музыку, и Дэвид прижимает ухо к колонкам и слушает музыку.

Никаких проблем у меня с ним нет.

И последний наш постоялец, это 31-летний Том, у него церебральный паралич, он не разговаривает.

Мы общаемся с ним посредством глаз.

Если он закрывает глаза – это означает «нет».

Ест очень много сладкого, и его многочисленные родственники часто присылают ему шоколад.

Иногда у него случаются припадки, особенно когда уходит его мать, приходившая его навестить, тогда он кричит и бьется всем телом, мы, как можем, стараемся его успокоить.

Собирает игрушечных коров, и у него их великое множество.

Да, я забыла, Джон тоже собирает игрушки, только у него медведи.

Когда у него вся комната оказалась забита медведями, я как цельный и волевой человек, собрала их всех и отнесла в чарити.

Он долго дулся на меня, а потом снова стал собирать медведей, благо он из богатой семьи и денег у него много.

После уборки помещений я вышла покурить в сад, уже созрели, даже перезрели сливы, и их великое множество лежало на земле.

Позавчера я сделала из них сливовый джем, но никому он почему-то не понравился.

Позавчера была суббота, день, когда наших постояльцев навещают родственники.

Часто они забирают на выходные их к себе домой.

Еще по выходным они могут съездить в так называемый Дом.

Там собираются пациенты со всей округи.

Там они знакомятся, играют, еще там проводятся дискотеки – и это презабавное зрелище.

Пару раз я там была, вместе с Джоном, и каждый раз это было очень смешно.

У всех наших постояльцев есть подружки из других домов, даже у Дэвида и Эндрю.

У нас вовсе не тюрьма, даже не больница или дом призрения.

Мы ходим вместе с ними по магазинам, где они покупают себе вещи, они ходят в бассейн или спортивный зал, они знакомятся, заводят себе друзей и возлюбленных.

В общем, они живут полной жизнью.

Был забавный случай, как-то Джон захотел в паб, а я не хотела туда идти вместе с Джоном, и привезла его к себе домой и сказала своему мужу, что он должен изображать из себя официанта.

Я его еле уговорила, он не то чтобы не любит моих пациентов, по-моему, он немножко их боится.

Мы уселись с Джоном за столом в саду и стали ждать официанта.

Наконец он появился, с явным неудовольствием и в то же время с покорностью на лице.

Принял наш заказ, Джон все оглядывался вокруг, но, похоже, ничего не заподозрил.

Если б об этом узнали, то меня бы, вероятно, уволили, у нас строго запрещено привозить их к себе домой, потому что неизвестно, чем я там его накормлю и что с ним там буду делать.

Также нам запрещено принимать подарки от пациентов стоимостью выше пяти фунтов.

Это сделано, чтобы какой-нибудь нечестный человек не воспользовался их наивностью.

Они очень наивные и доверчивые, скажешь им – отдай мне все свои деньги - и они отдадут.

Я могла бы пойти на курсы повышения квалификации и стать менеджером, заниматься всякой бессмысленной работой, но у меня нет никакого желания это делать, мне нравится моя работа.

Ночь выдалась спокойной, никому не снились кошмары и никто больше не плакал.

Иногда мне их становится очень жалко, и я жалею, что я не всесильна, чтобы им помочь.

Впрочем, иногда им хватает и моего утешения.

Я сидела у телевизора и вдруг услышала голос Эндрю, я тихонько заглянула в его спальню, он разговаривал во сне, он звал маму, которая никогда к нему не придет.

Я потрогала его лоб – он был горячим и мокрым.

Надо не забыть утром дать ему таблетки, подумала я.

Потом я вымыла все на кухне после кулинарных экзерсисов Рона.

Ночь двигалась медленно.

В пять утра начался утренний канал, бодрые ведущие звали людей проснуться и пойти на работу, а я, наоборот, засыпала.

В семь утра первым проснулся Эндрю, он всегда встает очень рано.

Я как раз закончила варить им кашу на завтрак и вышла в последний раз покурить в саду.

Ты опять куришь, Тоня, - сказал он мне, зевая, - это ведь очень плохо, очень плохо.

Ладно, отстань, Эндрю, - сказала я ему.

Курить это плохо, - повторил он, - это очень, очень, очень, очень, очень плохо.

11.10.2011

Маргарита Кривченко Почтальон в полнолуние

Небольшой сквер при учреждении, покрытый снегом. Среди редких деревьев стоит черный стол, кое-как очищенный от снежного наноса, на котором навалены белые заклеенные конверты разных размеров. Две молодых женщины - одна в теплом кожаном пальто с плохо гнущимися рукавами, вторая в пуховой куртке - сидят за столом. Первая листает большую книгу, на коленях у нее пакет с марками. Она берет из кучи очередной конверт, находит по книге адрес, выбирает из пакета соответствующую марку. Вторая должна наклеить марку и надписать конверт. Ее зовут Зоя. Случается, что конверты слишком маленькие, и ей приходится очень стараться, чтобы уместить весь адрес на одной сто-

роне. Иногда названия улиц и поселков звучат странно, и той, что в пальто, приходится диктовать по буквам.

Быстро темнеет, и женщинам приходится напрягать зрение, чтобы различать буквы. Наконец звякает калитка железной ограды и приходит почтальон. На нем нет шапки, на вьющихся волосах видны снежинки. По вискам почтальона спускаются небольшие бакенбарды. «Что, замерзли?» - он всегда так весел. Забирает готовые письма в большую сумку. Женщины наспех засовывают в перчатки красные от замороженных руки и уходят почти следом. Книга, марки и неподписанные конверты остаются лежать на столе.

Выйдя за решетку ограды, Зоя прошла по узкому искривленному переулку, вышла к улице, освещенной тусклыми желтыми фонарями, остановилась у стеклянного навеса автобусной остановки. Минут через пятнадцать подъехал маленький, тархтящий автобус, Зоя забралась внутрь и села на единственное свободное место. Она вздохнула с облегчением, сняла перчатки, помассировала застывшие пальцы. Затем повернулась к окну. Рядом с ней сидел негр, одетый в шерстяное черное полупальто и аккуратную черную кепку из хорошей кожи. Несмотря на плохое освещение и тряску, он читал книгу. Зоя заглянула в его книгу и прочла несколько предложений. Понять ей удалось немного: какая-то женщина заперта в темном помещении и ей страшно. Негр заметил, что Зоя читает вместе с ним, и пододвинул книгу к ней поближе.

- Извините, - сказала Зоя. - Я просто так заглянула.

- Вы можете почитать, - сказал негр. - Это интересная книга.

- О чем она?

- О том, как на один корабль вместо матросов наняли прирученных обезьян. И что из этого вышло.

- Думаю, что ничего хорошего из этого не вышло. Я не люблю страшные книги.

- Откуда вы можете знать, что она страшная, вы ведь ее не читали.

- Мне и читать не надо, я и так знаю.

Негр замолчал и стал смотреть в окно.

- Холодный сегодня день, - сказала Зоя, чтобы продолжить разговор.

- Да, холодный, - ответил негр и наклонился вниз, чтобы поправить сумку, стоявшую под сиденьем.

Зоя посмотрела на сумку – внутри нее что-то зашевелилось.

- Кто у вас там? – спросила она с испугом.

- Свинья. Маленькая свинья.

- Поросяенок?

- Да. Поросяенок.

- А почему он не визжит?

- Он спит. Я его усыпил.

- Зачем?

- Чтобы не визжал. – Негр снова задвинул сумку под сиденье.

– Я еду к друзьям и везу им подарок, эту свинью.

- А почему вы ее сразу не убили?

- Если бы я ее убил, то это была бы не свинья, а кусок мяса.

Просто свиное мясо.

- Свинина.

- Да. Разве это подарок? Мясо – это не подарок. А свинья – это подарок. Потому что тогда с ней можно сделать все что угодно. И мой друг сам будет решать, что с ней делать. А мясо можно только съесть и все.

- Да, я понимаю, – сказала Зоя.

- Я сейчас выхожу, - сказал негр. – Выпустите меня, пожалуйста.

Зоя посмотрела в окно и увидела, что автобус подъезжает к ее остановке.

- И мне тоже выходить, - сказала она удивленно. – Надо же, чуть не проехала.

Зоя и негр вышли. Здесь, в окраинном квартале, оказалось еще холодней, фонарей почти не было, но черные коробки домов и протоптанные в снегу дорожки освещались ярким лунным светом. Негр поднял голову.

- Полнолуние.

Зоя тоже посмотрела вверх. Огромный лунный диск, светло-голубой с привычными контурами теней, висел совсем близко к земле.

- Да, - сказала Зоя. И помедлив, добавила. – Луна огромная.

- В день январской полной луны многое может измениться, - сказал негр.

проза

- День уже прошел, а ничего не изменилось, - устало сказала Зоя.

- Ну вот, я уже пришел, - сказал негр. – Мои друзья живут вот в этом доме. – Он указал на темный прямоугольный силуэт, в котором всего в трех окнах горели слабые огоньки.

- А я живу вон там, - Зоя махнула в сторону дома чуть поодаль. Ей вдруг захотелось продолжить знакомство, пригласить негра на чай, накормить домашней стряпней, но она не знала, как ему предложить.

Негр замедлил шаг.

- Странно, у них в окнах свет не горит.

- А если там дома никого нет? – спросила Зоя.

- Ну значит, поеду обратно.

- Ну что вы, может, они вышли куда-нибудь, прогуляться, и скоро вернуться, а вы уйдете, так и не повидавшись. – Зоя зачастила скороговоркой, стараясь словами заглушить собственные сомнения. – А вы бы зашли пока к нам, переждали, чаю попьем. Если что, у нас и на ночь можно остаться, у нас на кухне диванчик есть. У меня правда муж больной, парализованный, но это ничего, он ухода почти не требует, лежит себе в спальне. Только когда нервничает, хрипит громко и здоровой рукой в стену бьет, но я тут же приду и его успокою. Еще у меня сын есть, но он редко домой приходит ночевать. Так что у нас спокойно.

Негр посмотрел на Зою недоуменно, будто не понял ее быстрых слов на чужом ему языке.

- Знаете, может быть, вы вместе со мной пойдете?

- Зачем? – опешила Зоя.

- Ну я подумал, что мы могли бы поговорить еще. Ведь вы непротив?

- Это так неловко... - протянула Зоя и собралась было высказать и другие сомнения, но негр перебил ее.

– Ну как хотите. Тогда до свидания, я пойду.

- Нет, если вы думаете, что это прилично, и ваши друзья не рассердятся... А ваши друзья, они тоже негры?

- Есть черные, а есть и белые... - задумчиво сказал негр. – Да вы не бойтесь, чего вы боитесь? Идемте.

Негр свернул к подъезду, и Зоя, на расстоянии пары шагов, поплелась за ним в глубоком сомнении. Внутри подъезда была темень, полная ночная темнота.

- О, да у них света нет! – обрадовалась Зоя решению загадки. – Электричество отключили! Поэтому окна и не горят.

- Осторожней. Держитесь за меня, - негр подождал, пока она вцепится в его локоть, и они на ощупь стали подниматься по ступенькам. Глаза быстро привыкли к темноте. При бледном свете луны, льющемся из лестничных окон, были хорошо видны и лестница, и перила, и стены, но Зоя все еще сжимала пальцами толстый шерстяной рукав негра.

Подъезд был полон звуков. Где-то на верхней площадке курили двое мужчин, заполняя подъезд табачным дымом. Они спокойно беседовали о симфониях. Совсем близко, в каком-то укромном углу хихикали подростки. В одной из квартир собака то лаяла, то выла. Вдруг сверху распахнулась дверь и старческий надтреснутый голос позвал: «Машенька! Машенька!» На секунду все стихло, но затем снова мужчины заговорили, подростки захихикали, а собака залаяла.

Зоя с негром поднялись на второй этаж, и негр уже собрался надавить на кнопку звонка, но Зоя воскликнула:

- Подождите!

Она сняла шапку, пальцами слегка взбила волосы. И вдруг спросила:

- А как Вас зовут? Мы же даже не познакомились. Меня Зоя зовут, а Вас?

- Меня зовут Андре. По-русски Андрей.

- Андрей? – Зоя прижала ладонь ко рту, чтобы не прыснуть от смеха. Ей показалось очень смешным, что негра зовут Андрей. Но она тут же взяла себя в руки. – Очень приятно, Андрей. Ну что, пошли? Стучите, звонок ведь не работает.

Комната, куда провели Зою и Андре, казалась огромной. «Они, наверное, стену сломали, - подумала Зоя, - не может быть в наших домах таких комнат». Также она решила, что хозяйева очень богаты, сама не зная почему. Все-таки комната, по ее представлениям, была обставлена не слишком роскошно. В углу стояли сервировочные столы с закусками и напитками, вдоль стен – низкие бархатные диваны, на полу - тонкий ковер с абстрактным узором. Стена, выходящая на улицу, полностью затянута плотной шторой. Посреди комнаты, на журнальном столике подрагивало пламя в большой масляной лампе, возле нее возился пожилой негр, регулируя фитиль.

Оглядываясь в полумраке, Зоя пыталась рассмотреть людей. Их было около десятка, в основном, негры, вероятно, семья, потому что среди них были и старики, и совсем юные мальчики. Женщин всего две, и обе белокожие. Не женщины, а юные девушки, в одинаковых черных платьях, обтягивающих стройные тела. Они бесцельно ходили по комнате, поправляли сервировку на столах, перекидывались короткими фразами с мужчинами. Несколько молодых негров стояли в углу, яростно о чем-то споря. Остальные просто сидели на диванах. Свет лампы блестел на гладкой черной коже, выделяя широкие носы, губы, мерцающие зрачки. Зоя остановилась у двери. К ней поспешили девушки, зашебетав что-то гостеприимное, подвели ее к столикам с едой и вручили бокал, наложили в тарелку закуску. Зоя села на диван и попыталась отыскать глазами Андре, но не смогла выделить его среди остальных мужчин. «Все они на одно лицо, - подумала Зоя, - А может быть, он просто вышел из комнаты».

Подросток принес барабан и начал сосредоточенно выбивать на нем замысловатый ритм. Одна из девушек вышла на середину комнаты и под ритм барабана стала дергать телом, изображая уродливый танец. Вторая подошла к пожилому негру, наконец справившемуся с лампой, и стала что-то ему раздраженно высказывать. К ней присоединились другие. Пожилого обступили со всех сторон, громко в чем-то обвиняя, показывая то на окно, то куда-то вверх, а тот отвечал коротко и разводил руками. Наконец пожилой выставил ладони вперед, демонстрируя, что разговор окончен, отвернулся и подошел к Зое. Зоя к тому времени встревожилась. Она поступила очень опрометчиво, уступив приглашению Андре. Ей не следовало сюда приходить. Пожилой уселся рядом с Зоей, заговорил с ней. Его голос был спокоен и приветлив, как будто дела обстоят в полном порядке и все идет как надо. Он представился Патриком.

- Патрик, мне нужно домой. Пожалуй, я пойду. Дома столько дел, а я тут сижу.

- Ну что вы, Зоя, вы же только вошли. Посидите, поешьте, расскажите что-нибудь. Видите, все тут занервничали, ну да ничего, свет скоро включат, и все будет в порядке.

- Да, просто беда с этим электричеством. Отключают чуть не каждый день...

- И все планы срываются.

- Да-да. Я как-то раз мужа мыла в ванной, и вдруг на тебе: отключили и свет, и воду...

- Прекрасно! А вы - знакомая Андре?

- Ну как сказать... Мы познакомились в автобусе. Если можно так сказать. Он читал книгу, а я в нее заглянула. Вот и разговорились.

- Что, интересная книга? Что за книга?

- Что-то про обезьян. Я сказала, что книга страшная, а он сказал, что нет, не страшная.

- Но вы же ее не читали, как вы можете знать, что она страшная?

- Вот-вот, он сказал то же самое. Но и он-то прочел только самое начало. Откуда он мог знать, что книга не страшная?

- Когда вы берете читать книгу, вы не знаете, какая она. Вы не можете чувствовать заранее. Понимаете, Зоя? Если вы мельком прочли предложение в книге и вдруг почувствовали страх, то книга здесь ни при чем. Зачем вы придумали этот страх? Чтобы познакомиться с Андре? Он вам понравился? Чтобы прийти сюда и немного поразвлечься? – Патрик вдруг разозлился и начал орать. – Отвечайте, зачем?

Зоя смотрела на него, вытаращив глаза.

- Да что вы? Я ничего не придумала. У меня и в мыслях не было... Я же хотела уйти, а вы сами сказали: «Посидите...» Я сейчас же уйду.

Зоя подскочила с дивана, но Патрик ухватил ее за руку.

- Сидите. Эти глупые белые женщины, с ними ни о чем невозможно поговорить. Они ничего не понимают, - сказал он тихо, будто сам себе. - Ладно. На чем мы остановились? Так отчего вам стало страшно?

- Не знаю. У меня еще в снах так бывает. Попадаешь в какое-то место, вроде бы ничего особенного, а тебе вдруг становится страшно. Разве у вас так не бывает?

- Вам часто снятся кошмары?

- Не часто, но бывает. Вот, кстати, недавно приснился жуткий сон. Я его хорошо помню, до самых мелочей. Рассказать?

- Да. Очень интересно.

- Сначала там были какие-то дети, они позвали меня купаться на озеро. Мы пришли на берег. На берегу пусто и тихо. Вода темная, по ней плавают листья и тина. Солнце светит - кажется,

что вода очень теплая. Дети залезли на большой камень, стали нырять, плескаться, визжать. И я с ними залезла на камень, прыгнула в воду. Там было мелко, около метра глубиной, но ноги попали в мертвые водоросли. Знаете, такие липкие, скользкие водоросли. Они обволокли мне ноги до самых коленей, а стебли отрывались и цеплялись к коже. Всплывали на поверхность, липли к рукам и груди. Гадость...

Я тогда вылезла и пошла искать место почище. И нашла прекрасный маленький пляж. Совершенно чудесное место. Солнце сквозь сосны, песок плотный, а на нем трава такими отдельными клочками. Причал из досок, доски теплые, прогретые, шершавые. И вода темная, но чистая, на поверхности ни соринки, как зеркало. И я прыгнула с причала...

Зоя вдруг замолчала и прислушалась. Откуда-то издали слышалась легкая мелодия, звук постепенно нарастал. Зоя взглядела в проем двери и там через пару секунд возник силуэт девушки с транзистором в руках. Она поставила радиоприемник на стол и объявила:

- Танцы!

- Зоя, рассказывайте. – Сказал Патрик. – Очень интересный сон. Что же дальше?

И Зоя продолжила.

- Дальше самое жуткое. Я прыгнула в озеро. Там оказалось так мелко, что я упала почти плашмя – зацепилась ногами. А подо мной были тела людей. Скользкие голые человеческие тела. Они покрывали все дно. Утопленники. Я в ужасе стала выбирать, но не могла устоять на ногах, потому что они были скользкие. Спины, задницы, ноги, головы. Мне пришлось ползти по ним на коленях и цепляться за них руками. Они лежали неподвижно, только женские волосы развевались в воде и щекотали меня. Некоторые из них были мягкими, будто уже разложились, а некоторые были упругими, почти совсем живыми. И я ползла по ним еле-еле, знаете как бывает в снах, хочешь бежать, а будто прирос к месту. И здесь также - я цеплялась за их лодыжки, ключицы, чтобы вытянуть свое тело, упиралась в промежутки между их частями... В общем, я вылезла, пришла в себя и услышала как вдалеке смеются дети. И это было еще страшнее. Невинный издевательский детский смех...

Зоя почувствовала, как от воспоминания о сне у нее побежали мурашки по коже. Она подняла голову, оглядела комнату. Девушки и молодые негры танцевали под звуки радио. Небольшая компания негромко разговаривала в углу, распивая большую бутылку с красивой этикеткой.

И тут вдруг откуда-то послышался громкий стук, звук бьющейся посуды и резкое, отчаянное визжание свиньи. Через секунду в комнату вбежал Андре:

- Свинья проснулась! – сказал он Патрику, размахивая руками. – Что с ней делать?

Патрик вскочил с дивана.

- Черт, про свинью забыли! Запихивай ее обратно в сумку, понесем наверх. Зоя, пойдите с нами. Только оденьтесь – мы выйдем на улицу. Я сейчас фонарь возьму.

Зоя, поддавшись суматохе, выскочила в прихожую и моментально натянула сапоги, пуховик и шапку. Из темноты возник яркий луч фонаря. Появились Андре и Патрик, темные фигуры с темными лицами, под мышкой у Андре в сумке барахталась и верещала свинья. Вместе они двинулись по коридору, затем прошли через несколько комнат. Где-то работало радио, передавая последние новости, где-то ссорились мужской и женский голоса, где-то монотонный бас на одной ноте твердил молитву. В одной из комнат, свернувшись в кресле, мальчик читал книгу при свете свечи. Когда они проходили мимо, быстро и громко топая ботинками, с верещавшей свиньей, мальчик едва поднял взгляд и тут же снова опустил его в книгу, не пошевелившись.

В одной из комнат у Зои вдруг зацепился шарф. Она дернулась, но прочные нитки крепко держались за невидимый крючок. Зоя торопливо ощупала шарф, наткнулась пальцами на гвоздь в стене и попыталась отцепить от него ткань, но в темноте и в спешке ничего сделать не получалось. Между тем Андре и Патрик прошли сквозь комнату, вышли и захлопнули дверь. Зоя осталась в кромешной тьме.

- Подождите меня! Андрей! Патрик! Подождите! – крикнула Зоя, изо всех сил дергая шарф. Никто не отозвался. Зоя сосредоточилась и спокойными движениями наконец отцепила шарф от гвоздя. В это время где-то сбоку открылась дверь. В проеме возник молодой долговязый негр с маленькой свечкой в руке. Другой рукой он приглашающе махал Зое:

- Женщина! Сюда! Сюда!

Зоя робко подошла к двери.

- Заходите! Заходите! Сюда!

Когда Зоя вошла, негр шустро уселся в большое кресло.

- Вы кто, женщина? – спросил он как-то ехидно, и Зоя, со всем растерявшись, ответила:

- Почтальон.

- Почтальон?! – рассмеялся негр, - Среди ночи? И какую почту вы нам принесли?

- Нет... Почтальон я по профессии, а здесь я в гостях.

Негр сидел, развалившись в кресле, а Зоя стояла перед ним посреди комнаты, все еще дергая в руках злополучный шарф.

- Значит, сегодня вы к нам без почты... - Негр скорчил суровую гримасу. – Ну тогда расскажите, как у вас там на почте, хорошая работа?

- Да нормальная работа... Вот только сейчас плохо...

- А что такое? – Негр вдруг с озабоченным видом наклонился вперед, ухватив себя за подбородок. – В чем проблемы? Да вы сядьте, что вы стоите как столб. Сядьте и рассказывайте.

Зое было очень неловко, но она не знала, что делать. Хорошо бы уйти, ей давно пора уйти, но в огромной незнакомой квартире в крошечной темноте это сделать не так просто. Поэтому Зоя села на стул и принялась отвечать на вопросы. Почта у них хорошая, в центре города, но сейчас в здании делают ремонт. Но работать надо, люди ведь пишут письма и отправляют посылки, и поэтому они работают на улице. Она вместе с подругой сотрудницей работают во дворе. А сейчас такой мороз, что руки у них совсем отморозились. И даже часов у них нет, чтобы посмотреть, когда кончится рабочий день. И поэтому они ждут Ефима. Когда приходит Ефим, значит рабочий день окончен и можно ехать домой.

Негр слушал Зою с большим интересом. Как только она сделала паузу, он тут же спросил:

- Ефим? Кто такой Ефим?

- Это наш рабочий. Он забирает нашу почту и относит в сортировочный цех. Он веселый такой, и мороза не боится, ходит без шапки. Когда он входит в калитку, прямо душа радуется.

Негр поднял брови и почесал макушку.

- А что если ваш Ефим опоздает? На три часа? И придет пьяный в стельку? А что если он скажет вам, чтобы вы сами шли в сортировочный цех, там вы будете работать еще ночью? Зато в тепле? А? Что вы будете делать?

- Ну что вы... Что вы наговариваете на человека. Наш Ефим не такой.

- А какой?

- Он веселый, добрый. Я его давно знаю, он хороший.

- Да? Так он пьет или нет?

- Не знаю... Ну может быть, как все, по праздникам...

- Вот и я тоже говорю, что ничего вы не знаете. А я думаю, он такой старикашка спившийся, на носу у него замерзшая капля, а на голове лишай вместо волос, поэтому и шапка не нужна, он вообще её продал. Шапка ему не нужна, его лишай греет.

Негр захохотал, потом скорчил рожу и показал Зое язык. Зоя заволновалась.

- Да нет же, он молодой и здоровый, а волос у него на троих хватит, у него даже бакенбарды...

- Бакенбарды? Это такие пучки, между щеками и ушами?

Негр собрался было поговорить о бакенбардах, но Зоя, вконец разозлившись, закричала:

- Хватит! Прекратите сейчас же!

- Да что вы так кипятитесь. Что это вы так разозлились? Это розыгрыш. Вы в гости пришли, и я вас развлекаю.

- Не смешно.

- А я говорю, это смешно. Ну хорошо, не горячитесь. Значит, Ефим у вас волосатый как орангутанг. А что насчет подруги? Что у нее там с руками, почему отморожены?

- Перестаньте! – Зоя подскочила со стула. – Я пойду. Мне надо идти.

- Куда вам надо идти?

Но Зоя ринулась к двери, рванула ее и натолкнулась на Патрика, который в этот момент входил в комнату.

- Вот вы где, - сказал Патрик. – А мы вас потеряли. Только по голосу нашли. Пойдемте скорее.

Зоя, Патрик и Андре прошли еще пару комнат, поднялись по лестнице и вылезли на крышу дома. Круглая, холодная луна висела чуть сбоку от крыши, освещая снег бледно-голубым светом. Было очень холодно. Посреди крыши стоял большой каменный

сарай, и негры долго возились с замком, прежде чем дверь со скрипом отворилась.

Они вошли внутрь. Луч фонаря скользнул вбок, и Зоя увидела кур, сидящих на насесте. Проснувшись, они наперебой закудахтали. На их голос откликнулось какое-то животное из глубины сарая, издавая громкие хриплые носовые звуки - то ли мычание, то ли хрюканье. Тут же снова всполошилась свинья под мышкой у Андре, она было утихла, а теперь визжала отчаянно и пронзительно.

- Что у вас здесь, хлев? – испуганно спросила Зоя.

- Мы здесь держим наших животных, - ответил Патрик.

- Зачем? Ради мяса?

- Для разных целей. Для самых разных целей. Например, вот курица. – Патрик схватил за лапы большую белую курицу, перевернул вниз головой и помахал ею перед лицом у Зои. – Что с ней можно сделать? Съесть ее проще простого. А мы учим ее летать.

- Летать?

- Как вы думаете, почему у человека до сих пор нет домашних животных, которые бы умели хорошо летать? Не знаете? И я не знаю. А ведь это было бы полезно. Пойдемте, я вам покажу.

Андре остался в сарае, а Патрик, захватив курицу, подошел к краю крыши. Он надел курице на лапу кольцо, к которому была привязана веревка, и бросил курицу вперед и вверх, так, будто бы выпустил стремящуюся к полету птицу. Курица захлопала крыльями и спланировала на ближайшее дерево. Она не удержалась на верхних ветках и упала вниз, но на более толстых ветвях ей все-таки удалось зацепиться. Курица, кудахча, топталась на ветке на уровне третьего этажа. Как раз напротив нее на балкон вышел человек, задрал голову вверх и крикнул: «Отцепить?» Патрик дернул веревку, но та застряла в ветках дерева. «Да, давай, отцепляй!» - закричал Патрик человеку на балконе. Тот взял палку, зацепил и подтянул к себе веревку. Патрик дергал веревку со своего конца. В итоге человеку на балконе удалось притянуть к себе курицу и освободить веревку. «Лови!» - закричал он и бросил курицу вверх. Патрик быстро вытащил курицу обратно на крышу.

- Вот видите, все-таки у нее уже кое-что получается. Раньше она просто падала, как мешок, а теперь научилась залетать на

дерево. – Патрик гладил перепуганную птицу по спине, та нервно подергивала крыльями. – Ну, что скажете? Как вам это нравится?

- Цирк какой-то. – Зоя вспомнила пляшущую девицу, и гри-масничающего негра, и животных в хлеву. - У вас здесь цирк сплошной.

Патрик снова вдруг вышел из себя.

- Если у нас цирк, то у вас, вероятно, есть серьезные дела? Поужинать? Мужа в ванной помыть? Или может быть, что-то другое? Политика, искусство, науки? А? Что вообще вы называете серьезным, а что – цирком? А вот вы, кстати, не хотели бы научиться летать? Попробуйте! Даже эта курица смогла, я думаю, у вас тоже должно получиться. Сейчас мы вас пристегнем и запустим.

Патрик был зол не на шутку, и Зоя попятилась от края крыши.

- Не надо... Ну что вы, Патрик, про цирк – это я в хорошем смысле... Весело у вас здесь... Ой, а там что такое?

Она увидела на другой стороне крыши трубу телескопа.

- Это телескоп. Хотите посмотреть?

- Да, если можно.

- Пойдемте. Сегодня все большие планеты вон там, в южном небесном полушарии. Юпитер сейчас очень близко, вон он, видите – яркая звезда. Уран и Нептун тоже хорошо видны.

Они подошли к другому краю крыши.

- А вон мой дом! Вон там я живу, три самых левых окна на пятом этаже. – Радостно воскликнула Зоя, показав пальцем в сторону пятиэтажки. И тут же забеспокоилась. - Свет горит во всех окнах, сын что ли вернулся... Зачем он во всех комнатах свет зажег?

- Хотите посмотреть на свои окна в телескоп? – спросил Патрик.

- Да... Ох, и занавески не задернули... Что же там у них...

Патрик опустил трубу, настроил телескоп и уступил место Зое. Она заглянула в окуляр и увидела свою комнату так близко, будто бы была прямо возле окна. По комнате бегал муж в светлоголубой пижаме. Тощий и бледный, он то выбегал на кухню, хватал трубку телефона и что-то кричал, размахивая левой рукой, то убегал к себе в спальню и садился на кровать, обхватив голову руками, то подходил к окну и смотрел вниз на улицу. Когда он

проза

стоял возле окна, Зоя ясно видела его лицо, изможденное и отчаявшееся.

- Он бегаёт! – в страхе воскликнула Зоя, оторвавшись от телескопа. – Он восемь лет не вставал, а теперь бегаёт! Мне срочно нужно домой! Пойдемте скорее!

Она схватила Патрика за руку и потащила с крыши. Они быстро спустились по лестнице, пробежали по коридорам и комнатам и очутились в прихожей. Зоя повернулась к Патрику с прощальными словами, как вдруг со всех сторон ярко вспыхнул свет. Тут же раздался резкий звонок в дверь. Патрик открыл. В квартиру вошли три милиционера. Зоя схватила свою сумку и хотела выйти, но лейтенант преградил ей дорогу.

- Ваши документы!

Патрик поинтересовался, в чем дело.

- Поступила жалоба. Всем предъявить документы, - сказали ему.

Зоя молча достала из сумки паспорт, лейтенант стал тщательно изучать его. Когда он дошел до страницы с пропиской, он удивленно поднял глаза.

- Дом три, квартира восемнадцать?

- Да, - сказала Зоя.

- А на вас подали заявление в розыск.

- Кто подал? Когда?

- Часа три назад. Ваш муж подал. Сейчас можете идти, завтра к трем часам зайдете в отделение вместе с мужем.

Зоя схватила паспорт и бегом помчалась к своему дому. Она влетела на пятый этаж, открыла дверь и у порога увидела мужа. Большой и трясущийся, он протянул к ней руки.

- Жива, милая! – прошептал он.

И упал к ней в объятия.

Вадим Климов **Спутники**

В книжном магазине я стоял у стола с новинками, без особого интереса скользя взглядом по обложкам. С другой стороны стола суетился мужчина. На вид ему было лет сорок пять - пять-

десять, полный, но не производящий впечатления грузного из-за невысокого роста и резких малоосмысленных движений. Как был одет мужчина, я не запомнил, скорее всего, совершенно невыразительно.

Он окликнул проходящего мимо продавца и спросил, в какую цену трехтомник Спинозы. Юноша взял из рук мужчины один том, но не нашел ценника и ушел во внутреннее помещение. Секунд через пятнадцать появился снова.

- Шестьсот двадцать рублей, - продавец вернул книгу мужчине.

- За один том или за все три?

- За каждый, - бросил молодой человек, направляясь к кассе.

Я окончательно потерял интерес к новинкам и теперь был занят исключительно мужчиной. Он поставил книгу Спинозы на место, вроде занялся другими новинками, но не сдвинулся ни на шаг, остался на том же месте – у Спинозы.

- Шестьсот двадцать рублей... - торжественно прошептал мужчина.

Его руки вернулись к роскошному трехтомнику, пальцы заскользили по добротным корешкам.

- Шестьсот двадцать рублей! - повторил он. – Вот это я понимаю!

У стола возникли новые покупатели и оттеснили меня в сторону. Чтобы не выглядеть комично, мне пришлось повернуться лицом к стеллажам. Мужчина выпал из моего поля зрения, однако сквозь чужие реплики я все еще слышал, как он заворожено повторяет "вот это я понимаю!".

Вскоре посетители переместились к другому столу, я повернулся. Мужчина стоял на том же месте и держал в каждой руке по тому Спинозы. Третий том положил на корешки новинок и вожаделенно разглядывал его.

- Шестьсот двадцать рублей! - произнес он в очередной раз. – Тысяча восемьсот шестьдесят рублей за все!.. Вот это я понимаю!

Как бы ни был забавен персонаж, он начал мне надоедать. Наступило пресыщение, и я направился к выходу. Слишком незначительный репертуар, удручающе однообразное исполнение. Терпеть это и дальше было неразумно.

Я вышел на улицу, ни одной книги в тот раз не купил. Можно сказать, без ничего. Однако в памяти остался замороженный мужчина. Я вынес его из книжного магазина бесплатно, вместе с преклонением трехтомнику Спинозы. Чтобы в будущем иногда вспоминать восхищение ценой. Вот это я понимаю!..

В вагоне метро передо мной встала девушка с сотовым телефоном у уха. Некоторое время она пыталась поддерживать диалог с кем-то на другом конце, но из этого ничего не вышло. Девушке пришлось убрать телефон в сумочку.

Правда, она забыла застегнуть молнию, и трубка торчала наружу. Сантиметров пятнадцать отделяло ее от моей руки. Более того, девушка стояла ко мне спиной, еще и загораживала от других пассажиров. Так что никто бы не заметил, решишь я украсть телефон.

Боже мой! Я весь извелся из-за этого. Любой другой не обратил бы на торчащую трубку внимания, в крайнем случае, лишь усмехнулся. Но только не я. Ощущение нереализованной возможности безжалостно меня терзало.

С одной стороны, я знал, что никто не смотрит на меня, не видит, в какой соблазнительной близости оказался я от чужого телефона. С другой... где-то в глубине сознания имелся тайный наблюдатель, укоряющий меня за нереализованное действие. Невидимый пассажирами, я превратился в объект его укора.

Кража, совершеннейший пустяк, к тому же безнаказанный, оставалась потенциальной. Насколько же тяжело давалось бездействие. Так невыносимо, что на первой же остановке я перешел в другой вагон.

Первым делом взгляд отыскал в старом вагоне девушку, недавнюю соседку. Она заняла мое место, которое я только что покинул, телефонная трубка так же торчала из сумки. Даже из другого вагона я ее увидел. Любой мог украсть, слишком уж удобно торчал телефон. И слишком беззаботно вела себя девушка.

А ведь я мог, покидая вагон, указать ей на незастегнутую сумку, чего я, разумеется, не сделал. Сразу же нашлась и причина моего бездействия – я мог не успеть перебежать в соседний вагон, пришлось бы ждать следующего поезда. Но все это не объяснение, а чепуха.

Чепуха!

Мне, может быть, вообще не пришлось бы мотаться из вагона в вагон, предупреди я девушку. В этом не было ничего сложного. Ничего.

Но я поступил иначе. Предпочел сбежать в другой вагон и отсюда наблюдать за опасным положением сотового телефона. Избавившись от внутреннего наблюдателя, укоряющего за нереализованный поступок. Но теперь меня укоряет кто-то еще, вновь с помощью внутреннего голоса, за то, что не вмешался в происходящее, буквально сам толкнул девушку в руки воров.

На следующей станции я вернулся в старый вагон. Но – черт возьми! – девушки в моем углу уже не оказалось. Я завертелся на месте. Может быть, она просто села? Или перешла в другое место, немного удобнее моего угла?

Нет! В вагоне девушки не было.

Стоило это понять, как одновременно закрылись все двери. Но мы не трогались с места. Тут-то я и увидел девушку, она шла по перрону вдоль поезда. Телефонная трубка торчала из открытой сумочки. Мне так и не удалось вмешаться, сделать хоть что-то, как говорят в таких случаях.

Эта девушка... Стоит сказать, что я отвернулся сразу, как ее заметил, не хотел, чтобы на моих глазах вытащили телефон. Так вот, эта девушка... я пытался вспомнить ее лицо. Понравилась ли она мне? Какое впечатление произвела? Почему я вдруг заинтересовался телефонной трубкой, торчащей из сумки?

Нет, лица я совершенно не помнил, даже в общих чертах. Внешность девушки оставила меня равнодушным. Интерес представляла лишь потенциальная возможность кражи. Я так отчетливо ее представлял, что кража для меня уже произошла. Вернее, я метался из момента, когда кража только что произошла, в момент незадолго до нее.

Кража, непрерывно повторяемая то мной, то кем-то еще. Я никак не мог отделаться от ее навязчивого воспроизведения. Девушка с телефонной трубкой, моя рука в пятнадцати сантиметрах, ловкое движение и вот уже телефон прячется в моем кармане, а я выхожу из вагона. И снова обратно, в самое начало: девушка чуть поворачивается и кто-то другой вытаскивает из ее сумочки трубку, прячет в кармане и выходит из вагона. И снова обратно – в ситуацию, когда трубка еще торчит и притягивает преступление.

Когда я поднялся на улицу, мысли о телефоне все еще крутились в голове. Собственно, это была одна мысль, закольцованная и бесконечно тиражируемая. Всю дорогу от метро я пытался ее преодолеть, заглушить сторонним размышлением, но успеха не достиг.

Дверь открыла мама.

- Это ты? – она с недоумением смотрела на меня, будто только проснулась.

- Да, решил зайти, - я протиснулся между ней и дверным косяком.

Перед ночной работой я иногда заходил к родителям поужинать.

Отец выглянул из комнаты.

- А, это ты, - едва слышно произнес он, но в прихожую не вышел, остался в комнате и смотрел в мою сторону.

Мать уже была на кухне.

- Я приготовила котлеты, - крикнула она, пока я снимал ботинки. – Вернее, одну котлету. С чем ты ее съешь: с рисом или вермишелью?

- С вермишелью.

Утром я как раз ел рис.

- Или с рисом? – переспросила мама, выглянув из кухни. – Потому что вермишели нет.

- Хорошо, с рисом.

Я сел за стол и начал есть. Мать то покидала кухню, то возвращалась, каждый раз объясняя, что по телевизору идет передача, которую нельзя пропустить, слишком интересная.

- Ты не обижаешься?

Я замотал головой. Нет, нет.

- Что? – переспросила мама. – Ты не обижаешься на меня?

- Нет, - сказал я.

Секунд через десять она снова прибежала, забыла рассказать, что днем была у дантиста.

- Все-таки решилась. Долго боялась, но потом пошла. Мне рассказывали, что теперь это не больно. Немного неприятно, но боли, как в былые времена, не чувствуется. Просто сидишь с открытым ртом и ждешь, когда все закончится. Врач топчется во-

круг тебя с инструментами. Испытываешь скорее психологический дискомфорт, не физический. Не нужно больше страдать.

Мама взглянула на мою тарелку и забросила кусок мяса. Я не успел ничего сказать, так ловко она это сделала.

- Зуб, вот он, кстати. - Мама наклонилась и оскалилась, тыча пальцем в проблемное место. – Зуб этот мне никогда раньше не лечили, но месяц назад он заболел. Сначала я терпела. Однако болело все сильнее. Пришлось идти к врачу. Я не хотела обращаться в районную поликлинику, там все делают из рук вон плохо, мне посоветовали платную. Прямо здесь, недалеко от дома. Я пришла, врач усадил меня в кресло, знаешь, наверно, какие у них кресла, осмотрел рот. Этот болит, спросил и стукнул по зубу. Я чуть не подпрыгнула от боли. Тогда врач сделал мне укол и начал лечить.

Мама выскочила из кухни, но сразу вернулась. Наверно, проверила, не началась ли телепередача.

- Ты не поверишь, - почти закричала она. – Доктор просверлил больной зуб и нашел внутри...

Я оторвался от тарелки, потому что мама умолкла. Никак не могла подобрать нужное слово. Ее лицо оживилось, даже покраснело. Зрачки в широко раскрытых глазах блуждали из стороны в сторону.

- Ты наелся? Или нет?

- Наелся, - сказал я, но остался за столом. – Так что он нашел?

Взгляд матери остановился на мне. Мама схватила опустевшую тарелку и швырнула в раковину. Через мгновение мама уже выбегала из кухни. Оглянувшись, бросила:

- Нашли обломок сверла.

Я посидел еще минуту, но мама не возвращалась. Правильно ли я ее понял? Ведь зуб раньше не лечили. И все равно внутри нашли обломок сверла...

- Вот это я понимаю!.. – манерно произнес я, имитируя сегодняшнего покупателя.

И потом еще раз, чуть громче:

- Вот это я понимаю!

Фраза вошла в обиход, приклеилась к языку.

- Что? Что ты говоришь?

В кухне медленно появился отец.

- Ничего, - сказал я.

- Ничего, - повторил отец и положил блюдо в раковину.

- Ты поел?

- Да.

- А салат? – спросил отец. – Салат она тебе порезала? Огурцы, помидоры? Ты ел их или нет?

- Нет, - сказал я, поднимаясь.

- Тогда я сейчас тебе сделаю, подожди немного.

Отец открыл холодильник и долго перебирал содержимое выдвигающихся ящичков.

- А у нас и не осталось ничего, - сказал он в конце концов. - Ни помидоров, ни огурцов. Надо будет сходить купить. Или, может быть, ты сходишь?

Я взглянул на настенные часы. Времени оставалось совсем немного. Да и не хотел я никуда идти, кроме как на свою ночную работу.

- Нет? – предугадал отец.

- Времени нет.

Сколько я ни ужинал у родителей, никогда им не помогал. Не ходил ни в магазин, ни куда-то еще. Тем более, не приносил ничего с собой. Ни единого раза. Даже не задумывался об этом. Разве что сейчас...

- Смотался бы туда-обратно, - не отставал отец. - Много времени у тебя это не отнимет. Зато поел бы салат. Очень полезно.

Отец продолжал говорить, но уже не рассчитывая на успех. Затем мягко отстранил меня, сел на табуретку и взял ложку. Только теперь я заметил на столе огромную тарелку ярко-красного, прямо-таки алого, борща. От тарелки поднимался столб пара. Я не мог вспомнить, как она здесь оказалась, не из холодильника же ее достали.

- Мама сегодня к стоматологу ходила? – спросил я.

Отец оторвался от борща, поднял голову.

- К стоматологу? – Пауза. – Нет. У стоматолога она была несколько дней назад. В четверг... или в пятницу... не помню. Ей зуб лечили.

- Мама сказала, что врач нашел внутри зуба сверло.

- Сверло? – отец усмехнулся. – Она так тебе рассказала?..

Пар от тарелки поднимался настолько густой, что я едва различил отца, больше ориентировался по звукам. Я слышал, как отец зачерпывает борщ, вздымались очертания ложки, отец шумно дул. Затем лязг ложки о зубы и еще через секунду о дно тарелки. Потом все повторялось.

- Разве это было не сверло?

- Нет. – И секунд через пять. – Это был вкладыш с оценками из твоего диплома. Который ты нам так и не показал.

Тут что-то произошло – скорее всего, отец обжегся. За плотной завесой пара я уже ничего не мог разглядеть. Он вскрикнул, отшвырнул тарелку на пол и закричал:

- Я же тебе сказал не сильно подогреть, опять есть невозможно.

Мне удалось отскочить раньше, чем борщ ошпарил мне ноги. В кухне появилась мама.

- Что случилось? – она уже вытирала тряпкой пол и складывала в совок осколки тарелки.

Отец смотрел на нее с детским выражением на лице, словно из последних сил удерживаясь от плача.

- Я же тебя попросил... - начал он, но голос дрогнул, и отец замолчал.

- Да я и подогрела, как ты сказал. Ты же не любишь холодную пищу, вот и не говори теперь, что тебя холодным кормят. Никто тебя не заставляет есть холодное. Смотри, аж пар валит.

Отец выбрался из-за стола и ушел, ничего больше не сказав.

- Раньше, помнишь, у нас на кухне линолеум лежал, - заговорила мама, обращаясь ко мне, - а потом мы плитку положили. Гипсокерамика. Мне подружки посоветовали. Сказали, вся посуда об нее биться будет, а на самой плитке ни царапины.

Мама закончила уборку и встала.

- Смотри, - торжественно показала на вытертый пол, от которого еще поднимался пар, - ничего с такой плиткой не случится, она всегда как новая.

На улице было хорошо: сентябрьская свежесть и почти не сыро. Я отдыхал после не выносящих друг друга родителей. Неспешно шел по полуночным улицам. Будний день, прохожие попадались нечасто, все давно разошлись по домам и готовились ко сну. А то и спали.

Я всегда с интересом заглядывал в освещенные вечерние окна, причем не только на первом этаже – на любом. Внутренности комнат, их жильцы меня мало интересовали, скорее меня притягивала атмосфера жилого помещения, места, где человек уединяется, чувствует себя дома.

Я задираю голову и заглядывал в окна верхних этажей: пятого, шестого, девятого – не имело значения. Лучше всего, если это было единственное освещенное окно, вокруг которого нигде больше света не горело.

Сразу представлялся одинокий человек, возможно, неизлечимо больной, у которого хватает сил лишь на перемещение по квартире. Сейчас он лежит в кровати под одеялом и читает книгу, готовый в любой момент выключить свет и заснуть.

За день человек очень устал, хотя совершенно ничего не делал. Проснулся, поел (раз в два-три дня приходит женщина, с которой он даже не разговаривает; она убирает квартиру и готовит еду), расположился с книгой в кресле, сеанс чтения, потом просмотр телевизора, снова чтение, человек записал пару мыслей в блокнот, ужин, книга перед сном лежала в кровати и сам сон. Такой вот распорядок.

Сейчас почти все уже спали, кроме человека, в окно которого я смотрел. Он читал из-за бессонницы. Но и торопиться уснуть не было никакой необходимости – ни работы, ни других занятий у него не имелось. Человек всего лишь болел и больше ничем не занимался, если не считать записей в блокноте, но это так... несерьезно.

Человек отложил книгу, выключил лампу, лег на бок и попытался заснуть. Прошло две минуты, три, пять. Ничего не получилось. Когда человек читал, ему показалось, что он вот-вот заснет, нельзя было упускать такой шанс. Поэтому он бросил книгу и выключил свет. Но теперь от бывшего ощущения ничего не осталось, человек был бодр, сна ни в одном глазу.

Однако, стоило ему подняться, пройтись по комнате, как он почувствовал усталость. Человек взглянул на кровать, но сразу сдаваться не захотел. Отправился в кухню, зажег там свет и несколько минут сидел за столом. Возможно, он даже повернулся к окну и, невзирая на слабое зрение, заметил меня.

Вот идет молодой человек, подумал он, поздно вечером у него какие-то дела. Представил себя в моем возрасте, жизнь в то

легковесное время, свои упущенные возможности. Точно так же как я, заглядывая в освещенное окно, представлял себя на месте больного сидящего за кухонным столом и не знающего, чем занять остаток ночи.

Оторвавшись от зрелища, я вспомнил про стоматолога, про зуб матери. Неужели это правда - то, о чем я сегодня узнал... Обломок сверла в только что вскрытом зубе. Или, по словам отца, это был свернутый вкладыш моего диплома.

Диплом!..

Мысль мгновенно переключилась на университет, который я закончил несколько лет назад.

Помню, поступить было не так просто, но я все же поступил. Сложные экзамены, высокий конкурс, таинственная обстановка, огромные лекционные аудитории, ехидные профессора, толпы испуганных абитуриентов. И все это в жаркие до помрачения июльские дни.

Тем не менее, период поступления остался в прошлом. Экзамены были успешно пройдены, меня зачислили на первый курс, но...

Но пока я проходил это испытание, в голове сам собой складывался план на случай провала. План действий...

Совершенно авантюрный путь: я не собирался признаваться в неудаче родителям, наоборот, скрыть ее, заявив о своем поступлении. Затем год имитировать учебу с ежедневными поездками на занятия и сдачей экзаменов. А летом, хорошо подготовившись, снова отправиться на вступительные экзамены.

Это был замечательный план, который, сложившись почти без моего участия, сам собой, так и не понадобился. Однако, учась на первом курсе, я снова и снова к нему возвращался. Выдуманная авантюра стала дополнительным измерением жизни, скрытым от посторонних.

Благо, никто и не должен был знать о моем провале, наоборот, должны были считать, что я уже учусь в университете, в то время как я всего лишь имитировал учебу. Реальность полностью подстраивалась под воображение. Это было великолепно.

В зимнюю сессию экзаменаторы заносили оценки в мою зачетную книжку, которую я затем показывал родителям. А сам представлял, что все это подделка: я купил чистую зачетку и сам

заполняю ее, придумывая фамилии экзаменаторов и оценки, тренируясь расписываться разными способами.

После летней сессии развлечение должно была закончиться, так как мне следовало поступить по-настоящему. Однако в своем воображении я переиграл это. Отныне мне надлежало имитировать учебу на протяжении всего университетского курса. Поступить на законных основаниях не удалось.

Второй курс прошел так же занятно как первый. Я демонстрировал родителям оценки в настоящей зачетной книжке, представляя, как только что их подделал. На третьем курсе интерес к единоличной игре пошел на убыль. На четвертом от него почти ничего не осталось.

И только к концу пятого курса при прохождении важнейшего государственного экзамена, а потом и сдачи дипломной работы, я снова вспомнил свой план. Он проявился в сознании неожиданно. К старым препятствиям добавились новые, о которых я даже не подозревал.

Реальность стремительно распалась на несколько противоречащих друг другу пластов. Теперь я водил за нос не только родителей, но и научного руководителя, экзаменаторов, учебную часть и многочисленных случайных персонажей.

Грандиозная авантюра разворачивалась в воображении параллельно со сдачей последних экзаменов и дипломной работы. Я обманывал всех, с кем доводилось иметь дело, мгновенно находя им место в придуманной конструкции.

В конце концов все закончилось. Однако диплом, точнее его приложение, удалось получить не сразу. Из-за мелких бюрократических придинок начальница курса задержала вкладыш с оценками. Нужно было предоставить несколько бумаг за подписями второстепенных работников вроде библиотекарей и гардеробщиков, но летом их трудно было застать на рабочем месте.

На торжественной церемонии мне вручили лишь сам диплом, вкладыш с оценками остался у начальницы курса. Понадобилось больше недели, чтобы собрать необходимые бумаги. Только после этого я получил вкладыш.

Однако в своей голове этот вкладыш я давно подделал и продемонстрировал родителям вместе с дипломом. Я был абсолютно в этом уверен. И тут вдруг выяснилось, что вкладыш я так

никому и не показал. По мнению отца, его отковыряли несколько дней назад в зубе матери.

Возможно ли такое? - размышлял я, шагая по ночной улице. Я почти пришел, оставалось несколько сот метров. Можно ли скрутить плотную бумагу вкладыша, чтобы она поместилась в человеческом зубе? Сомнительно.

Или все-таки это не так невероятно, как кажется на первый взгляд? Например, специальным образом бумагу спрессовывают в вакуумной камере, а затем помещают в зуб? Или...

Мысль оборвалась со звонком в дверь. Это моя рука, предоставленная сама себе у знакомой двери, поднялась и вдавила кнопку.

- Здравствуйте, Лена, - сказал я показавшейся женщине.

- Здравствуйте.

Хозяйка отодвинулась назад, давая мне пройти.

- Как добрались?

- Без трудностей, - ответил я.

Лена наблюдала за тем, как я расшнуровываю ботинки. Я знал, стоило чуть задержаться, и она предложила бы мне помочь. Присела бы рядом, коснулась моих рук и сама развязала шнурки. К счастью, этого не потребовалось.

- Проходите в комнату. Я к вам присоединюсь буквально через пару минут, только разберусь кое с чем.

Я так и поступил. По обыкновению направился к книжному шкафу, но вовремя взял себя в руки. Шкаф этот, целиком заполненный классическим девятнадцатым веком в добротных переплетках, я уже неоднократно рассматривал и прекрасно знал, что ничего интересного там нет.

Присел в кресло у столика на колесиках. На столике стояла ваза с апельсинами и яблоками. Я освободил апельсин от кожуры и, разделив на дольки, съел. Затем взял второй и начал снимать кожуру, когда в комнату зашла Лена.

Она заняла кресло с другой стороны столика.

- Не спешите, - заметила, что я остановился.

Я доел, правда, в этот раз не удалось разделить апельсин на дольки так же ловко, как в первый. На руках остался липкий цитрусовый сок.

- Вы устали? - спросила Лена.

проза

Я не успел ничего сказать, как она задала следующий вопрос.

- Хотите спать?

- Да.

- Тогда идемте.

- Идемте.

После ванной, где я смыл сок и почистил зубы (имелась щетка для меня), я отправился в спальню. Лена уже лежала под одеялом. Я быстро разделся, выключил свет и лег рядом с ней.

- Спокойной ночи, - женщина обняла меня сзади.

- Спокойной ночи, - сказал я и закрыл глаза.

Лена заснула быстро, уже через несколько минут я услышал ее ровное дыхание. Сам же я спать не хотел. Но выбраться из кровати было непросто: хозяйка прижала меня к себе. Стоило двинуться, как она моментально бы проснулась.

В этом и заключалась моя работа - лежать со спящими женщинами. Спал я при этом или нет, значения не имело, главное, чтобы не шевелился, не беспокоил своих спутниц, как мы их называли.

Думаю, все эти женщины, наши клиентки, страдали серьезными психическими нарушениями. В одиночку им не удавалось ни успокоиться, ни заснуть. Приходилось пользоваться услугами людей со стороны.

Женщины приезжали в агентство, где им показывали фотографии спутников и лаконичные анкеты с отрицательными качествами. Например, в анкете упоминалось, что спутник курит, или негромко храпит, или долго не засыпает, или даже часто бегаёт в туалет (таких редко выбирали).

Я работал уже больше года, клиентура полностью сформировалась. На постоянной основе я обслуживал трех женщин: двух один раз в неделю и одну два раза в неделю. Имел еще трех клиенток, которые вызывали меня время от времени. Последние предпочитали иметь нескольких спутников, наверно, им нравилось разнообразие.

В памяти всплыл киоск с мороженым, мимо которого я прошел полчаса назад. Несмотря на позднее время, киоск работал. Чуть в стороне от витрины топтался мужчина лет сорока, напомнивший мне моего приятеля. У открытого окошка стояла

его жена. Она уже вытаскивала купюры из кошелька и спрашивала мужа, какое мороженое он хочет.

Мужчина, вылитый мой приятель, надулся, будто совершенно не интересовался сладостями, и смотрел куда-то в сторону. Но все же косился на витрину. После очередного вопроса супруги он резко махнул рукой в сторону витрины. Женщина поднесла палец к месту, куда, как ей показалось, ткнул муж.

- Это? – спросила она.

Мужчина (воображение давно превратило его в моего приятеля) повернуться. Недовольный, надувшийся он мотнул головой.

- Нет.

И показал на соседнее мороженое. После чего выпал из моего поля зрения – я оставил супругов позади.

Лена захрапела. До этого она всего лишь посапывала, но теперь откровенно начала храпеть. Сначала негромко, затем громче. А я как раз только-только стал засыпать.

Обычно храп спутницы мешал мне, но в этот раз я совершенно незаметно провалился в сон. Злился на женщину, обнимающую меня сзади, причем злился все сильнее – и, несмотря на это, все-таки заснул.

В дверь позвонили. Долгий дребезжащий звук. Я читал в кресле и, взглянув на дверь, решил не отрываться от книги. Но уже через минуту отложил ее и подошел к двери, которая оказалась прозрачной, поэтому ее даже открывать не пришлось, чтобы выглянуть в коридор.

Я заметил какую-то суету, однако сложно было понять, что именно происходило. Несколько женщин крутилось у другой двери, которую пару дней назад установили на нашем этаже, отделив часть коридора у квартир от площадки перед лифтами.

Я вернулся в комнату, опустил в кресло и снова посмотрел на дверь. Только сейчас мне пришло в голову, что точно так же, как я вижу возню женщин за прозрачной дверью, так же и они видят меня. Когда одна из них позвонила пару минут назад, она видела меня читающим в кресле.

Может быть, у них замок сломался? Я снова направился в прихожую. Но теперь открыл дверь и вышел из квартиры. Ко мне устремилась ближайшая соседка. Не отреагировав на мое приветствие, она стала возбужденно рассказывать о двадцати куртках,

которые оставила в отгороженном дверью тамбуре, где эти куртки вспороли и выпотрошили утеплитель.

Во время рассказа соседка все больше возбуждалась. В какой-то момент она должна была уже закричать, но в последний момент голос изменил ей - вместо вопля раздался храп.

Храп!..

И храп этот с каждой секундой все больше раздражал меня, пока, не выдержав, я не ударил соседку по лицу.

Вскрик, но как будто со стороны. Кричала не соседка, она просто остолбенела и выпучила глаза. Это вскрикнула Лена, моя клиентка. Она трясла меня, схватив за плечо.

- Что?.. Что случилось? – я уже догадался, что, повернувшись к спутнице, ударил ее во сне.

- Вы меня избили, - запричитала она.

Я не знал, что на это ответить.

- Извините.

- Вы меня ударили, - повторила Лена, держась за щеку.

- Извините, я спал.

Я хотел приподняться и поцеловать женщину в щеку, но сомневался в уместности такого поступка. Все-таки мы...

- Вы спали? – переспросила Лена, она словно никак не могла придти в себя.

- Да, - я несколько раз кивнул ободренный ее мнимым пониманием.

Женщина вздохнула, легла, уставившись в потолок. Я лежал рядом, чуть приподнявшись на локте, и увидел, как из ее глаз выскользнули две слезы. И стекли на подушку.

- Извините меня, Лена. Я не хотел причинить вам вреда, все произошло случайно... во сне. Но этого больше не повторится, поверьте.

- Почему? – медленно прошептала женщина.

- Что почему? – спросил я.

- Почему вы думаете, что этого не повторится. Вы никогда больше не будете спать?

Я промолчал. И молчал не меньше минуты, рассчитывая, что Лена сама продолжит. Однако этого не произошло, она тоже молчала. Если бы я хотя бы не видел ее лица, по которому медленно ползли слезы. Но я его видел: в комнате было недостаточно темно.

Я рассказал ей свой сон.

- И что? – спутница ничего не поняла. – Зачем вы меня ударили?

- Я ударил не вас, а ту женщину, соседку, которая кричала.

- Вы сказали, что она не кричала, а храпела. Храпела!

Я подумал, сейчас Лена спросит, храпела ли она. Слава богу, не спросила. Вместо этого она заплакала. Теперь слезы не бесшумно соскальзывали по ее лицу, нет, теперь Лена громко рыдала.

Не зная, как ее успокоить... Не понимая ее реакции на мое объяснение, я выскочил из постели, схватил одежду и выбежал из спальни.

Черт возьми! Я не знал... Никогда не предполагал, что окажусь в подобной ситуации.

Постояв немного в нерешительности, я решил уйти. Причем как можно скорее.

Я оделся и готов был уже покинуть квартиру, но захотел напоследок заглянуть в спальню. Вдруг, мелькнула мысль, Лена всего лишь разыгрывает меня и сейчас наблюдает из-за угла, едва удерживаясь от смеха.

Я осторожно (на всякий случай) вернулся в гостиную. Нет, здесь никого не было, Лена не пряталась. Дверь в спальню оказалась прикрыта. Я немного помялся, но так и не решился открыть.

Обернувшись, увидел на столике между кресел апельсинную кожуру, которую так и не убрали с вечера. Что ж, хотя бы кожуру выброшу. Я положил в карманы пару апельсинов, сгреб кожуру и ушел.

Дверной замок щелкнул. Я оказался по другую сторону.

Я планировал до утра оставаться в подъезде, но, съев апельсин, все же спустился на улицу. Часов у меня не было, поэтому о точном времени можно было только догадываться. Я знал время лишь приблизительно.

Идя по обезлюдевшим улицам, думал о Лене, своей клиентке. Прошло минут пятнадцать после сцены в спальне, а я был уже зол. Какая идиотка! Разрыдалась из-за того, что ее во сне ударили. Даже не ударили, а случайно задела ладонью.

Но сейчас Лена лежала в своей постели и, возможно, уже спала, обнимая вместо меня мою подушку, а я брел по ночной

улице. Словно для усиления контраста заморосил дождь. Вот так – я был здесь под дождем, а она храпела в кровати.

Лена была старше меня лет на пятнадцать. Высокая статная женщина с длинными рыжими волосами и яркими веснушками. На лице они выглядели вполне ничего, но не на теле, главным образом на ногах и плечах, там веснушки имели вид болезненной заразной сыпи. К счастью, Лена почти всегда спала в пижаме, избавив меня от лицемерия своего дефекта.

Кроме отталкивающего вида сыпи у спутницы имелись и другие недостатки. Например, у нее неприятно пахло изо рта. Не так, чтобы очень сильно, но заметно. По крайней мере, для меня. Да и вообще... физические недостатки не так важны, когда есть психические... Смесь заботливости, которую Лена проявляла ко мне, и капризности в самых незначительных мелочах.

Взять хоть...

Я задержал развитие мысли. Поразительная вещь: стоит испортить с кем-нибудь отношения, как я сразу ищу у него недостатки. Перебираю каждую мелочь характера, поведения, внешности. Как будто не тот же самый человек с тем же набором качеств общался со мной до конфликта.

Нелепость. Надеюсь, это присуще не одному мне, а вообще всем людям. Общечеловеческое свойство, как бы претенциозно это не звучало.

Я добрался до киоска с мороженым, мимо которого уже проходил сегодня. Кисок все еще работал, а у светящейся витрины стоял тот же мужчина, что был тогда. Тот самый, неотличимый от моего приятеля.

Мужчина выбирал мороженое, елозил глазами по витрине, но, услышав мои шаги, обернулся.

- Привет, - неожиданно бросил мне.

- Здравствуйте, - сказал я.

Он засмеялся. Только теперь я обнаружил, что это не сорокалетний мужчина, как я решил вначале, а тот самый приятель, с которым я его перепутал.

- Здравствуйте, - передразнил он меня.

Чтобы приятель не заиклился на моем "здравствуйте" и не повторил его еще полторы тысячи раз, я стал рассказывать, что видел его пару часов назад здесь же. Он покупал мороженое с какой-то женщиной. Или... повисла пауза... это была не женщи-

на, а его подруга, которая тоже показалась мне на пятнадцать лет старше?

Приятель смутился.

- Это не женщина, - почти возмутился он, - а моя мама. Мы с ней и пришли сюда.

- Зачем? – спросил я.

Приятель не ответил.

- Так ты снова мороженое покупаешь?

- Да, - улыбнулся. – Могу и тебя угостить, если хочешь.

Для мороженого погода была неподходящая: дождь усилился и теперь всю лило.

- Так будешь мороженое?

- Давай, - согласился я. – Какое есть?

- Да вот, - приятель ткнул в витрину. – Но здесь половины нет, слишком поздно. Я уже минут десять не могу купить: какое ни выберу...

- А гигантский рожок есть?

- Только ягодный остался.

- А... ягодный.

Укрываясь от дождя, я зашел под козырек киоска. Теперь я почти ничего не видел, слишком близко к витрине оказался. К тому же самое интересное мороженое закрывал приятель.

- А в ведерке есть? - Из-за того, что я оказался между молодым человеком и окошком, ему пришлось кричать.

Из окошка высунулась голова киоскерши.

- Какое: со сгущенкой, клюквенное, ванильное?

Приятель перевел взгляд на меня.

- Со сгущенкой, - сказал я.

- Со сгущенкой, - повторил он.

Голова исчезла. Секунд через десять снова вылезла.

- Со сгущенкой нет.

- Какое тогда? – спросил приятель.

- Клюквенное? – спросил я.

- Клюквенное... да, есть.

Приятель пролез мимо меня и сунул в окошко деньги. Передал мне ведерко.

- Ну, идем?

- Подожди, - сказал я, пытаюсь открыть крышку.

Как же крепко они ее запечатали.

- Может, у тебя получится? – Я протянул ведро другу.

- Не открывал такие никогда? – насмешливо спросил молодой человек.

- Я всегда дома ел... уже открытые.

Друг рассмеялся.

- Смотри, как надо.

Он достал ключи и, подцепив крышку, ловко скovyрнул ее.

После чего с видом триумфатора протянул ведро мне.

- А как есть-то? – спросил я.

- Ну ты вообще как с Луны свалился. Ключи у тебя есть?

- Есть.

Друг сунул свой ключ в ведро, достал на кончике немного мороженого и сунул в рот.

- Понял?

- Понял.

Мы вышли из-под козырька и побрели, поочередно запуская ключи в ведро. Мороженое оказалось вкусным, но слишком неэффективно мы цепляли его ключами. С такой скоростью оно растаяло бы раньше, чем мы закончили.

Способ был мною усовершенствован. Я высвободил ключ из брелка и взял с другого конца. Теперь мороженое цеплялось широкой стороной, что было гораздо удобнее. Однако друг почему-то не перешел на мой способ. Минут пять он продолжал есть по-старому, а потом и вовсе убрал ключи и сказал, что наелся.

- Куда мы идем? – спросил я.

- Я уже говорил.

- Не говорил.

Друг бросил на меня презрительный взгляд, как-то весь ошетинился. Я не понимал, из-за чего.

- В самом начале еще сказал. – Пауза. – К моей клиентке мы идем, если это вообще важно.

- К клиентке, - повторил я.

- К спутнице, - добавил он.

- К спутнице.

В этом не было ничего удивительного: как и я, друг работал спутником, в агентстве мы и познакомились. Более того, две клиентки у нас были общие. Мы их вместе обслуживали – то он, то я.

- К кому сейчас идешь?

- К Настасье.

Настасья как раз была нашей общей.

- А почему так поздно?

Молодой человек буркнул что-то неразборчивое. Я все так же не понимал, что его рассердило. Не мой же усовершенствованный способ с ключом.

- А мне тогда куда? – спросил я. – С тобой можно? Или...

- Как хочешь.

Приятель ускорил шаг, и я начал отставать. Я и так двигался на пределе возможностей из-за неудобного ведерка и постоянно ковыряния ключом в мороженом, а теперь...

Дождь почти прекратился. Мы шли по пустырю в тумане и зависших над землей капельках влаги. Туман был настолько плотный, что вместо прожекторов в небе виднелись лишь расплывшиеся световые круги.

Для ночи было слишком светло. Я увлекся мороженым, забыв обо всем на свете, и едва не упустил приятеля. Он оторвался так далеко, что я с трудом различал его. Собственно, даже не его, а подрагивающую черную точку на блекло-сером горизонте.

Мороженого осталось совсем на донышке. Ключом я бы собирал его не один час. Пришлось выбросить ведерко, не мотаться же с ним целую ночь. После этого я смог ускориться. Однако переходить на бег не имело никакого смысла из-за грязи после дождя: слишком скользко. Пришлось догонять приятеля шагом.

Пустырь сменился странной сельской улицей. Я шел вдоль деревянных покосившихся землянок, не особо засматриваясь, потому что требовалось еще и следить за дорогой: малейшая неточность в движениях могла привести к падению в холодную вязкую жижу.

Но место, в самом деле, было необычным. Никогда бы не подумал, что такое чудовище располагается в черте города. Прямо между домами двух моих клиенток, к которым я приезжал по полсотни раз к каждой. И, тем не менее – заброшенный допотопный поселок, по которому я пробирался. Вдобавок хорошо освещенный массой прожекторов.

Я почти догонял приятеля, но через минуту снова упускал. Он то и дело превращался в подрагивающую точку на горизонте. Однако я передвигался примерно с одной и той же скоростью,

значит, эти колебания дистанции были связаны исключительно с ним. Приятель ускорялся, а затем замедлялся, чтобы снова ускориться и снова замедлиться. С моей точки этого было не различить, его движения казались одинаковыми.

В какой-то момент приятель совсем исчез. Я долго высматривал его впереди, но безуспешно. Неужели придется возвращаться по этой грязи обратно? Причем не через неопределенное время, а прямо сейчас. Сию же минуту... если только не найду приятеля.

Минуты через три я добрался до конца улицы, уперся в тупик – сплошной ряд густых непроходимых кустарников метра полтора высотой. За кустарниками чернело неизвестное пространство, разобрать хоть что-то было невозможно – сплошная темнота.

Возможно, там и скрылся мой приятель...

Перемахнул через кустарники... Хотя не так просто было через них перемахнуть. Полтора метра в высоту и метр в глубину. Да и зацепиться не за что.

Нет, приятель... Или да, что ему еще оставалось, куда он мог деться?

Я решил возвращаться. Какое мне дело до этого идиота, заведшего меня черт знает куда и оставившего одного. Разворачиваясь, я заметил светящиеся окна в землянке у самых кустарников.

Это была даже не землянка, а полноценный дом. По крайней мере, производил более основательное впечатление, нежели полусгнившие развалюхи, что попадались до этого.

Калитки не было. Я перелез через низкий забор и постучал в окно. Все здесь было таким ветхим – рама сразу треснула, я едва успел удержать вываливающееся стекло.

Дернулась штора и в окне показалось лицо Настасьи. Женщина улыбнулась, за ее спиной мелькнула фигура, в которой я узнал приятеля. Настасья махнула рукой в сторону двери. З-а-х-о-д-и-т-е – прочитал я по ее губам, но остался на месте.

- Стекло, – проговорил я, стеснительно улыбнувшись.

Штора опустилась и через пару мгновений Настасья выглянула на улицу.

- Да заходите же, что вы там стоите?

- Рама развалилась.

Я попытался вытащить стекло, но оно цеплялось за деревянные балки и, хоть и было подвижным, в нужном направлении практически не смещалось.

Женщина незаметно приблизилась. Я почувствовал, как ее щека почти коснулась моей. Настасья взялась за стекло, положив свои руки на мои.

- Давайте, я сама.

Я отошел, она аккуратно достала стекло. Однако после этого швырнула его за забор на дорогу. Стекло с шумом разбилось.

- Идемте в дом, - Настасья положила руку на мое плечо и слегка подтолкнула к двери.

- А, добрался... - сказал приятель, когда я оказался внутри.

Молодой человек сидел в сломанном кресле с книгой в руках. Сразу было видно, что он схватил ее за секунду до моего появления, и теперь делал вид, что уже давно здесь – даже книжку читает. Книжка, кстати, была некоего Станислава Курашева, что-то об элладе или балладе, я не запомнил.

Из-за сквозняка дверь закрылась с шумом, который привлек из глубины дома незнакомого мужчину. Он зашел к нам в комнату, встал в центре и уставился на меня. Приятель, развалившись в кресле, злорадно ухмыльнулся.

Затем мужчина повернулся к Настасье. Скорее всего, это был ее муж.

- Ты теперь сразу двоих приводишь?

Цокнул языком, смерил меня дополнительным взглядом, затем приятеля. После чего убрался обратно.

- Не обращайтесь внимания. - Настасья потрепала меня по плечу. – Такой человек...

Приятель захохотал, приведя женщину в недоумение. Да и меня тоже.

- Что смешного? – спросила Настасья.

Молодой человек прекратил смеяться, и около минуты все мы молчали. Только из глубины дома доносился мужской кашель.

- Мне смешно, потому что этот лопух, - приятель кивнул в мою сторону, - приперся, а я уже здесь.

- Действительно. - Женщина взяла меня за руку, совсем как маленького ребенка. – Вы тоже здесь... Почему?

Приятель ухмылялся, разглядывая меня и обмахиваясь книгой Курашева (в комнате было жарко).

- Зачем ты пришел, олух? – спросил он.

От обиды я едва не заплакал. Вернее...

Нет... Я как раз заплакал. Сначала перед глазами скопились слезы, потом я моргнул, хотя знал, что этого нельзя делать, и слезы устремились наружу, сбежали вниз по щекам, по подбородку, собрались в самом низу и затем закапали на пол и куртку.

Настасья привлекла меня, прижала к себе. Я плакал навзрыд, совершенно потерял контроль над собой.

Очнулся я в объятиях Настасьи. Она сидела в сломанном кресле, а я полулежал у нее на коленях, уткнувшись лицом в ее плечо. Краем глаза отыскал приятеля, он виновато косился на меня, стоя в стороне.

Женщина шептала на ухо ласковые слова, когда в комнату вбежал ее супруг. Он остановился перед креслом. Багровый от ярости, со вспотевшим злым лицом, лоб исковеркали вертикальные складки.

Через мгновение он уже кричал:

- От того, что ты его успокаиваешь, только хуже, он еще больше расстраивается.

После реплики мужчины я, до этого почти пришедший в себя, вспомнил об обиде и снова зарыдал.

- Смотри, - заорал мужчина, его затрясло от возбуждения, - смотри, что ты наделала.

Он схватил меня за руку и попытался вырвать из объятий Настасьи, но не смог. Мужчина предпринял несколько неудачных попыток, после чего оставил эту затею.

- Видишь, он плачет, - взвизгнул он напоследок и выскочил из комнаты.

Настасья удобнее расположила меня на коленях (из-за вмешательства мужчины я немного съехал), поцеловала в щеки и сильнее прижала к себе. Я снова начал успокаиваться.

Однако проснулось новое чувство - неловкость сидеть на коленях. Что же это такое, в самом деле? Выскользнув из объятий женщины, я спрыгнул на пол. Настасья попыталась удержать меня, но я не позволил. А потом и вовсе отошел в другой конец комнаты, подальше от ее кресла.

Встретившись взглядом с приятелем, я ухмыльнулся. С его лица моментально сошла гримаса вины, он тоже ухмыльнулся. Мы едва удерживались от смеха.

- И все-таки, - сказала Настасья, - почему вы пришли вдвоем, ведь я вызвала только вас? – Она пальцем ткнула на моего приятеля, но смотрела на меня.

- Ваше молчание выглядит настолько детским, что я начинаю сомневаться...

Настасья не договорила, потому что в комнате появилась девушка. По всей видимости, ее дочь: было в них что-то общее. Да и по возрасту совпадало - на вид девушка была года на три младше нас с приятелем.

- Арина, - сказала ей женщина, - ты зачем вышла?

Девушка не обратила никакого внимания. Пересекла комнату и заняла свободное кресло.

- Она болеет, - пояснила Настасья.

- Я не болею, - возразила Арина.

Ее мать тяжело вздохнула, но не ответила.

Несколько минут мы провели в тишине, никто не решался сказать ни слова. Все только таращились друг на друга. Мы с приятелем - на Арину, она - на нас, ее мать переводила взгляд с нас на Арину, я же старался удерживать в поле зрения всех присутствующих, хотя предпочтение отдавал девушке.

В конце концов, молчание было нарушено. И сделала это Арина.

- Папа ждет вас у себя в кабинете. Идемте, пока он не заснул.

Она поднялась с кресла и направилась к выходу. Мы последовали за ней. Покидая комнату, я бросил взгляд на Настасью. С полным отсутствием выражения на лице она читала книгу Станислава Курашева, которую до этого вертел в руках мой приятель.

- Сюда, - девушка открыла нам дверь.

Внутри оказалось темно, горел только слабый фонарик в дальнем углу. Тем не менее, света хватило, чтобы осмотреться. Это был не кабинет, а скорее спальня. Или даже маленькая мастерская. Большую часть занимала кровать, на которой в один трусах спал мужчина. Одеяло лежало рядом, им не воспользовались.

Мужчина издавал странные звуки. Сначала я решил, что он сопит, но, прислушавшись, сообразил, что это постанывания. Я вопросительно взглянул на Арину.

- Из-за комаров, - пояснила она. – Здесь летает несколько комаров. Когда один садится на папу, он от страха начинает постанывать. Не выносит кровососущих насекомых. И комаров больше всего.

- Слишком холодно сейчас для комаров, - возразил приятель.

- Нет, - сказала девушка, - не слишком.

Мужчина захрипел, потянулся и открыл глаза, проснулся. Молча поднялся с кровати, в пару шагов оказался в углу комнаты и встал на четвереньки. Послышался плеск воды. Присмотревшись, я увидел торчащий из стены на уровне коленей водопроводный кран. Мужчина споласкивался под ним.

- Вот это я понимаю! – восторженно произнес он, поворачиваясь под струей. – Вот это я понимаю!

Закончив, мужчина выключил воду и сел на кровать.

- Папа хочет что-то рассказать вам, - объявила Арина.

И затем отцу:

– Я привела их, папа.

Он кивнул, после чего девушка покинула комнату, закрыла дверь. Мы с приятелем остались стоять перед мужчиной. Обтершись одеялом, он швырнул его. Одеяло упало на кровать и сразу сползло на пол. Мужчина пристально смотрел на нас, поэтому не заметил.

- Вот вы все прыгаете из постели в постель... - начал он. – От тетки к тетке - вечная возня. Невзирая на то, что эти женщины вам в матери годятся, что у них семьи, мужья... Я, например, сам такой муж, о котором говорю. Сам все это переживаю, хоть и не придаю большого значения. Я вас не осуждаю, все через подобное дерьмо прошли. Не прошли, так подумывали. В любом случае, это дело личного выбора. Или даже вкуса... эстетики. Я и сам в молодости похожими вещами баловался. Сразу после окончания архитектурного института устроился работать в модельное агентство. Работу архитектором найти было сложно, поэтому я вцепился в предложение, прошел отбор, не оставив конкурентам ни шанса, и подписал контракт на три года. А я уже тогда был крупным мужчиной, почти как сейчас, ростом около двух-трех

метров и весом за центнер-полтора. Однако с хорошим воспитанием и здоровыми ногтями. На следующий день вышел на работу. Основной обязанностью являлась демонстрация маникюра. Десятки девиц-косметологов окружали меня, суетились вокруг моих пальцев, нанося на ногти вонючие лаки самых разных оттенков, в том числе с микроскопическими рисунками. Я, дипломированный архитектор, часами просиживал без движения, ожидая, когда они закончат, а потом когда высохнет лак. От смрадных испарений кружилась голова. Иногда я даже терял сознание, но ненадолго. Отдельная группа модельеров занимался моими волосами. Густые, жирные, неправдоподобно черные волосы вились у покрашенных ногтей, отвлекая внимание. Я не позволил сбрить их (по контракту имел право), поэтому каждый раз волосы приходилось обесцвечивать. Это долгий муторный процесс, вдобавок еще более вонючий, чем нанесение маникюра. Он окончательно выматывал меня. Не оставалось сил даже пройти в соседнее помещение к фотографам. Обычно меня выносили к ним маникюршицы. Учитывая мои габариты, задействовали сразу всех девушек. Словно муравьи они подхватывали мое тело и перетаскивали в студию. Там меня в полубессознательном состоянии окружали фотографы, чтобы растащить изображения покрашенных ногтей по броским изданиям для старшеклассниц, секретарш и домохозяек. Тяжелая это была работа. Крепкий молодой мужчина с блестящим образованием, я вынужден был ходить повсюду с переливающимися бабьими ногтями. Чтобы не стать посмешищем, пришлось в любую погоду прятать руки в перчатки. Но и это не уберегло меня от позора, когда однажды перчатку сорвала с руки бездомная собака... Вернее...

Мужчина остановился, перебирая в голове формулировки.

- О собаке, ребята, и о том... что было дальше, я рассказывать не буду. Добавлю только, что после полугода работы у меня обнаружилась тяжелейшая аллергия на лак. Пришлось покинуть этот тяжелый, но доходный бизнес. Я спасовал, но никогда не жалел об этом.

Мужчина снова замолчал, но ненадолго.

- Знаете, - неожиданно схватил меня за руку, - до сих пор снится, как я захожу в комнату, где на меня набрасываются девушки-косметологи. Но из-за вони лака я не могу ни пошевелиться, ни закричать. Я парализован, и сотни девиц теребят мои

пальцы до тех пор, пока я не просыпаюсь. Обессиленный и в слезах.

Даже в сумраке комнаты я заметил сверкающую испарину, выступившую на лице мужчины. Он покраснел от возбуждения, тяжело дышал и в какой-то момент так сильно сжал мою руку, что пришлось вырвать ее.

- Возьмите себя в руки, - сказал я, - это ведь всего лишь сон. К тому же сейчас-то вы не спите.

- Правда, правда, - согласился мужчина. - Вы правы, молодой человек. Извините меня, я забылся.

Раздался стук. Мужчина дернулся, испуганно уставился на дверь, на меня, моего приятеля. В конце концов растянулся на кровати и укрылся едва ни с головой одеялом, которое подобрал с пола. Стук повторился.

- Кто это? – спросил мужчина.

Дверь открылась и в проеме показалась Арина.

- Мама ложится спать. Идите к ней.

Мы с приятелем обменялись взглядами - вся эта какофония порядком надоела - но последовали за девушкой. По длинному петляющему коридору она отвела нас в другую спальню, в которой уже лежала Настасья.

- Пришли? – спросила она, стоило нам зайти. – Что он вам рассказывал? Ложитесь.

Приятель начал снимать одежду, а я не стал. Не знал, стоит ли присоединяться к ним, ведь сегодня я должен был работать в другом месте. Там, а не здесь, была моя спутница.

Приятель залез под одеяло, отвернулся к стене. Так, чтобы никто не видел его лица. Наверно, стеснялся меня и Арину.

- А вы? – спросила женщина.

- Я?

- Да. Вы не раздеваетесь... Не хотите?

- Нет, я...

Она не дала мне закончить.

- Если не хотите, я не настаиваю. Можете лечь в свободной комнате. Арина вас проводит. Проводи его, слышишь?

Я был рад, что легко отделался. Спать с Настасьей мне было хоть и приятно, но не с приятелем вдобавок. Хоть он и лежал бы по другую сторону. Нет, это немыслимо.

Арина оставила меня в комнате у входной двери, в которой я оказался в самом начале.

- Подождите минуту, - сказала она и вышла.

Книжку Курашева подложили под кресло, чтобы не качалось. Я достал ее, пролистал. Впрочем, читать не хотелось. Глаза автоматически пробежали по строчкам, но в сознание ни слова не проникало.

Я порядком утомился и хотел спать. Если б никто не мешал, заснул бы прямо в кресле, но следовало дождаться девушку, чтобы она отвела меня в некую свободную комнату с кроватью.

Со стороны коридора слышались звуки. Арина будила отца. Он проснулся не сразу, да и проснулся ли... сложно было определить с моего места.

- Папа, папа...

Я закрыл книгу и вернул ее на место – под кресло.

- Папа, где гостевые подушки? Куда ты их отнес?

- Там, - приглушенный сонный голос ее отца.

- Где там, папа?

- Там.

Я представил, как он показывает пальцем направление, которое ни о чем не говорит девушке.

- Папа, папа...

Минуты через две Арина вернулась.

- Наверно, вам придется спать в моей комнате, - сказала она.

- Вы не против?

- Нет, - сказал я.

Снова долгий проход по темному коридору. Я несколько раз наткнулся на девушку, наступал ей на ноги, извинялся.

Наконец мы пришли. Это была еще более крохотная комнатка, чем спальня отца. Примерно раза в полтора меньше. Само собой, кровать была одна - одноместная. Тот же полумрак, тусклый фонарь в углу и даже торчащий из стены водопроводный кран на уровне колена.

Девушка стремительно разделась и забралась под одеяло. А я почему-то не мог ничего сделать. Хотелось вернуться в комнату у двери и спать в кресле. Или даже на полу, подложив под голову книгу про балладу.

- Ну что же вы, смелее.

Как полный кретин я паялился на Арину, но не мог ничего сделать. Даже рассказать ей о своем желании спать в другом месте. Боялся неизвестно чего. Девушке пришлось вылезти из-под одеяла и, приподнявшись на кровати, самой снять с меня одежду. А потом затащить в постель под одеяло.

Затем она заснула. Я догадался по временному промежутку между выдохами. Из другой части дома доносился тревожный храп ее отца.

Я тоже медленно соскальзывал в сон. Звериный храп мужчины и в промежутках безмолвие лежащей рядом Арины. За пару секунд до моего засыпания девушка повернулась на бок и обняла меня. Это смутное воспоминание осталось на границе между сном и явью. Я в нем совершенно не уверен.

МЕРТВЫЙ ТЕКСТ

Луи-Фердинанд Селин
Безделицы для погрома²
(фрагмент)

I.

(...) В Ленинграде крупная венерологическая клиника находится в рабочих кварталах города, недалеко от порта... Она представляет из себя некий странный конгломерат строений, перекошенных, абсолютно никак между собой не соотносящихся, напминающих, скорее, грязные забегаловки, с рытвинами и полуразвалившимися, прогнившими казармами вокруг. Ни одно из учреждений социального обеспечения у нас во Франции не может идти ни в какое сравнение с этим унылым, отталкивающим и пришедшим в полный упадок заведением.

Разве что прежнее здание Сен-Лазара... или некоторые из старых провинциальных психушек?.. Одного не следует забывать, что Сен-Лазар был тюремной больницей, к тому же гораздо меньших размеров... в то время как эта гигантская выгребная яма, предназначенная для исцеления так называемых "венерических болезней", громогласно объявлена образцово-показательной народной больницей, где при желании можно даже пройти курс обучения, милости просим! своеобразный ленинградский аналог больницы Св. Людовика³...

Впрочем, "Святой Людовик" кажется величественным замком в сравнении с этой грязной, задрипанной конурой, этим за-

² Опубликовано в историко-краеведческом сборнике "Невский архив". II. - М.; СПб., Atheneum: Феникс, 1995. Перевод с французского Маруси Климовой и Вячеслава Кондратовича.

³ Больница Святого Людовика была построена в 1607 году для лечения больных чумой. Сейчас в ней лечат венерические и кожные болезни.

бытым Богом и людьми строением, напоминающим заброшенный морг... я много лет служил в кавалерии, но никогда, я уверен, ни один полковой ветеринар не позволил бы даже на один вечер разместить эскадронных лошадей в подобном жутком, помоечном месте. Я видел множество больниц, причем везде, и в городах, и в деревнях... плохих, очень плохих, превосходных, примитивно оборудованных, но такого, чтобы в больнице отсутствовало самое элементарное, самое необходимое для ее мало-мальски нормального функционирования, такого я больше не видел нигде. Это просто не укладывается в голове... Полуразвалившееся здание больницы представляет из себя нечто вроде бугафорского украшения Потемкина... тот же иллюзионизм... чистая видимость, фикция... И все это, обратите внимание, после двадцати лет истошных воплей, яростных обличений отсталой капиталистической системы... гимнов неслыханному социальному прогрессу... возрождению могущественного СССР! даровавшего счастье! свободу! власть "трудовому народу"!.. не говоря уже об обилии безумных планов, которые с каждым годом становятся все более грандиозными и умопомрачительными... Гремучая смесь иудейской и монгольской трескотни... Отметим также, что эта крупная ленинградская венерологическая клиника, судя по всему, весьма редко посещается паломниками из "Интуриста", гиды ею явно пренебрегают... Оно и понятно, она не слишком подходит для того, чтобы служить вдохновляющим примером для подражания... Если же случайно какой-нибудь особо избранный турист, лидер Народного фронта из числа тех, что питают особое пристрастие к черной икре, или ученый медик из евреев или франкомасонов, сюда и забредут, отклонившись от обычных проторенных маршрутов, их преисполненный Веры взгляд мгновенно сумеет проникнуть вглубь происходящего и отыскать несколько внушающих оптимизм моментов... весьма и весьма обнадеживающих... сколь неприглядно не выглядела бы действительность внешне... например, самоотверженность и мужество обслуживающего персонала (подыхающего с голоду), стоицизм и крайнюю неприхотливость больных... все понимающих, сознательных и преисполненных благодарности... (эти все запуганы до смерти). Конечно, этот любитель икры, как истинный друг СССР, сразу же все поймет правильно и тут же начнет повторять на все лады то, что от него ждут. Мол, это Юсупов, Распутин, Деникин и Куте-

пов виноваты в том, что здесь порой не хватает необходимых продуктов питания и одежды, однако это временные затруднения скоро будут изжиты окончательно... в России всегда были плохие дороги, плохие жилищные условия и больницы... завершается же эта наглая бессвязная пропагандистская болтовня тем, к чему всегда прибегают евреи всего мира, когда им больше нечего сказать... отсылкой к туманному будущему...

Мой коллега, врач, который сопровождал меня в этой больнице, по чистой случайности оказался не семитом, а русским, причем совершенно славянского типа, лет так пятидесяти, немного похожий на прибалта, грубоватый, импульсивный и, надо сказать, весьма колоритный персонаж!.. Он прекрасно врубался во всю эту туфту... Примерно через каждые десять слов, в промежутках между объяснениями и техническими деталями, он внезапно замолкал и раздражался громкими воплями и смехом, так, что его баритон эхом разносился по всем коридорам...

"У нас! коллега, Все Очень Хорошо!... Больные чувствуют себя Очень Хорошо! И то, что мы здесь, это тоже Очень Хорошо!.." Вопил он, делая ударение на слове "Хорошо"! Стараясь вложить в него всю силу своего зычного голоса... Мы покорно тащились за ним по коридору, вдоль больших и маленьких палат и кабинетов... время от времени мы останавливались... исключительно за тем, чтобы посмотреть на очередной сифилис, неврит или еще что-то в этом роде... Конечно, у больных там были простыни, одеяла и даже матрасы, но сколько кругом было грязи!... Бог мой! все рваное! какой-то гигантский заброшенный сортир... ничего ужаснее я в жизни не видел... грязное вонючее скопление!.. истощенных до предела дистрофиков... прикованных к постели, корчащихся от страха и ненависти стукачей, заскорузлых азиатов... а рожи, одна страшней другой, я имею в виду, прежде всего, выражение лиц этих больных... гримасы, запечатлевшиеся на этих лицах, отражали состояние их душ, в то время как поразивший их снаружи или изнутри недуг вызывал во мне не столько отвращение, сколько профессиональный интерес. Хотя, конечно, подобная гремучая смесь... зрелище не для слабонервных!.. Толпа гноящихся озлобленных уродов!.. представляете картину! Настоящая помойная яма!.. А сколько во всем этом безысходной тоски! Эти стены ни разу не красились со времен Александра!.. Впрочем, разве это стены?.. жалкие перегородки из пакли и тря-

пья! и во всем сквозит какое-то неимоверное упоение собственным унижением.. конечно, я видел не мало жизненных катастроф... вещи... существа... самые разные... оказывались в условиях еще более худших... без какой-либо надежды на спасение... они катились по наклонной плоскости, опускаясь все ниже и ниже... Однако я нигде никогда не встречал ничего более гнетущего, удушливого и раздирающего душу, чем эта русская нищета... Подобную запредельную безысходность можно наблюдать разве что где-нибудь на каторге Марони⁴?.. и то вряд ли... тут нужен особый дар... Порой после чтения русских писателей (я имею в виду великих классиков прошлого, а не советских лизоблюдов), например, Достоевского, Чехова и даже Пушкина, я невольно спрашивал себя, почему у них так много ненормальных героев, откуда этот неповторимый мрачный бредовый колорит их книг?.. этот иступленный ужас перед полицией, вечное ожидание стука в дверь, эта тоска, эта ярость, и наконец, стон наполненных водой сапог, которые никогда не бывают сухими, отчего этот стон приобретает вселенский масштаб...

Это чудо воздействия литературы, источник ее магической силы становятся более понятными всего после нескольких дней, проведенных в России... Начинаешь так же явственно ощущать болезненное гниение всех этих изуверченных и исковерканных человеческих душ, как будто бы ты провел рукой по изодранной в клочья шкуре затравленной, паршивой, изнывающей от голода и холода собаки.

В сущности, никакой колорит создавать и не надо... нет нужды ничего утрировать, сгущать краски. Все есть и так!.. перед глазами на каждом шагу... Более того, атмосфера вокруг всех этих людей, неважно, больных или здоровых, вокруг всех этих домов, вещей, всего этого нечеловеческого нагромождения неотвратимых страданий и жестокости сегодня в тысячу раз более гнетущая, удушливая, удручающая, inferнальная, чем у всех "благополучных и преуспевающих" (все познается в сравнении) Достоевских вместе взятых.

⁴ Сент-Лоран-дю-Марони - исправительная колония во французской Гвиане.

Раскольников? да у русских каждый второй такой!.. этот "проклятый" их местный Бубуль⁵, он им должен казаться таким же вульгарным, понятным, привычным, обыденным и банальным!.. Они просто рождаются такими. Но вернемся к нашему гигантскому шанкрозорию... Коллега Всехорошевич, облаченный в грязный белый халат... впрочем, не грязнее, чем у остального персонала... кажется, не собирается посвящать меня в специфические детали функционирования этого огромного конвейера. Но мне и так уже все было ясно, я и сам все прекрасно видел... тесные процедурные, каморки, до отказа набитые больными сухоткой, тучи мух над постелями и, наконец, отделения "врожденных заболеваний"... Малыши с "врожденным сифилисом" выглядели выдрессированными лучше остальных, они послушно встретили меня уже в коридоре, ибо я был тем редким посетителем, перед которым они должны были исполнять свою хорошо заученную роль все в той же комедии... большинство уже сидело в столовой... склонившись над своими мисками, группами, дюжинами, в круг, все бритые наголо, с зелеными лицами, что-то бормочущие себе под нос, гидроцефалы, безобидные идиоты в возрасте от шести до четырнадцати лет... салфеточки, украшавшие их, видимо, должны были улучшить общее впечатление, правда, салфетки были сальными, но зато с вышивкой... в общем, обычные статисты.

Стоило нам войти, как они все разом вскочили и начали горланить по-русски... все ту же знаменитую фразу! "Все Очень Хорошо!.. Нам здесь Очень Хорошо!.." - "Вы слышите, что они вам говорят, коллега! Все..."

Всехорошевича сопровождала еще и группа его студентов... что вовсе не мешало ему периодически раздражаться громким смехом, этот врач был в Ленинграде одним из немногих русских, которых я видел смеющимися.

"А это наши уборщицы! наши санитарки!.." Пожалуй, присмотревшись повнимательней... и можно было их распознать, отличить от остальных, ибо они выглядели еще более изможденными, замученными, потрепанными, опустившимися, чем находившиеся на излечении больные... они все ходили по стенке, в

⁵ Народный французский герой, простодушный и безобидный, что-то вроде русского Петрушки.

буквальном смысле этого слова, упиравшись в стену коридора, бледные, иссушенные, на подгибающихся коленях... от одной засаленной стены к другой.

- А сколько они зарабатывают?..

- 80 рублей в месяц... (одна пара обуви в России стоит 250 рублей)...

Помолчав немного, он вдруг неожиданно добавил (в свой обычной громогласной манере):

- Их же кормят! коллега, кормят!..

Ну, это он загнул! "Все очень хорошо!" - опять раздается его громкий голос. И все-таки, самое лучшее ждало меня в конце визита! Гинекологический осмотр!.. специальность Всехорошевича, это нечто!.. Настоящая антикварная лавка, какая-то коллекция древностей, музей инструментов, забуренных археологических находок, изогнутых, ржавых, пугающих... у нас такое теперь можно увидеть разве что в Валь-де-Грас⁶, в сундуках и сумках барона Ларрей⁷, и то вряд ли... Буквально все из этой омерзительной рухляди, штативы, зонды, скальпели и даже элементарные пинцеты сохранились еще с царских времен... сегодня весь этот металлолом, этот накопленный веками хлам, все эти покрытые сулемой⁸, изъеденные ржавчиной и перманганатом⁹ куски железа даже на Блошином рынке никто бы не взял... цыгане и те бы откараулили наотрез.. один прогон ручной тележки обошелся бы вам дороже... этих отвратительных отбросов... Тарелки тоже все были изъедены коррозией, протерты до дыр... протекали... а о рваном и вшивом белье и говорить нечего...

Всехорошевич же чувствовал себя тут, как рыба в воде... Это же была его консультация, момент его торжества!.. Засучив рукава, он тотчас берется за дело, через мгновение он весь в работе! Зады везде одинаковы... Больные застыли в ожидании... целая очередь, чтобы вскарабкаться на кресло... Студенты, слегка оша-

⁶ Имеется в виду Военно-медицинская Академия, основанная еще при Наполеоне I, при которой существует музей.

⁷ Барон Ларрей (1766-1842) - известный хирург, прошедший вместе с армией Наполеона Бонапарта все основные сражения.

⁸ Сулема - хлорид ртути, использующийся в медицине для обеззараживания кожных покровов и одежды.

⁹ Перманганаты - химические соединения, использующиеся в медицине как дезинфицирующие средства при ожогах и т.п.

левшие, прыщавые, настороженные, в общем, такие же, как все студенты в мире... наматывают все на ус... сперва легкое поглаживание, чтобы расклеить складки... убрать выделения из вагин... шейки матки... так, тампоны прямо в вульву, прижимаем... теперь, само собой... слизистые выделения воспаленной матки... Всехорошевич отдавался этому целиком... внимательный, энергичный... с громовым голосом... он был весь в работе!.. я не мог оторвать от него глаз... у него здорово получалось... он управлялся со всей этой допотопной рухлядью и нагноениями с какой-то грубоватой грацией... а работы хватало... тоненькая струйка перманганата и флуп!.. рука погружается в следующую дыру... сразу по локоть... как в лихорадке он слегка ощупывает железы... не умолкая ни на секунду... затем стряхивает слизь с руки... и флуп!.. залезает в следующую... без остановки!.. прямо так!.. голыми руками!.. волосатыми... со стекающей с них желтой жидкостью... без перчаток...

Мне не хотелось его отвлекать... быть нескромным, но тем не менее, мне было интересно... Поэтому, когда он наконец разобрался с дюжиной вульв, я его все-таки спросил:

- Вы что, никогда не надеваете перчаток?..

- О! чепуха!.. чепуха, коллега! У нас Все Хорошо! Просто Великолепно!..

Он буквально давится от смеха... веселится все больше и больше... от всей души... В самом деле, он же не виноват в том, что в России не хватает резины... Пользуясь случаем, он успевает заглянуть еще и в задний проход... там он ищет гонококки, которые имеют обыкновение прятаться в заднице в складках ануса. Сначала он слегка обрызгивает все вокруг водой, смазывает вазелином, затем ментолом, и скребет ногтями... в конце концов, он ведь профессионал. А затем, почти сразу же, без промедления, устремляется в следующую вульву... Там он задерживается у входа и нажимает на железы Бартолина... Если жидкость выделяется, зеленая, густая и однородная, он радуется как ребенок. Два, три тампона. Все Хорошо! Коллега! Все Хорошо!..

Однако мне пора... Хорошенького понемногу... Мы расстаемся с ним друзьями. Я снова захожу к заведующему, еврею, это типичный еврей... так же, как его секретарь... оба говорят по-немецки... Они тут же, видимо, желая обратить меня в свою веру, раскладывают передо мной целую кипу замечательных планов,

зарисовок... эскизов, проектов, диаграмм, огромных докладов. Однако, все это имеет отношение исключительно к Будущему... Когда-нибудь здесь построят великолепную больницу... Но будущее меня не интересует, я в него не верю... Это иудейская астрология. Меня же всегда интересовало только настоящее...

"Какими ресурсами вы располагаете для функционирования больницы? Сколько у вас больных?.. Врачей? персонала?.. и лежачих? амбулаторных?.. и т.д.; площадь?.. топливо?.. белье?".. в конце концов, это все вполне реальные вещи... которые необходимо знать, чтобы не размазывать сопли... и не терять время на пустые разговоры...

Я не настолько люблю больницы, чтобы вот так просто взять и провести там четыре часа из моей и без того сволочной жизни, а потом вернуться оттуда ни с чем, как самый обыкновенный затюканный раздолбай... Раз уж я взялся за это дело... то доведу его до конца... Работать так работать, отдыхать так отдыхать... Либо одно!.. либо другое!.. Я просмотрел все их книги, все досконально изучил... он показал мне смету (цифры не нуждаются в переводе). Получалось, что в этой громадной гнойной трущобе находилось на излечение не менее 5000 человек, это в среднем за год, если считать не только лежачих, но и амбулаторных... Я подсчитал, что вместе с кадрами, персоналом, девятью десятками живущих тут же уборщиц, санитарок, светом, транспортом, стоимостью питания, медикаментов и т.д.... и т.д.... им требовался бюджет как минимум в 12-16 миллионов рублей, чтобы хоть как-то перебиваться... тогда бы эта больница функционировала в более или менее нормальных условиях... сейчас же, на мой взгляд, она больше напоминала морг... А между тем, это учреждение, раз уж мы начали об этом говорить, на все про все получало ежегодно только 2 миллиона рублей, то есть в десять раз меньше прожиточного минимума... При этом я вообще не берусь сравнивать здешние условия с теми, что есть у скандинавов, или в больницах Копенгагена. Я исхожу из обычных средних норм, принятых в той же Франции, например. Норм, рассчитанных на обычных "работяг"..

До такого, как здесь, мы пока еще не дошли...

Практически все русские государственные учреждения являются жертвами все тех же смехотворных бредней о всеобщем равенстве, которое проецируется на людей, продукты питания,

"денежные средства"... Практически все, за исключением театров, полиции, армии, партии и пропагандистской машины... они вынуждены влачить жалкое существование, довольствуясь 1/10 нормального бюджета (под нормальным я имею в виду тоже нечто весьма и весьма скромное и "относительное").

Но не спешите с выводами, наберитесь чуточку терпения! Очень скоро мы будем завидовать русским!.. Мы станем такими же, как они! И даже еще гораздо хуже! Это кажется невероятным! опуститься ниже, чем русские!.. Мы приобретем их болезнь! русскую болезнь! мы уже заражены! Скоро нас будут подбирать на улицах. (...)

Прежде чем рассказать вам о том, как прекрасен Ленинград, необходимо внести некоторую ясность... Это не они его построили... эти сталинские "гепеушники"... Они даже не в состоянии его как следует содержать... Это выше их коммунистических сил... Все улицы обрушились, фасады домов осыпаются... Это ужасно... А ведь в своем роде это один из самых прекрасных городов мира... наподобие Вены... Стокгольма... Амстердама... поверьте мне. Чтобы составить представление о его красоте... Вообразите себе на минуту... Елисейские Поля... но в четыре раза шире и все затопленные бледной водой... это Нева... Она простирается вдаль... туда, к мертвенно-бледной шири... к небу... морю... еще дальше... к своему устью в самом конце... в бесконечность, откуда навстречу нам поднимается море... Море!.. оно охватывает весь город!.. полупрозрачное... фантастическое, напряженное... как ладонь могучей руки... на его берегу... раскинулся город... дворцы... еще дворцы... Жесткие прямоугольники... купола... мрамор... величественный правильный орнамент... вдоль бледной воды.. Слева небольшой черный канал... напротив позолоченного колосса Адмиралтейства... увенчанного какой-то переливающейся на солнце золотой фигурой... Какая огромная труба! растущая прямо из стены... Сколько тут величия!.. Что это? Сказочный великан? Театр для циклопов?.. Сотня эшелонов, груженных грандиозными декорациями... устремляются к морю... А вдоль набережных откуда-то из-за кулис дует едва заметный, навевающий легкую грусть бриз... он скользит по воде, всхлипывает и дразнит вас... зимний бриз среди лета... Вода бьется о борт, дрожит и замирает у гранитных камней... Вдали виднеется высокая изящная решетка парка... бесконечное кованое кружево... стена высоких деревьев...

надменные каштаны... великолепные, чудовищно разросшиеся монстры... овевающие землю облака снов... кружащиеся в воздухе позолоченные листья... Комочки грусти... почти невесомые... уносимые вдаль порывами ветра... устилающие поверхность плавно текущей воды... Чуть дальше, в пролете огромного дворца Екатерины, маленький изогнутый мостик... а там, над свинцовой водой... устрашающий взгляд... загривок Невы... ее огромный литой браслет. Этот охватывающий запястье бледной руки мост соединил два роковых места: дворец Александра, неестественно розовый, изъеденный проказой, разбитый параличом барокко катафалк... и тюрьму Петра и Павла - распластавшуюся на своих стенах, как бы присевшую на корточки крепость, пригвожденную к своему острову шпилем ужасного собора, некрополя убиенных царей. Неподвижная каменная кокарда тюрьмы, пронзенная заостренным кверху золотым кинжалом, шпилем церкви, служащей приходом убитых.

Величественное северное небо, тоже цвета морской волны, но чуть прозрачнее воды огромной реки... и еще более суровое... Купола церквей.. два десятка обрамленных золотом жемчужин... печально застыли в небесах... В конце проспекта Октября¹⁰... жесткий массивный шпиль Адмиралтейства упирается прямо в небесный свод... Двадцать улиц... целый квартал... тонут в тени Казанского собора, который парит над ними на крыльях своих колоннад... А там, напротив, эта мечеть... жуткое чудовище... "Спаса-на-Крови"... витые узоры... мозаика... грибы... кабошоны... вся в прыщах... вобравшая в себя все цвета радуги тысячи оттенков. Фантастическая, сдохшая на своем канале жаба, снизу совсем черная, неподвижно застыла и тихонько готовится к прыжку.

Десятки проспектов... пронизывают город, пересекаются... открывая все новые и новые перспективы... расширяя пространство... наполняя его воздухом... Кажется, город почти не касается земли, он летит, простирается к облакам... Он весь в полете...

Сказочные проспекты... созданные для парадов и сражений... способные пропустить через себя сотни эскадронов... Невский!.. Какие выдающиеся личности! С величественной осанкой... они должны были быть исполнены грандиозных замыслов... Петр...

¹⁰ Ныне Невский проспект.

Император степей и моря!.. Город в величину неба!.. Бездонное зеркало ледяного неба...

Дома оседают... Старые, гигантские, морщинистые, полуразвалившиеся, осыпающиеся тени великого прошлого... в них полно крыс...

А эта заполняющая улицы безумная орда... покрывающая тротуары какой-то отвратительной слизью... все время куда-то стремится... скользит вдоль витрин... это гнусное, огромное, липкое, рыгающее и урчащее скопление нищих... обитателей помоек... на которых вы повсюду наталкиваетесь... Огромный язык Азии.

Смрад, которых поднимается ото всех стоков... каналов, подъездов, ларьков. Этот пугающий, обезумевший от голода язык Татьяны... Мисс России, великолепной... огромной как степь, как шестая часть света... агонизирующей...

Я ничего не преувеличиваю... Я мог бы нарисовать вам эту картину и другими, более обычными словами...

Вообразите себе... огромный "квартал"... в высшей степени гнусный... переполненный резервистами... великолепный контингент... целая армия доведенных до отчаяния подонков... да еще переодетых в штатское... в лохмотья... раздавленных судьбой, в рубищах... изнуренных... у каждого за плечами лет десять скитаний... по помойкам... солидная подготовка... которым уже ничего не светит в этой жизни... совсем опустившихся... одичавших... добывающих себе на хлеб насущный самым грязным и тяжелым трудом... где придется... грандиозный, выставленный на всеобщее обозрение развал.

Надвигающаяся катастрофа.

Кажется, настало время обратиться к конкретным фактам... я хочу подробно рассказать вам, что со мной произошло... Натали, мой гид-надзиратель, предложила мне немного развлечься...

Как-то в полдень она мне сказала:

- А что, если нам съездить на Острова (местный Пре-Катлан)? Там состоится очень интересный теннисный матч.

Натали была страстной поклонницей тенниса, и мне хотелось доставить ей удовольствие.

- Договорились.

В общем, мы поехали... Острова оказались не так уж близко. Час езды... еще и пробки. Ленинградские спортсмены и семьи "комиссаров" в полном составе заполнили стадион до отказа... Шум и гам стояли невообразимые... Это был матч между Коше и их чемпионом Кудряшом. Поверьте мне, в конце августа в Ленинграде не жарко. Балтийский ветер суров... вокруг - хихиканье, кудахтанье барышень из "хороших семей"! Публика собралась отнюдь не простая!.. Нельзя сказать, что они были одеты со вкусом... но во всяком случае дорого... кожаная обувь... (по меньшей мере 1500 франков пара)... в общем, местная элита... буржуазия... Я попросил, чтобы мне переводили, о чем они говорят... малышка в шортах... приземистая: крепенькая... очень аппетитная... рассказывала, как провела отпуск...

"Ах! Что за путешествие, дорогуша, ах! Если бы ты только видела папу! Он был в ярости!.. Мы больше не поедem на Волгу!.. В этом году там было столько народу!.. Ты и представить себе не можешь, пароходы перегружены! Так можно и потонуть! Они просто могут перевернуться!.. Кругом одни рабочие!.. О, дорогая моя!.. Ах! Как это ужасно!.." (Примерно так). А как она говорила, как выразительно ахала!..

Матч закончился... Коше выиграл, вскинул руку вверх... Довольные зрители долго и горячо ему аплодировали...

Мы с Натали устремились к выходу из парка... на поиски нашей машины... "паккарда" 1920 года, стоившей мне 300 франков в час. Обратите внимание, я не скупился. Я ведь еще собирался получить... здесь в России... небольшое вознаграждение... в государственной сберкассе... Примерно 30 тысяч франков. Хватило бы на целых 20 пар обуви. Когда мы садились в машину, к нам подошел очень вежливый господин... приподнял свою фуражку... и, улыбаясь, обратился ко мне с небольшой просьбой...

- Мсье Селин, вы не подбросите нас в Ленинград?... по пути... Я директор Интуриста, а это мой друг... Если это вас не затруднит, конечно?..

Этот коротыш, директор Интуриста, был безукоризненно корректен.

- Ну садитесь же... Пожалуйста!..

Он устроился рядом с шофером... и представил мне своего приятеля... невнятно пробормотав его имя... приятель, конечно,

тоже из жидков... но только другой породы... не "маленький недоносок из гетто"...

"Сатрап".. очень импозантный... настоящий паша... афганский шейх... здоровенный атлет... высокий и вальяжный... наделенный солидными формами, властью и могуществом... с брюшком... лоснящаяся физиономия... во френче а-ля Пуанкаре... строгого покроя цвета хаки... со сверкающими на солнце, болтающимися на жирной груди орденами... с голой "тыквой" Ленина посередине... немного напоминающего Будду... еще я помню... у него были усики, две холеные кисточки... тщательно расчесанные... подстриженные... такие носили в Лондоне в 1912 году... игроки в крикет... "мастера вольтижировки"... "Computers of Croydon", "Icare Brothers" Британской Империи... Да, действительно любопытный экземпляр... я успел изучить его достаточно внимательно... глядя через плечо, пока меня трясло в моем кресле... Дороги тут просто ужасные... Я думаю: "Безусловно, это настоящий авантюрист... Этот тип неплохо устроился при коммунистах... воистину бесподобен!.. Это замечательный экземпляр!.." Из-за рытвин машина шла очень тихо... для рессор это было настоящим испытанием... Эти "наросты" украшают мостовую со времен Екатерины... поверьте мне, они ужасны... Но по своему они оживляют город... Без них он превратился бы в музей. Я думаю, они не исчезнут никогда... Русские во время работы бесподобны... они раздеваются и кидаются на штурм... Но рытвины на дорогах будут вечно... они лишь углубятся со временем... Азия есть Азия... Ни одна машина не выдержит такого... В единственном новом здании... воздвигнутом после "Великого Октября"... размещается то, без чего просто невозможно обойтись... ГеПеУ... естественно... ничего другого там быть и не могло... Зачем?.. А между тем, этот вальяжный опереточный Будда заводит со мной беседу... Ах как он добр!.. и потом, он так возвышен, и вообще!.. он само благодущие... Наконец-то мне представилась возможность поговорить хотя бы с одним русским... остроумным... к тому же таким обаятельным... веселым... какое счастье!.. он соблаговолил побеседовать со мной! Это просто удивительно!.. он не ерзает, как будто сидит на иголках, он вполне раскован... он не чешется от нетерпения... Я впервые вижу здесь нечто подобное!.. Он говорит по-английски совершенно свободно... Мы прекрасно понимаем друг друга...

Странно, но по мере того, как я его слушаю, мне начинает казаться, что мы уже где-то встречались... Но вопросы задаю не я, а он... Он произносит:

- Мсье Селин, вам нравится Россия?

- А вам, dear Sir, она нравится?..

Я не привык кривить душой, я человек прямой и не люблю экивоков... Раз мои впечатления его так интересуют, то я готов ими с ним поделиться... даже если это ему не слишком польстит... Натали в ужасе затихла в своем углу... она толкает меня коленом. Но я, по правде говоря, высказываю совершенно безобидные вещи... мне не слишком нравится их кухня... (я никогда не был особенно привередлив в еде), я не люблю подсолнечное масло... В конце концов, я имею на это право... Даже на каторге кормят лучше... Таковую баланду дают только в самых плохих тюрьмах... но это пустяки... огурцы не первой свежести... в номерах полно тараканов... (а я плачу за свой 300 франков за ночь)... я не вижу никаких улучшений... и как врач могу сказать вам, что все эти "сознательные" рабочие на улицах имеют вид... ужасающе изможденный... пугающе анемичный... как будто они все страдают хлорозом... предельно истощены... складывается впечатление, что всей России пора на пенсию... всеобщее обнищание... и в этом нет ничего удивительного... при таком государственном устройстве... я сам с Натали, просаживая огромные суммы, мог себе позволить питаться лишь подозрительными пирожками... которые буквально застревают в горле... и каким-то невообразимым... прокисшим... сомнительным варевом... Но я говорил так много о жратве, на которую мне совершенно наплевать, только потому, что они сами считают себя материалистами и их девиз - "каждому по потребностям". Материя ведь первична... Ну я и материалистические замечания... Старался попасть в тон... говорил вещи, которые должны быть понятны этому сиятельному бонзе...

Но моя наглость совсем не разгневала его.

Он насмешливо растягивал свои обвисшие губы и слушал мои саркастические замечания... Порой в глубине колымаги раздавался его смешок... Казалось, все это его совсем не задевает. Натали вообще не было слышно... Когда я наконец закончил свои излияния... он предпринял попытку контрастугупления... и задал новый вопрос...

- Кажется, мсье Селину не особенно понравились наши больницы?..¹¹

Ну вот! Я не ожидал подобной провокации!.. сразу же до меня дошло! Моя память прояснилась... Я сразу же все вспомнил! И ответил ему в том же духе:

- Всего нет! Вы глубоко заблуждаетесь, господин Бородин!.. я просто в восторге от ваших больниц!.. послушайте!.. вы располагаете неверной информацией обо мне!.. но в свою очередь могу ли я вас спросить?.. Так как мы ведем откровенный разговор... Это ведь ваше новое имя, Бородин, не так ли?.. Там, на песчаных равнинах Дартмора, когда вы занимались изготовлением сумочек, вас ведь звали иначе?..

- А вы, мсье Селин, жили на Херкьюлз Стрит... не правда ли?.. вы тогда еще брали уроки английского, недалеко от рестораника... "Победа".. под большим мостом?.. Если не ошибаюсь? Ватерлоо... Waterloo over the Bridge!.. Ах! Ах! Ах! Вы воспитанник "Доры"... Оп-ля!.. вот те раз!..

- А вы ведь тоже! Признайтесь откровенно!

Мы с силой пожали друг другу руки... притворяться больше не было смысла...

Он очень растолстел и порозовел... раньше он был совсем худым и бледным...

- А как поживает наш знакомый Юбельблат?.. а?.. он по-прежнему близорук?.. и все так же читает чужие мысли?..

Ах! Это пробудило во мне целый поток воспоминаний... Юбельблат!..

- Вы знаете, мсье Селин... он здорово помог мне тогда в Анвере...

- Юбельблат?..

- Я целых три месяца жил у него... у него в подвале... в подвале!.. У него в подвале не было ни одной крысы!.. Я вам кля-

¹¹ В РГАЛИ СПб (Ф. 4 Оп. 1 Д. 13 Л. 81) сохранилось упоминание о посещении Селином Института охраны материнства и младенчества в апреле 1936, но там указано, что Селин прибыл из Швеции. Возможно, тут сказалась любовь Селина к различным мистификациям (он мог сознательно ввести в заблуждение сотрудников института) или же имеет место простая неточность. По убеждению биографа Селина Франсуа Жибо, Селин никак не мог прибыть в Ленинград из Швеции, он приехал из Франции.

нусь... Но зато сколько кошек!.. боже мой! Все кошки Анвера!.. И что за кошки!..

- Правда?..

- Правда!..

- В подвале?..

- Как Романовы!..

- В 17-м году?..

- Сколько вам лет, Селин?.. Водитель, помедленнее, пожалуйста!

- Его голос становится начальническим... - Помедленнее, сделайте крик! Я хочу еще немного поболтать со своим другом, с этим джентльменом... А как ваша мигрень, Фердинанд? Ах! Ведь мы встречаемся не каждый день!.. Вы по-прежнему полны сил! - Он снова развеселился. - Юбельблат: впрочем, его уже зовут иначе!.. Он обещал заехать как-нибудь... сделать мне сюрприз... нанести визитик... просто по-товарищески... неофициально... по пути из Пекина... он обещал... Он ведь ездит туда все реже и реже, не так ли?.. Не так ли?.. Мне так кажется!..

- Я не слишком в курсе, мсье Бородин:

- От этого Юбельблата можно ждать чего угодно... вы знаете?.. он действительно непредсказуем!.. Он снова предпочел путешествовать на этом вонючем судне... "Трансибирский" его не устраивает... Ах! Ах! Ах!.. - он похлопал себя по пузу. - Ну и путешествие... Ужасный крик!.. Красное море!.. На самом деле, путешествие не из приятных!

Оба чиновника буквально лопались от смеха, настолько их забавляло путешествие Юбельблата...

- Ну а вы, мсье Селин.. и дело не только в вашем мнении о больницах... Ах! Ах! Ах!.. У вас утонченные великосветские интересы... Как у великого князя!.. Мсье Селин!.. Вас часто видят в обители танца... надеюсь, на этот счет я достаточно хорошо проинформирован?..

Натали было нечего сказать... Она смотрела куда-то вдаль... на улицу... Она казалась крошечной, совсем маленькой...

- Разрешите, мсье Селин, я задам вам вопрос? Вопрос сугубо личный?.. Как другу... без обиняков...

- Я вас слушаю.

- В случае войны на чьей стороне вы бы оказались?.. с нами? Или с немцами?.. Мсье Селин?..

Еврейчик из Интуриста на переднем сиденье весь напрягся и старался не пропустить ни одного моего слова...

- Я бы подождал... Посмотрел... Мсье Бородин... И стал бы аплодировать, как на теннисном матче... самому ловкому... самому выносливому... самому нахальному... самому сильному! Я бы с интересом следил за событиями...

- Но самые сильные - это мы! Дорогой мсье!.. Все эксперты вам это подтвердят!..

- Эксперты иногда ошибаются... Даже боги часто ошибаются... В истории достаточно тому примеров...

Эти слова выводят его из себя... Он не может сдержать своего раздражения... начинает что-то бормотать... нервно дергается... ерзает на сиденье... он не может спокойно слушать подобную чушь!.. Он становится похож на омерзительного злобного китайца...

- О! Мой друг! Дружище!.. - задыхается он... - Вы говорите глупости... Шофер! Шофер! Поворачивайте к Уке!.. Вы не знаете Уке, мсье Селин?.. Уке! Это название вам ничего не говорит?.. Вы не слышали? У! Ке? Нет?.. Вам никогда не говорили об У! Ке!.. Мы с моим другом вам сейчас покажем Уке!.. Шофер, поезжайте помедленнее... спереди... сзади... повсюду... взгляните, мсье Селин... какие здесь низкие домики... приземистые... обратите внимание, как они надежно заперты. Это квартал Петра Великого! Да, мсье Селин!.. посмотрите... Это здесь он развлекался... и вправлял мозги тем, кто не умел держать язык за зубами... или наоборот, не хотел говорить... отказывался отвечать на вопросы... Они громко кричали, вопили!.. когда Петр занимался ими, и они снова начинали говорить... когда они обретали дар речи... из их груди вырывались странные звуки! Мсье Селин... прямо из горла... У! Ке!.. вот так!.. У! Ке!.. и так громко!.. что слышно было во всей округе... вдоль всей Невы... до самой Петропавловки... Вот почему этот квартал и назвали Уке!.. Вглядитесь, мсье Селин, в эти постройки... они такие приземистые... крепкие.. наглухо запертые!.. О! Это просто замечательно!.. Лучше не бывает! Сейчас вы смотрите лишь снаружи, со стороны! А внутри!.. Петр I был великий царь!.. великий царь, мсье Селин!..

Автомашина снова замедлила ход... и едва ползла... Мы успели объехать все улицы... подробно все посмотреть... объехать

весь старый Уке¹²... Не прекращая шутить... по поводу орудий, которыми пользовался великий царь... чтобы развязать языки... заставить себя уважать: и любить.

- Уважать, мсье Селин!.. уважать!..

Однако, пора было расставаться... возвращаться в отель... Мы с Натали должны были идти в театр.

Этот Бородин знал множество замечательных историй! Действительно, превосходных анекдотов о Петре I... Мы подъехали к нашим дверям... Он больше не злился на меня... Нам жаль было расставаться...

- Давайте! Давайте! Заходите ко мне... без лишних церемоний! Слушайте, завтра... в Астории!.. Мы можем пообедать втроем, вместе с Натали... в моем номере... неофициально... просто по-товарищески!.. Не так ли?.. по-товарищески?.. Я расскажу вам о своих путешествиях! "факты"! Только "факты"! О Китае! А потом приезжайте в Москву... Там у нас можно увидеть еще больше интересного!.. вы все посмотрите! Я сам вам все покажу!.. Что вам делать в Ленинграде?.. Приезжайте же!..

- А я смогу посетить Кремль?..

- Все, что захотите, мсье Селин!

- Вы серьезно?

- Абсолютно!..

- И подвалы тоже?..

- Все подвалы!..

Мы рассмеялись... Наш смех был слышен на улице... забавно!..

- Я могу взять с собой переводчицу?..

- Обязательно!.. Конечно!.. конечно!..

- Правда? Кремль?..

- Правда!..

- Обещаете?..

- Обещаю!.. Я звоню по телефону и вас пропустят!

¹² Название "Уке", без сомнения, изобретено самим Л.-Ф. Селином, но, возможно, он действительно проезжал где-нибудь в районе Крестов или Петропавловской крепости.

Ах! Подумать только... все не так уж и плохо... детские страхи!.. Посмотрите сами! Эти "вооруженные до зубов"... болшевики... разрушили далеко не все!.. Кое-что они оставили!.. не все сравнивали с землей!.. Ах! Вы не верите!.. О! Просите уточнить!.. Ну так посмотрите на их театры!.. как они великолепно содержатся!.. с какой любовью! Гораздо лучше, чем их музеи! Которые напоминают склад бракованных, непригодных к употреблению товаров: Но театры! Их надо видеть!.. Это что-то необыкновенное!.. удивительное! Особенно интерьеры! Сами здания снаружи... чем-то напоминают колоссальные казармы, по-немецки тяжеловесные... но интерьеры! залы! Какие дорогие украшения! Какой размах! Как называется самый прекрасный театр в мире? Конечно, "Мариинский"! тут и говорить не о чем! Равных ему нет! Только ради него стоило проделать это путешествие... Там, наверное, две тысячи мест. Своими размерами он напоминает Гран-Гомон... Рокси... Но что за стиль! Сколько изящества! Вкуса!.. роскоши!.. В духе мамонт... это само совершенство... легкий... воздушный мамонт... небесно-голубая, прошитая серебряными нитками пастель... Сколько балконов, сколько ярусом... лазурная бахрома занавеса... Люстра, мерцание звезд... застывший, хрустальный, переливающийся в темноте дождь... лимонно-желтые ряды партера... резные деревянные подлокотники, бархат... сколько всевозможных оттенков!.. Сколько поэзии даже в креслах!.. просто чудо! Театры Парижа, Милана, Нью-Йорка, Лондона!.. по сравнению с этим кажутся турецкой баней!.. пирожным, выблеванным мертвым Грангузь!.. Сравнить их - то же самое, что сравнивать Монт Сен-Мишель¹³ с нашим большим восточным умывальником Сакре-Кер¹⁴: Чтобы убедиться, вы можете сами съездить в Ленинград... проверить.. (Я даю бесплатную рекламу!) Будь у меня время, я бы с удовольствием продолжил... Мне это совсем не трудно... я готов говорить об этом бесконечно... но где взять время?.. Мне бы хотелось

¹³ Монт Сен-Мишель - один из наиболее известных в Европе монастырей, шедевр готической архитектуры.

¹⁴ Церковь в Париже на холме Монмартр, построена в конце 19-начале 20 вв., считалась примером безвкусной эклектической архитектуры.

рассказать вам... сколько здесь чудесных проспектов... передать вам в силу своих жалких способностей все величие этих царственных зданий... все великолепие и нелепость местного "барокко", грандиозных дворцов... на берегу моря... удивительную гармонию скульптурных ансамблей. А эта Площадь у Зимнего Дворца... Настоящий велодром для слонов... на ней могут запросто потеряться два полка солдат!.. А окружает ее настоящий распластанный по земле небоскреб, небрежно брошенный, подобно вееру... пронизанный тысячами дырочек, окошечек и узких проходов... Царская канцелярия.

Я с наслаждением рассказываю вам о "Мариинском"... Я буквально вижу, как вы туда заходите... подозрительно оглядываетесь по сторонам... Подождите!.. Минутку!.. Мы с Натали были там каждый вечер... Мы посмотрели весь репертуар... а "Пиковую даму"... целых шесть раз... "Пиковая дама" - жеманная старая шлюха... Кокетливая ведьма, окорок с душиком... Она по-прежнему покоряет сердца... Только стоит произнести "Пиковая"! как тут же из глубины русского сердца откликнется... "Дама"! это пир во время чумы!.. "Пиковая дама" это своеобразная, непостижимая месса... в ней есть очарование убийства... мятежное, тлеющее в глубине мира пламя погрома... которое однажды вспыхнет... взорвется вверх! До самого неба!.. выше золоченых куполов огромного собора!.. Пламя выжидает... колеблется... дрожит... стелется по земле... музыка задыхается... становится нежнее... убаюкивает... "Три карты!" Три самоубийства!.. Это царский перстень, переливающийся на пальце мумии... Три самоубийцы каждый вечер тихо поднимаются из оркестра... В переливах огромных огненных волн... из самой глубины... этого не заметит никакая полиция... Вылетают три птички самоубийства... три крохотные души... такие крохотные... что даже волны пламени не в силах их поглотить... поверьте мне... пламя стонет... в глубине мира... полиция ничего не видит. Старая кляча, древняя ворона... богатая вдова, отмеченная печатью смерти... с пышной шевелюрой... воздушным гипюром... каждый вечер голосит на краю пропасти... и подыхает... Сколько рулад... исторгает это крошечное тело! Такое щедушное!.. какое богатство

красок!.. потоки арпеджио... аудитория захлебывается от восторга... все эти русские... буквально задыхаются... "Три карты"... Обезумевшая толпа!.. Мертвенно-бледных русских!.. вас обманули!.. заманили в ловушку!.. Отсюда уже никто не выйдет... Ваша судьба свершится! Как-нибудь вечером! В безумном смерче аккордов... Тот сумасшедший наверху вытащит и вашу карту... "Три карты"! Офицер ставит на все... Что там за движение?: Прямо из ада: выскакивают черти с хвостами из пакли, подпрыгивают, дрыгают ногами... все надежды, утраты, муки совести сплетаются в один узел... всю сцену захлестывают волны безумной ненависти... Начинается дикая сарабанда! Из объятых пламенем оркестра доносятся мучительные звуки скрипок... вы чувствуете приближение опасности... старая карга... вое! Пропасть уже разверзлась... Старуха валится на бок... Она так ничего и не сказала... А Пиковая Дама должна была сказать все!.. Она могла сказать все!.. Но она стала совсем невесомой, легче шерстинки... меньше вспорхнувшей вверх птички... грешной, покинувшей тело души... испустила последний вздох... Ее тело при этом не издало ни малейшего звука... на огромной сцене осталось лежать маленькое сморщенное чучело, все в папилотках... Даже музыка кажется тяжелее, чем это слабое шуршание ткани... Засохший желтый шелковистый лист... падая, слегка коснулся нас. Это Судьба.

В царской ложе сидят местные партийные боссы... Рабочие в выходных костюмах сидят на галерке. А в первом ряду - евреи в очках... среди них есть несколько заросших пышной шевелюрой... "а-ля Бакунин"... Ветераны революции. Настоящий паноптикум. Фарс!.. Это похоже на издевательство!.. На балконах толпятся колхозники... инженеры... чиновники... и наконец стахановцы... самые шумные, болтливые и фанатичные сторонники режима... их очень много, это горячечные... одержимые... эксгибиционисты... кажется, остальные присутствующие в зале зрители их не очень-то жалуют... Весь партер, все балконы переполнены... то тут, то там мелькают носатые студенты в белых кепках с красными лентами.. типичные французские жидки... чувствует-

ся преемственность политических идей... но это все про Пиковую Даму...

Ну а как же Танец? Знаменитый русский балет?.. То, чем они так гордятся?.. Это тоже восхитительно! Что за декорации!.. какое богатство красок!.. Какое изобилие талантов!.. Это нужно описать подробнее!.. Сколько их!.. Целая армия "исполнителей"!.. И главное! Профессиональный уровень каждого очень высок!.. а что за fuga! Им можно позавидовать! Они сыты!.. Труппа определенно очень хорошо питается. Натали не разделяла моих восторгов... Ей больше всего нравилась "Пиковая Дама".. у каждого свои слабости, свои мании... мои относятся к области танца... Да здравствует танец!.. "Бахчисарайский фонтан"!.. Что за схватка!.. Стаи демонов!.. Развернув крылья, они несутся вверх... Что за грохот! Вспышки молний, удары грома, так что чуть не рухнет театр!.. 400 дьяволов, вольтижеров, погромщиков, каждый артист, принимающий участие в этом извержении музыки, буквально растворяется в ее потоке! А что касается "Лебедей", то это тоже было очаровательно... очень грациозно!..

Вместе с тем в "Утраченных иллюзиях" чувствуется какая-то вялость... несогласованность... излишняя рефлексивность... вульгарность... избыток средств и затрат!.. Это явная неудача! Полный провал!.. Вообще, среди постановок много неудач!.. Репертуар составлен крайне небрежно... Сколько ляпсусов!.. они вынуждены выполнять план!.. Несколько директоров уже расстреляли!.. за что?.. сколько капитанов не вернулось!.. Кто виноват?.. Все! Никто!.. я!.. вы!.. Балет - это всегда феерия. Это самый возвышенный, самый благородный, самый гуманный вид искусства!.. Кто способен его поставить?.. Душа слабеет и устает... По-настоящему сумасшедших уже почти не осталось. Творцы этих поэм давно умерли... Как их воплотить?.. Все ищут опоры в разуме... Но Разум бессилен... Теперь все говорят лишь о разуме... стараются поступать разумно... перезвон надтреснутых колоколов... Чрезмерная рассудочность губит их... И поделом!.. Самые страшные и разрушительные катастрофы - это не те, от которых рушатся дома, а те, которые истребляют наши феерии... Судя по их музыке, русские обречены... они раздавлены своим прошлым... они "от жажды умирают над ручьем"... Их "достижения"? Они им просто необходимы, черт побери! Чтобы заполнить эти гигантские соборы! Они ведь для чего-то были воздвигнуты!.. Это не-

обходимо!.. Зачем? Старческий лепет! Маразм! Их "Кармен"... их "Манон"... их "Онегин", фатальная "дама"... "Руслан и Людмила"... "Мазепа"... Это ужасно... Уверен, что лавры первенства, все короны России должны быть отданы отважному менеджеру, который поставит в Ленинграде "Михаила Строгова" с хорами, солдатами, большим оркестром... Зимний Дворец должен принадлежать ему¹⁵!

Но вернемся к артистам?.. Среди танцоров... два великолепных исполнителя... лиризм, высокая техника, выразительность, настоящие поэты... Женщины? Отлично подготовлены, очень старательны... но не более, кроме одной балерины - Улановой¹⁶... Зато их ансамбли просто божественны!.. Симфония человеческих движений. Сонм заполняющих небо корифеев... Их "па-де-катр"? мерцание падающей звезды... царство грез... видений... Вечера в Мариинском! Какое сладострастие! Все спектакли по два-три раза!"

Я хотел прогуляться, каждое утро до прихода Натали у меня было немного времени... Она должна была закончить дела по хозяйству и отнести рапорт... в местную Полицию... У меня было целых два часа, чтобы немного побродить... Улицы Ленинграда производят гнетущее впечатление, люди забыты... запуганы... я заметил это... нищие лавки... Сколько грязных жалких забегаловок... полуразвалившихся... с изношенным до деревянных перекрытий паркетом... старые прилавки из массивного дерева... помпезные... лоснящиеся, сделанные еще до войны... со следами бывшего изобилия... каменные шкафы с полками... украшенные буке-

¹⁵ Речь идет о балете "Мишель Строгов", поставленном в 1880 году в Париже (либретто Ж. Верна и Д. Эннери по одноименному роману Ж. Верна). Действие этой пышной постановки разворачивается в России на вымышленном историческом фоне (восстание среднеазиатских племен против русского царя). В России и СССР никогда не ставился, а роман публиковался с многочисленными цензурными купюрами. Селину о постановке этого балета могло быть известно из красочного альбома "Histoire Generale illustree du Theatre TV. Paris, 1934. P. 58.

¹⁶ В действительности, Г. Уланова в описываемое время не выступала на сцене Кировского театра.

тиками и волнами лент... Пошлые, заплесневевшие имитации парижского шика 1900.. Чем они торгуют?.. Кучей отбросов... настолько отвратительных, что невозможно себе представить, что их можно было бы продать еще где-нибудь, кроме России... Какой-то жуткий склад вторсырья... никому больше не нужный хлам из старых галантерейных деревенских лавок... все это можно было найти во Франции в 1910 году, во времена "маневров"... Я помню... Тогда это было "последним криком"... Вот этими жалкими обносками, этим найденным на помойке старьем и торгуют в советских, чудовищно огромных кооперативах... Даже в Монровии, в Либерии я не видел ничего подобного, поверьте мне, это вне конкуренции.. Это не сравнимо ни с чем!.. Те вещи еще можно было носить. "Третьесортный товар" или "Третьесортный товар, бывший в употреблении", должны же быть хоть какие-то границы... Я тоже торговал с дикарями... в Бикобимбо, под соломенной крышей, в самой глуши Камеруна... Я спекулировал тоннами... И у меня там тоже не было конкуренции... Но на такое я бы никогда не осмелился... на такое у меня бы рука не поднялась. Когда я называю советские товары "жалкими отбросами", я ничего не преувеличиваю... Я обошел все их магазины на больших улицах вместе с Натали... Такого дерьма, каким они торгуют, я еще нигде не видел... Воистину нужно быть гением, чтобы суметь здесь одеться... Их ткань - это настоящая пакля, даже нитки не держатся... И за это надо платить! Обратите внимание!.. Нужен целый воз денег, чтобы сделать самое обычное приобретение... несколько хлопчатобумажных отрезков!.. надо признать, что коммунизм - это самая безжалостная, дьявольская форма эксплуатации простого народа!.. Коммунисты готовы выпить из народа всю кровь, вытянуть из него все жилы!.. Это худшая форма эксплуатации!.. Я говорю дьявольская, потому что у них, в отличие от других, есть еще их суперсволочные идеи. Они постоянно моят свой народ... свой "господствующий класс" всей этой ужающей нищетой и делают это обдуманно и цинично... Здесь все просчитано. Они прекрасно понимают, что делают! Заставить людей не думать, голодать, они готовы уничтожить, стереть с лица земли свой "любимый" народ!.. издеваться над ним! Не оставить на его теле ни одного живого места! Накачать его тоской до такой степени, чтобы он захлебнулся ею!.. переломать ему все кости, зажать в кулаке и превратить в тряпку, о которую может

вытирать ноги каждый, кто захочет... Оргазм евреев, плоды горячей фантазии чернокожих ублюдков, смешать нас всех с дерьмом, запугать, унижить, растоптать, сделать более жалкими и трусливыми, чем эти отвратительные жабы из гетто. А потом, вдоволь поизмывавшись над нами, выпить из нас всю кровь и выбросить в отхожее место... Таков наш счастливый удел!

Со жратвой в Ленинграде дела обстоят еще хуже, чем с одеждой, если это вообще возможно... Их мясные магазины, почти все в подвалах, ниже уровня мостовой, под землей, какие-то гроты под зданиями... и очень вонючие... Кругом толпятся люди... они ждут своей очереди... огромная "очередь" за плотным занавесом из мух... голубоватым... волнующимся... испускающим легкое жужжание... Очередь жужжит вместе с мухами... отбивается от сонма мух... тонет среди мух...

Несколько консьержек, мамуля в ботах, закутанная с головы до ног баба, девочка в очках, одна за другой... ныряют в подвал... протыкают полотнище мух... исчезают в норе... и довольные возвращаются на свет... В кулаке у них зажат кусочек жира! Мухи тут же устремляются на него, и на людей тоже... все кругом шелкелится, кусается, урчит... кружится в хороводе... Мамулю в ботах окутывает целое облако."

Возвращаясь с экскурсий, я неизменно заглядывал в офис ВОКСа¹⁷.

¹⁷ ВОКС - Всесоюзное общество культурных связей с заграницей, образованное в 1925 году. ВОКС соперничал с Интуристом и стремился достичь упразднения последнего, в чем не преуспел. Когда Селин был в Ленинграде, его обслуживал именно Интурист. Тем не менее, в архиве ВОКСа (Ф.4 оп. 1 д. 13 л. 139) есть упоминание о пребывании Селина в Ленинграде. Ниже целиком приводится документ, касающийся этого события:

"Секретно 29 октября 1936 года
Председателю Всесоюзного общества
Культурных связей с заграницей тов. Аросеву А.Я.

Дорогой Александр Яковлевич.

Если там никого не было... Он располагался в здании напротив отеля... "Прием иностранных туристов"... Я всегда был довольно любопытен. Все эти бюро, которые никогда не открывались раньше полудня, меня очень интриговали. Как-то утром, как обычно, заглянув в привычный полумрак... я вдруг услышал музыку... Я прислушался... пианино... Я сел на ступени... Играли очень хорошо... Мне захотелось взглянуть на исполнителя... Обхожу вокруг дома... Спускаюсь вниз... вижу дверь в подвал... небольшой проход... Мне хочется взглянуть на этого человека... В музыке я немного разбираюсь, я сам раньше играл, не особенно, конечно, но все-таки... Это всегда меня интересовало... Вот я и в доме... Все кабинеты абсолютно пусты, отчего эхо шагов разносится по всему помещению... Я поднимаюсь на второй этаж... звуки слышатся оттуда... Ширма... Я останавливаюсь... крадучись обхожу вокруг. Наконец я вижу пианистку... Это миниатюрная старушка, которую я хорошо знаю... Эта "бабуля"... переводит с французского в "Приеме иностранных туристов"... Она всегда тщательно обдумывает фразы, стараясь сделать свою речь более выразительной... у нее такая "прециозная" речь... Именно она

Для реализации нашей с Вами беседы во время моего последнего пребывания в Москве по поводу суммирования нетактичности и отрицательных сторон работы Интуриста сообщаю Вам нижеследующий ряд фактов за этот год, отмеченных нами в отношении Интуриста:

1) Во время пребывания в Ленинграде французского писателя Луи Селина, захватившего своим пребыванием и время фестиваля, с ним была проделана следующая манипуляция в гостинице ("Европейская"). Несмотря на то, что Селин уплатил за свою комнату до момента отъезда, в один прекрасный день, когда он отсутствовал среди дня, все его вещи были перенесены без его ведома и позволения в другой, худший номер, причем, так как он не был предупрежден и меньше всего этого ожидал, то оставил вещи в том разложенном виде, как они у него были. Это не смутило администрацию гостиницы. Вещи были просто по их усмотрению брошены в его чемоданы и в большом хаосе все перенесены в другую комнату. На его возмущенный вопрос, чем объяснить это переселение без его разрешения, да еще в худшую комнату, последовал лаконичский ответ: "Комнаты нужны для фестиваля!"

Интуристу не хватает четкости и культурности в работе. Часто бывает, что слишком распинаятся перед иностранцами, а то позволяют себе такие нетактичности, как типа инцидента с Луи Селином. Уполномоченный ВОКСа в Ленинграде Орлов".

дает мне рекомендации относительно визитов, которые я намереваюсь сделать... Я затаился в углу комнаты, стараясь не шуметь... Я слушаю очень внимательно... Она никогда не говорила мне, что так чудесно играет на пианино... Никогда... Она очень скромна. Это непростительно с ее стороны... Мы ведь с ней дружили... Вот уже по меньшей мере три недели, каждый день, в полдень я отправлялся на противоположную сторону улицы... чтобы рассказать ей о своих делах... немного посплетничать... позлословить... Эта крошечная старушка была такой утонченной и такой любезной...

Я замер на своем стуле и не шевелился... слушая ее... Я прослушал все... великолепное исполнение... сначала "Прелюдии", а потом Гайдн, "Пятая"... Это был действительно Гайдн. Ко всему прочему, я ведь еще несколько лет брал уроки у одной известной пианистки... Она зарабатывала на жизнь Шопеном и Гайдном... Так что я на самом деле немного разбираюсь в музыке... и могу оценить качество исполнения... ну все равно, можете мне не верить, но бабулька была настоящей артисткой...

В конце я ушел так же незаметно, как и пришел. На следующий день поначалу я не хотел говорить ей об этом своем нескромном аудировании, но я ведь так болтлив... Я осторожно прощупал почву... а потом выразил свое восхищение... ее виртуозным владением клавишами из слоновой кости... это выше всех похвал!.. Без кокетства, без излишней напыщенности, без излишнего педалирования... Мои слова убедили ее в том, что я знаю в этом толк... а моя утонченность еще больше укрепила ее доверие ко мне... Понизив голос почти до шепота, она поведала мне о себе... "Я не "своя" в этой стране, вы понимаете, мсье Селин?.. "Не своя" не по возрасту, увы!.. А по дате моего возвращения... Я отсутствовала целых двадцать лет!.. Я вернулась сюда год назад... За границей я много занималась музыкой... Иногда давала концерты... уроки... Я захотела вернуться... увидеть все своими глазами... и вот я здесь... Тут меня не особенно любят, мсье Селин... Но мне же надо как-то жить... С этим кончено!.. Ничего не поделаешь... Музыкой я здесь зарабатывать не могу... Но уехать я тоже не могу... Для пианистки я слишком стара... так мне здесь все говорят... Но главное, это мое отсутствие в течение стольких лет... Оно кажется им подозрительным... К счастью, я говорю на нескольких языках... это меня и спасает... дает мне кусок хлеба...

Я не жалею, мсье Селин, но я не слишком здесь счастлива... Вы ведь сами видите, не так ли? Я должна приходить на работу до часу, гораздо раньше других, чтобы немного помузицировать... У них здесь есть пианино... А мы, три старухи, живем вместе в одной комнатке... и это еще хорошо... Если бы вы видели, как живут другие... Я не жалею..."

Перед самым отъездом я еще раз встретился с бабушкой, она была взволнована и смущена, ей явно хотелось еще что-то мне сказать... Она зашептала...

"Мсье Селин, вы меня простите... Могу ли я позволить себе вас спросить... О! Всего один вопрос... может быть, не очень скромный... о! Даже не знаю... стоит ли?.. В конце концов, вы можете мне не отвечать, если не хотите... Ах! Мсье Селин, я не слишком здесь счастлива... Но на свете так много людей, не правда ли, мсье Селин, которые тоже не слишком счастливы?... Вы ведь согласны со мной?.. как вы считаете, мсье Селин?.. Человек в этом мире, без семьи... без связей... который никому не нужен... Старый... уже инвалид... несчастный, которого никто не любит... униженный и оскорбленный... имеет ли он право, по вашему мнению?.. только честно?.. без обиняков, ответьте мне, имеет ли он право покуситься на остаток своих дней?..

Ах! Я даже подпрыгнул!.. настолько неожиданны были для меня эти слова!..

- О-ля! Мадам! Не кошунствуйте!.. Как! Стыдитесь! О! И думать не смейте!.. Что за блажь! Какая дикость! Ерунда! Какой ужас!.. Вы решили капитулировать, мадам?.. перед наглостью каких-то тупых бюрократов... Я считаю, что вы не должны обращать внимание на все эти глупые козни... Тьфу!.. Жалкая мышьяная возня... не ожидал я от вас такого, мадам! Не ожидал!.. честное слово... С таким талантом, как у вас, вы должны давать концерты!.. Вы просто обязаны! Это ваше призвание! Не отступайте, мадам!.. И вы победите!.. Конечно, я понимаю, эти большевики не слишком любезны... Они, возможно, излишне жестоки... неотесанны... хитры... с садистскими наклонностями... ленивы... любят выпить... приворовывают... трусоваты... лживы... не слишком опрятны... о, я все понимаю!.. Но вы должны спросить себя, как к ним лучше подступиться?.. Все не так уж плохо!.. если вы хорошенько подумаете!..

Бабулька, как и все русские, любила задаваться роковыми вопросами. Мы поразмышляли над ними вместе... От души...

- Вот увидите, - сказал я бодро, - увидите! Уверю вас, мадам, могу поставить на что угодно, хоть на сто тысяч рублей! Что такая необыкновенно одаренная, тонкая, чувствительная, восприимчивая натура, как у вас, не может долго оставаться не оцененной по достоинству!.. не может!.. Вы будете выступать, мадам! поверьте мне! Запомните мои слова!.. И во всех городах "обновленной" России! Вас ждет триумфальный успех, вас всюду будут носить на руках!.. У вас просто не будет отбоя от предложений!..

- Вы думаете, мсье Селин?.. Они ведь так не любят тех, кто вернулся... тех, кто знает, как живут за границей!..

В этот момент вошла Натали... разговор прервался.

- До свиданья, мадам! Я вернусь! Обязательно!

Я дал ей клятвенное обещание.

Но это еще не все...

Натали, моя переводчица, была очень внимательна... прекрасно образованна, исполнительна... Она показывала мне все, что знала, все дворцы, музеи, все самые красивые места... все самые знаменитые храмы... великолепные архитектурные ансамбли... старинные парки... Острова... Она в совершенстве овладела своим предметом... при любых обстоятельствах... днем или ночью... она готова была произнести небольшую речь, объяснить политическую ситуацию... Она была еще очень молода, но у нее уже был опыт революционной борьбы... разрушения общества... построения нового мира... Она обрела его еще совсем маленькой... Когда началась гражданская война, ей едва исполнилось четыре года... Ее мать была буржуйкой, актрисой... В тот вечер, когда к ним нагрянули с обыском, у них во дворе толпилось много народу... ее мать ласково сказала ей... "Натали, моя девочка, подожди меня, дорогая... Будь умницей... Я схожу вниз посмотрю... что там происходит... Я скоро вернусь и заодно принесу уголь..." Ее мать так никогда не вернулась и ничего не принесла... Большевики отдали Натали в колонию, сперва рядом с городом, немного позже на дальнем Севере... Мотание по поездкам... В течение нескольких лет... по всей России... Она рассказала мне о

своих детских переживаниях и забавах: Обо всех скитаниях!.. О том: как весь их интернат был эвакуирован при приближении неприятеля... Сперва опасность исходила от Колчака... потом от Врангеля... и наконец от Деникина... Каждый раз их путь лежал через бескрайние степи... Путешествие продолжалось месяцами... эвакуировали всех детдомовцев... Нужно отдать должное большевикам, те делали все от них зависящее, чтобы все они не сдохли, как мухи... в пути... Иногда было так холодно, что маленькие трупики становились жесткими, как полешки... вырыть яму было невозможно... Их даже не могли похоронить. Их просто сбрасывали с телеги, останавливаться было запрещено. Натали знала, что такое гражданская война... золото валялось прямо на дороге! Она топтала его ногами... людей расстреливали без суда и следствия... Голод и разруха, один, два года, десять лет, "пятилетка" бесконечных стараний... хвастливые лозунги... потоки демагогии... наконец она устроилась гидом... Она самостоятельно выучила французский, немецкий, английский... В "Интуристе" ей приходилось удовлетворять любопытство идиотов со всех концов земного шара... большинство из которых были евреи (примерно 95 из 100)... Она старалась держаться в тени и не высовываться, у нее были железные нервы, я очень любил Натали за ее курносый носик и самоуверенность. Я никогда не скрывал от нее того, что думал... Должно быть, она составляла прекрасные донесения... Роста она была небольшого, прибалтийского типа, крепкая, плотно сбитая блондинка, со стальными, как и ее нервы, мускулами. Я хотел увезти ее в Париж. Я готов был сам оплатить ей дорогу. Но Советы не разрешили... Она вовсе не была провинциальна, скорее даже наоборот, у нее не было предрассудков, и она все прекрасно понимала... Но, как это ни удивительно, она фанатично верила в Коммунизм... Во всем, что касалось Коммунизма, ее было не переубедить... Тут ей лучше было не перечить... она мгновенно выходила из себя... поразительно! Меня это забавляло. Ее бледно-голубые глаза метали громы и молнии... и сверкали, как ножи гильотины...

По-настоящему, всерьез мы столкнулись с Натали только один раз. Это произошло по дороге из Царского Села, из последнего дворца Царя... Мы ехали в машине... и довольно быстро... эта дорога была не так плоха... Я поделился с ней своими сомнениями о том, что, пожалуй, не слишком этично тревожить тени

умерших... безвинно убитых... посещать эту выставку призраков... снабженную вульгарными издевательскими комментариями... К чему это беззастенчивое злобное перечисление... всех, даже самых небольших странностей... проявлений дурного вкуса... смешных маний Романовых... колкости по поводу их амулетов, четок, ночных горшков... Она стала спорить со мной... Натали считала это совершенно естественным. Я настаивал на своем. Как бы там ни было, но именно оттуда, из этих комнат, Романовы отправились навстречу своей судьбе... их всех уничтожили в подвале... Может быть. Нужно было бы принять во внимание это обстоятельство... Нет! Я находил это проявлением дурного вкуса! В высшей степени дурного, гораздо более дурного, чем у всех Романовых вместе взятых... Это гнусное глумление грязных евреев над мертвецами вызывало у меня отвращение... Мне вовсе не доставляло удовольствие глядеть на хихиканье палачей... да еще в комнате своих жертв... Я внезапно почувствовал себя рьяным монархистом... Ведь их же всех убили... мать, отца, пятерых детей... безо всякого суда, просто убили, зарезали, совершенно беззащитных, в подвале в Сибири... и после каких передышек!.. несколько месяцев!.. с мальчишкой, большим гемофилией... среди всех этих грубых и пьяных солдат и еврейско-татарских комиссаров... И это дьявольское хихиканье... Все это не укладывается в голове... Мертвые имеют право отдохнуть... подонки из подонков, отдав концы... становятся неподвластны человеческому суду... Вовсе ведь не обязательно убийцам приходиться и блевать на их могилах... Революция?.. Пожалуйста!.. Сколько угодно!.. Почему бы и нет?.. Но дурной вкус - это совсем другое дело... Еврею доставляет удовольствие видеть, как у белого на шее затягивается петля. Пытать белого составляет инстинктивную потребность еврея и негра. Все революционные сатурналии как козлом воняют неграми, евреями и азиатами... Марат... Керенский... Евфрат... вуду... экваториальная магия... жертвы акул... Сен-Доминго... жуткие обычаи дикарей... Все это имеет одинаковый привкус... отдает одной и той же бочкой...

- Почему? Почему?.. - встрепелась она. - Эта тварь не хотела ничего слушать... - Царь был безжалостен!.. да!.. к несчастному народу!.. Он приказывал убивать!.. расстреливать!.. ссылая!.. сотни тысяч невинных!..

- Большевики несколько недель таскали его по Сибири. А потом прикончили его в подвале вместе со всеми его сопляками! Ударами прикладов!.. Он за все заплатил сполна!.. Теперь можно оставить его в покое... дать ему отдохнуть...

- Нужно, чтобы народ все знал!.. обучался!.. Пусть он убедится собственными глазами в глупости царей... их бездарности... ограниченности... отсутствии вкуса... мелочности... Они ведь на всем наживались! Эти Романовы! Они выжимали из трудового народа миллионы миллионов рублей... Кровь народа!.. и эти амулеты!.. Эти амулеты оплачены народной кровью!

- Ну и что! Они ведь за все заплатили... Так оставьте их в покое!

Эта дура не хотела ничего слышать!.. Я тоже завелся... Я становлюсь упрямым, как тридцать шесть мулов, когда баба начинает мне перечить...

- Все вы убийцы! - заорал я на нее. - даже хуже, чем убийцы, вы святотатцы, насильники и вампиры!.. Вы настолько извратились, что глумитесь над покойниками... у вас уже не осталось ничего человеческого... Почему бы вам не заказать их восковые фигуры?.. как у Тюссо?.. с зияющими ранами?.. и копошащимися в них червями?..

Ах! Она была ужасно упряма. Эта наглая тварь продолжала спорить со мной... нашу колыхающую трясло... Она ерзала в своем кресле...

- Царица была еще хуже, чем он!.. еще хуже!.. В тысячу раз хуже!.. бесчеловечна... У нее было каменное сердце!.. Она настоящая кровопийца!.. революционеры по сравнению с ней просто ангелы. Ей не было никакого дела до своего народа!.. Его страданий! Своего несчастного народа! Который так верил ей!.. который жертвовал собой во имя нее!.. Никогда!.. Она-то сама никогда не страдала!..

- Царица?.. подумать только! Какая низость! Но у нее ведь было пятеро детей! Ты хоть знаешь, что значит иметь пятерых детей? Вот если бы твою дырку вывернуть, как у нее! Да еще пять раз подряд, вот тогда бы я на тебя поглядел!.. Как бы ты запела! страдания! Страдания!.. Сучье отродье!

Я был вне себя от ярости... Она сама была виновата! Я чуть было не вышвырнул ее из машины!.. Меня переполняла жуткая злоба! Я почувствовал себя совсем русским!..

Шофер был вынужден затормозить... он остановился... и, вмешавшись, разнял нас... мы продолжали огрызаться... Она долго не хотела вернуться в машину! Она была очень упряма... мы вернулись в Ленинград врагами. Я не видел ее целых два дня. Я думал, что никогда ее больше не увижу... А потом она опять вернулась... Все было забыто!.. Мы оказались не злопамятны... Мне было приятно увидеть ее снова. Натали мне очень нравилась. Только один раз она была со мной искренней, я хочу сказать - по настоящему искренней... когда мы говорили с ней о революции. Я уверял ее, что скоро и у нас во Франции тоже будет коммунизм... у нас уже собралось достаточно евреев... нечто подобное уже назрело... вот тогда она сможет приехать в Париж... тогда это будет разрешено... она приедет ко мне с каким-нибудь евреем...

- О! Поймите, мсье Селин... революция это совсем не то... Чтобы сделать революцию, необходимо два основных условия... Во-первых, прежде всего необходимо, чтобы народ подышал с голоду... а во-вторых, чтобы у него было оружие.. много оружия... Без этого... ничего не сделаешь!.. Для этого нужно, чтобы у вас шла война... очень затяжная война... и еще какое-нибудь стихийное бедствие... чтобы вы все подышали с голоду... и только тогда... после междоусобицы... после войны с другими странами... после всех напастей... - тут она вдруг замолчала....

Никогда она больше со мной не была так откровенна... Она была очень осторожна... старалась держать язык за зубами... не болтать лишнего... Я испытывал к ней глубокое уважение... Я бы с удовольствием привез ее в Париж... Из нее бы получилась превосходная секретарша. (...)

Натали часто противоречила сама себе... как и полагалось марксисту... По правде говоря, меня для нее просто не существовало... Она хорошо усвоила основы "Диалектического материализма". У нее, как у попа, всегда и на все был заранее заготовленный ответ.

- Чем занимаются капиталисты?..
- Они эксплуатируют несчастный народ, спекулируют, грабят!..
- Что они делают со своими капиталами?..

- Они все время играют на бирже... они монополизируют сырье... специально создают дефицит...

- Что же все-таки они делают со своим состоянием? Они что, спят ночью сразу на трех кроватях?.. У них у каждого по четырнадцать любовниц?.. Они разъезжают одновременно на восемнадцати автомобилях?.. Живут в двадцати двух домах?.. Жрут по семнадцать раз в день?.. и только деликатесы?.. что, в конце концов, они делают со всеми этими своими ужасными деньжищами? Которые они выкачивают из задавленного, порабощенного, стонущего народа?

О! Эти коварные вопросы несколько не смущали Натали.

- Они удовлетворяют все свои прихоти:

Вот как... Наконец-то я ее поймал... нацупал ее слабое место. Она неловко запнулась на слове "прихоть"... "Прихоть" для нее было всего лишь слово... И ничего больше! Она понятия не имела, что такое на самом деле эта "прихоть"... прихоть богача... Она была не в состоянии объяснить мне это, привести какой-нибудь наглядный пример прихоти... Я загнал ее в угол... это выводило ее из себя... И все-таки в конце концов она взмолилась о пощаде... И попросила меня рассказать ей, что же это такое в действительности - "прихоть". Я постарался найти наиболее удачный пример, чтобы просветить ее и чтобы впредь она уже не попала впросак в своей работе с туристами...

- Слушай меня внимательно, моя крошка, я тебе сейчас все объясню. Во времена моей молодости в Ницце в 1910 году я работал доставщиком у известного ювелира Бена Корема... на бульваре Массена... Мой хозяин Бен Корем, который обслуживал только элиту, высший свет и казино, абсолютно мне доверял. Мои родители, несмотря на свою нищету, считались очень порядочными людьми, они поручились за меня, что я никогда не ошибусь ни на су... и мне можно доверять любые драгоценности. И действительно, должен признаться, мне на самом деле их доверяли. Мсье Бен Корем сразу же подверг меня небольшому испытанию... и потом только мне доверял свои диадемы, свои самые замечательные украшения... шейные цепочки длиной в несколько метров... По несколько раз в день я карабкался по лестнице, ведущей на Монт-Барон, к Дворцам на набережной с грузом всевозможных коробочек, целой кучей драгоценных камней, золота, платины и ожерелий... дабы "элита" имела возможность вы-

брать... самые знаменитые кокотки того времени... представители "high-life" могли удовлетворить все свои причуды, самые экстравагантные персоны Европы, члены каких-то фантастических "клубов", титулованные Жрицы Любви. Я нес в своих заколотых английской булавкой карманах больше богатств, чем возвращающийся из Перу испанский галион. Но я не должен был задерживаться, быстренько обежать побережье... и как можно скорее вернуться в магазин.

У меня была еще другая работа, тоже очень ответственная - которая для мсье Бена Корема была не менее важна.

Я должен был стоять в задней комнате лавки, спрятавшись за занавеской... Меня никто не должен был видеть... мне запрещалось входить в лавку! Я должен был наблюдать за руками покупателей и покупательниц... В этом и заключалась моя работа... следить за каждым их жестом... особенно за незаметным движением... кисти!.. Не отрывать глаз от кистей их рук!.. ни на секунду... Вот... Продавцу неудобно, пока покупатель выбирает покупку, следить за его руками... Он не может за всем уследить... Он ведь должен приветливо улыбаться. Изображать радушие... заискивающе глядеть в глаза... Он не должен коситься на руки покупателя... Это невежливо... Эта обязанность возлагалась на меня... Я должен был затаиться... как рысь... Я знал всех покупателей... Хотя они меня никогда не видели... Я знал всех воров. Среди итальянцев и славян попадаются подобные извращенцы... особенно среди женщин... русские ведь самые шикарные аристократы... но среди них есть шалуны... воришки... плутишки!.. любители пошкодить!.. Они не могли устоять перед искушением слямзить небольшое украшение... Ах!.. их манжеты таили в себе самую большую опасность... Я был начеку... внимательно наблюдал... Мгновение... Пссс!.. и оно уже в рукаве. Я "тук-тук-тук!" три удара в дверь... Так мы договорились с Беном Коремом... Обычно все улаживалось очень хорошо, я не помню ни одного скандала.

Не скрою, в моей роли были и свои преимущества... я был вознагражден... когда покупательницы были красивы... они сидят... шуршали своими юбками... и доводили меня до иступления видом своих бедер. Они меня буквально гипнотизировали... Ах! Эти обтянутые ляжки... ах! Сколько же я тогда дрочил... Ах! Эти божественные руки! Ах! Я должен признаться, что не было ни

одной знаменитой красавицы того времени, глядя на которую я бы не спустил... стоя в задней комнате по заданию Бена Корема. Это был период моего полового созревания, у меня постоянно жгло в заднице. Это не мешало мне добросовестно исполнять свои обязанности... За свою честность, альпинизм во время доставки, рысье чутье и мелкую помощь в лавке я получал 55 франков в месяц... С чаевыми это было бы не так уж и плохо - если бы не обувь, с которой надо было что-то делать, особенно из-за Монт-Барон... этих ужасных каменистых склонов... У меня постоянно отрывались подметки... Они не держались и пятнадцати дней, так много я ходил... Мсье Бен Корем наконец догадался и стал сам подбивать мне новые подметки.

Среди наших покупателей была одна очень высокопоставленная персона, вором его уж никак не назовешь, напротив, он был настоящим, кажется, даже родным, дядей Царя, это был великий князь Николай Николаевич. Внешность у него была запоминающаяся... по меньшей мере, два метра росту. Именно этот великан и проиграл окончательно войну, погубив русскую армию. Ах! Я бы мог им сказать еще в 1910, что он все потеряет... Он ведь никогда не знал, чего хочет...

Однажды, просто так, от нечего делать, он зашел в нашу лавку... он куда-то спешил, а чтобы войти в дверь, ему нужно было нагнуться... Он здорово стукнулся... Он был явно недоволен... Уселся и начал щупать свою голову...

- Послушайте, Бен Корем, я хотел бы приобрести у вас подарок для одной дамы... Мне нужен браслет...

Ему тут же выносят товар... целые подносы... это было целое состояние... У Корема было на что посмотреть... Он все осмотрел... порылся... Но ничего не выбрал... Потом поднялся во весь свой огромный рост... И направился к выходу...

- До свиданья!

Бом!.. Он снова трахается о косяк... Потом отскакивает от двери... Оглядывается по сторонам... Снова щупает свой череп. Морщится от боли...

- Ах! Послушайте, дайте мне все это, Корем!..

Он сгребает все браслеты со стола... наполняет ими все карманы своего пальто...

- Так!.. - говорит он... - Теперь покажите мне еще портсигары!

Ему выносят все, что есть...

Он какое-то мгновение стоит ошарашенный... золотые корочки... "оправы" из бриллиантов... потом он начинает их все открывать... и резко закрывать... забавляясь тем, как они шелкают... Плок!.. Плак!.. Плок!.. Плак!.. Плок!.. Потом это ему надоедает... Он забирает весь ассортимент... две.. или три дюжины... Все это он тоже запихивает в свои карманы, забитые браслетами... Он встает... Направляется к двери...

- Сир! Сир! Осторожно, голова!.. - Бен Корем даже подпрыгивает...

Великий князь наклоняется... с улыбкой проходит... Но там, на пороге, он снова оборачивается... взмахивает рукой... Явно намереваясь вернуться в лавку... Бомм! Снова удар по башке! Он хватается за голову двумя руками... отступает...

- Корем! Корем!.. Пошлите ваш счет в Санкт-Петербург! Моему племяннику... Он разберется... сам!.. там!.. Так будет лучше!.. Так будет лучше всего!..

Вот это прихоть!.. Натали... Вот что такое настоящая прихоть!.. или же я сам ничего в этом не понимаю... Запомните это, Натали, этот яркий пример прихоти...

Бедный Николай Николаевич, он был так своенравен и капризен... По какой-то иронии судьбы его большой дворец на Неве в 18-м году превратили в "Институт Мозга", где теперь занимаются изучением психических явлений¹⁸.

Это нелепая случайность, но весьма характерная.

- Видишь, как странно устроена жизнь... какую злую шутку сыграла она даже с великим князем Николаем Николаевичем, у которого, вообще-то, головы не было вовсе...

Натали рассмеялась... эта история слегка позабавила ее, хотя она и побаивалась, что я снова вернусь к тому, что говорил в Царском Селе... и у меня опять начнется приступ бешенства... Она не доверяла мне.

¹⁸ Селин пугает топографию. Институт мозга находится на Петровской улице, 3, а дворец Великого Князя Николая Николаевича - на площади Труда, 4.

Больше мне нечего сказать, кроме этих банальных слов... время неумолимо... этим все сказано...

Время проходит и уносит с собой все... остается только слабый отзвук... который звучит в вашей душе все глуше и глуше... все реже и реже... Что поделаешь?..

Мне пришлось уже несколько писем из России... от Натали... Я не написал ей в ответ на эти письма... ни слова... вот ее последнее маленькое послание...

"Дорогой мсье Селин,

Не думайте, я не мертва, не исчезла... Правда, я была очень больна все эти месяцы и не могла вам написать. Теперь все прошло! Я здорова, хотя и сильно ослабла... Зима кончилась, у нас теперь тоже весна и солнце, которого я ждала... с таким нетерпением... Я чувствую слабость, и мне немного грустно. Вы мне не отвечаете... Может быть, вы уже забыли меня?.. К нам в Ленинград сейчас приехали туристы из вашей страны, а в июне должно приехать еще больше. Может, и вы тоже как-нибудь приедете?.. Это было бы замечательно. Я хотела бы получить от вас весточку и пишу вам свой домашний адрес.

С наилучшими пожеланиями.

Натали"¹⁹

¹⁹ По свидетельству вдовы писателя Люсетт Детуш, Натали спасла его, так как посоветовала поскорее возвращаться во Францию, опасаясь, что его арестуют. Сам Селин хотел еще поехать в Москву, надеясь получить гонорар за русское издание своего романа "Путешествие на край ночи", но изменил свои планы и уехал из Советского Союза. Вполне возможно, что так оно и было, ведь, как известно, в те времена у нас исчезали даже иностранцы.

Юлиус Эвола
Затемненные слова внутреннего пейзажа²⁰

Поэма для четырех голосов
Четыре голоса олицетворяют четыре стихии внутренней жизни

Г-н НГАРА – воля
Г-жа ЛИЛАН – чувство
Г-н РААГА - дескриптивное созерцание
Г-н ХХАХ - безразличная абстракция

нгара	сияя во флагах галеры из арки портовой во тьму внешнюю отплывают затворяется арка за нами
раага	ада
лилан	ада
нгара	ада
ххах	ада
раага	ада ага расплавляются горы ада ага в широкую степь ада ага в дожди и болота жизнь алгебра растения соком высасывают металл при этом их вены

²⁰ Перевод с французского Владимира Карпца.

мертвый текст

тончайшие нити кристалла
а волокна платина

в городе свет
затонул · автокраны
выживают и увозят
потемневшие трупы

жизнь алгебра жизнь чернила
растения сосут хорошо у металла
всем соком своим

ххах скальпель пустыня азот
 бактериология циркуль

окружность

лилан что ты делаешь
 друг мой милый мой друг
 вспомни луга из лазури
 вспомни из света леса где каждое дерево
 свет · мираж
 Золотой Охотник шел мимо · оркестры
 многотрубные озарили тьму
 подземелий · вся эта флора во дреме баюкала
 бледнобольного причем за атласом еще был
 атлас а по ту сторону отсутствия
 делирий вот
 ощутишь ты внезапно как нечто
 вздывает по дну пролива
 темные водоросли

ххах окружность

раага окружность окружность окружность

нгара все микробы бегут
 по кругу все люди
 бегут по кругу

спешат как одержимые
и не видят

как сами светятся впрочем в их
беге во имя штурма кумиров
над мнимую глубиной

кровь разливается крестом

лилан друг мой

огромный крест огромный
огромный крест простерт
высоко над равниной

быть может нет ничего
кроме тени креста
и окружностей окрест

ххах гарагадара брат
предутреннего дождя

всякий импрессионист это гомосексуалист
который берет и отпускает на волю
величайшие Z
сосцевидного пеликана

лилан друг мой ты будешь спать
пока идет снег · принесем
камелии в аквариум.
так заласкаю тебя так
чтобы ранам твоим
больше не было больно

ты хорошо знаешь
как я умею

ххах я ведь разборчив и очень люблю

мертвый текст

мороженные каштаны
но вас не пойму что
хотите сказать

да и вообще с вами
разговаривать не желаю

господин. господин

раага

подводные лодки во второй степени
безконечности · в четвертом
секторе вспыхивают переключительные
схемы а затем вы замолкаете как если бы
сейчас я был из губки и каолина
сейчас когда более нет
никого в зимних садах а был бы
из губки и каолина

ххах

лес как пирог с изюмом только
асбестовый · вот почему Ага
посещают предчувствия

в четвертом секторе
вспыхивают как лифт
заграждения

я вижу ага переходит в эга

я вижу эга переходит в эа

и город в огнях
переходит уходит
в океанскую

грезу

нгара

Змея Эа это темная
сила жизни, движение безвидное
по синусоиде в сферах предсущего:

Велия Влага, глубь, которая
пульсируя, извергает неоплодотворенные
шары навстречу
гравитационным полям.
Ибо Велия Змея Эа
беззвучна, и звук это тьма,
и люди,
примстившиеся окружности, сами
себя рвут на звуки. В трюмах играют
глухонемые литавры. Эа
тоже окружность, увидеть ее
невозможно, уж это я знаю
точно. Эа к тому же еще и ночная
мара, ультрафиолетовая растительность,
ужас, воющий в зеркалах, крункрунгорам;
это она заражает кровь
упорным и безысходным
трудом миллионов негров на
шахтах Сан-Франциско.

ныне из самого центра
исходит сверхнеумолимое
излучение

церковь из никелированной стали
вот-вот всплывет и с ней
пирамиды

и пожары

охваченное
черным пламенем небо
превратится в тусклое озеро
на втором плане образуя
синусоидальную фигуру
мистерии хлеба и воды

так чтобы Эа смогла переползти
пустыню и стать азотом

мертвый текст

а глаза бы видели только лишь
танец Альфы

лилан

эти руки уже себе не находят
места

ни для стерильной любви

ни для запахов запахов
запахов

дыхание слезы
радуга

любимый мой друг я очень
больна и даже еще не имею
приказа

синева синева

ххах

глан глан блага элементарный
танец церковь из никелированной стали вот-вот
всплывет и с ней пирамиды

раага

Танцует Альфа Делирии
вспыхивают становясь
геометрией

на лунных пляжах танцует
Альфа

танцует над планетой танцует и
гаснут вулканы

если танец Альфы поймете
Сфинкс воссияет и все
чем полон ваш мозг
покроется свежестью и расширится

до объемов звездного собора

но на монастырском дворе
расстреляли восемьдесят
человек

лилан

не понимаю ничего ничего
больше не понимаю
мой господин

руки некуда деть

эти инструменты так ломки
что сопротивление рефракции
бесполезно не с кем даже
поговорить

они меня заперли
в замок изо льда под
одеялом цветов
меж коих змеятся
винты-штопора

мой господин я так одинока
и так устала что кроме любви
в моей жизни ничего уже нет

и поэтому зачем вы
позвали меня

ххах

небо нисходит на землю

воды до неба восходят

одни лишь турбины насилуют
их металлическое безмолвие

одного лишь возможно
слова хватило б

мертвый текст

чтоб миру взорваться
эфиром и смехом

нгара

точный чертеж хирургия

в моем королевстве
все девственницы
будут убиты и сожжены

войска на местах
обеспечат исполнение
строгих законов

быть я хочу скелетом развинченным
развеянным прахом картонной
душой электрической вспышкой внутри
сентиментальной инсталляции глянцевой
бумагой абсолютно зеленым звуком

мы суть холодная воля
которая расчленяет
мы убийцы - фиксаторы солнца
с обугленными руками · виски ·
центр окружности · бездна
сфера
сжатая в точку

сжатая в усмешку
вселенная
в точку сжатая
мысль

я же говорю вам
вы все умрете и земля
засосет вас
для предъявления

лилан

пьянахайя адагахья ага

- ххах 999 кубический корень Шанхай
как мне представляется
если пойдем к водопадам
к водопадам к
смеющимся водопадам
вы увидите ярко-желтое в
глине и гуттаперче чайка
и тонкая нить вспыхивают
и пирамиды аза
- лилан аза
- раага азаазаазааза эда
вспыхивают вертикальные
дамбы леда эга
миноносцы стоят у родников.
не трогайте их руками под
ярко-розовым ураганом умирать.
умирать чернила
серые сестры философы
над сверхатлантикой азгораа
сумерки
за пастельной завесой
перфораторы перфораторы
- хха он срисовал Квадрюбль*
* Старинная французская и испанская монета
(перев.).
тайный язык азаазаазааза
- нгара как мне представляется
- ххах вы крайне назойливы, мой

господин. Тем не менее я
думаю это вы все
не всерьез
говорите
говорить всерьез
шутовство
и доказательство бессилия
равно как и того что вы
самозванец или всего лишь санитар

но ведь и себя сам
я не могу принять всерьез
а марионетки пускай танцуют
ритмический танец Человечества

Искусств и Наук
тем не менее они часто

воняют, что очевидно, и
мне это жутко противно, ведь я,
как вы хорошо знаете,
очень брезглив

лилан

бедный друг

раага

тот кто это придумал теперь испещренная
бугорчатыми дорогами панама
его сестра свет глицерин
коралл в пальмовом дереве
легитимное половое отличие

желтый цвет цистит бедный друг
танец

ххах

азот азот азот
азот

лилан

железная дорога

раага железо дороги

нгара всякое железо внутри железа всякая
дорога внутри дороги. Кто ищет,
не существует. Кто ищет,
никогда не найдет, ибо упреждает
события; он болен, а цветок его рана.

 небо над их головами стекает
на полотно железной дороги

лилан в тусклое озеро
душа стекает мой господин

раага солнце внутри ночи

лилан ночь внутри солнца

нгара отныне ни звезд на небе ни болотных топей более
нет
здесь внизу ничего нет и никого.
Отныне нет более формы, а Дада
и есть эта темная роскошь этот крик
упругого металла который
в раскаленной атмосфере
нисходит свыше
сам на себя.
Дада есть безпристрастная форма
ни недуг ни сила
ни правда. Дада есть
девственный микроб

 вглядывайся в себя пока
глаза не вдохнут
небытие что вибрирует
у нас в будуаре
где затаились бульдоги

 где я все понимаю где

мертвый текст

обитают глыбы теплого льда
и зеленые розы

раага

и смерть внутри жизни

звонят крайне
неврастенично

альфа стала столбом
дыма образуя
гиперболу и баобаб

я не знаю
который час

огромные трубопроводы
из гипса и стали
пронизывают организм

а на небе снаружи вот-вот
треснет словно при
землетрясении

ххах

баланга-на карин азу-да и
цветы мимозы

пила и тара-та-ра

1 2 3 4 · 4 3 2 1

лилан

кто ты

так был он

и вдохом и розой

и смертью

улыбался

кто ты

бледный друг бледный друг · бархат

ххах

я вас не понимаю ведь вы
столько говорите

хотите быть может
забыться в шуме
слов, скачущих,
словно щепки,
вздымаясь и падая,
или, быть может,
заласкать, успокоить
свой страх -
на самом деле лишь тот
кому больно кричит кричит -
вот ваш страх перед одиночеством

ведь некому слушать вас,
вы хорошо это знаете, некому,
ибо вообще нет никого
на пути солнца

я право не знаю
сам почему я так говорю
в то время как рот
порван а сердце повисло
на ветру. В центре всего
глубь, Великая Тьма.

между тем нахожу вещь
впрямь ненужную

раага
лилан

впрямь
впрямь

раага

искусство · был некогда один юный бог, и он

мертвый текст

впервые приплыл к берегам
столицы. Но перед ним
простирались лишь огромные
сооружения из картона,
покинутые огнями и людьми. Силы
иссякли, жизнь
умерла: чудом сохранились
лишь оцепеневшие
научные схемы прежних
форм. Юный бог магическими знаками,
как бы играя, привел
в тишину
ужасающее ожесточение
всей этой безжизненной
жизни

печаль искусство

лилан

впрямь впрямь

ххах

искусство однако я утомлен

нгара

по мне так выпить изысканным образом
коктейль занятие более
нравственное чем искусство

раага

впрямь

ххах

впрямь

нгара

ророго-го-ра это дерево
из асфальта · два месяца спустя
войска и опять войска
наспех промаршировали под
мостом · атлантика · горизонт

раага

отныне речи текут
изо рта как из
щелочного раствора зимних

зорь

пулеметов ручных палящих в
мозгу кекуока
палящих в мозгу
ручных пулеметов
межпланетного вздыбленного потопа

черного · черного
сиреневого черного

ххах абракадабрического танца · плюс
минус · да нет

душа · локомотив

2754

раага смотрите смотрите как проплывают
в гипнотических водах
огромные призрачные суда

лилан что могу я сделать · ты
меня даже не слышишь

ты добрый и сильный господин

зачем тебе нужна эта ложь

твои руки из белых и стеклянных
роз

твои глаза из брома и стали
самих ангелов напугают

тебе грустно слушай

в тебе мы оба убиты
бесцветным отныне увы

мертвый текст

фейерверком

ладом лидийским
почему почему

раага

время бремя дни
бремя

все заводы закрыты

сегодня воскресенье и
в городе никого нет

время бремя дни
бремя

словно огромные броненосцы и
звездная лава

словно слово

словно душа словно зрение
славы

нгара

все тщета · мое я
сворачивается водоворотом

последние дрели
завершат работу · крошение
кружение

мистерия Абсолютного Движения
и Числа

Великой
Непостижимости

мертвой жизни букв

Темного Слова

(гипс · ветер · кровь)

все это в недрах рудной радуги
в недрах рудного круга
из воли и стали в недрах
рудного красного круга поверх и вокруг
окружностей многих в недрах жизни
бездыханной лишенной света

в недрах небесных небес как и
в недрах небес подземных
в недрах самого внутреннего
безмолвия

центра вот сейчас ускоренно
распадается
по перифериям
и бесконечностям

за бездною
бездна

а за нею еще одна -
абсолютно бездонная
бездна и в ней
проходят мимо последние великие тени
а свет увеличивается в объеме до зорь
и радиевых лучей и самые дальние
дали все дале влекут · излучение
теряет исток

находящийся в центре откуда
извечно распространяется тьма

последняя сфера всего лишь
первая сфера

мертвый текст

а мы лишь
эхо вот
это бегство и есть
реальность

пока белизна не
падет с высот

(все изобретатели и все их
изобретения прыгают и скачут · микробы
рассыпаются образуя
тетраграмматон и
становятся звуками)

ради всей этой огненной
муки рудной
жажды

синевы бесконечной вневременного
дождя нашего отвращения

всей нашей страсти
и нашей болезни
да падет на недвижный
морок безмолвных механизмов
на огромном пустом театре

занавесом

Темное Слово

лилан

любовь · душа · у меня
нет больше сил

лампа

пепел

бездна

любовь · на огромном пустом
театре
ага

ххах я всегда утомлен

жидко-стекольная сигнатура тем временем
бык в лентах

легкое в груди вице-адмирал

инфекция менуэт · цианоз
подрядчик спасибо ромб анилин
автобус

многотональная лимонка

на огромном пустом театре
ага

нгара кровь образуя гиперболу

ххах гиперболу
гиперболу

Дмитрий Пименов
Терроризм и текст

*"Существует речь автора, на которую
посягают средства массовой информации,
единственное средство сохранить аутентичность
Речи – это "ПОДОБИЕ" текстового анализа"*
Д.Пименов

Первая часть названия подразумевает некий политический оттенок последующего высказывания и поэтому обязует автора констатировать свое понимание политики.

Вслед за Марксом (в лице Р.Барта) "Политику (1) надо понимать, конечно, в глубинном смысле, как совокупность человеческих связей, образующих реальную социальную структуру, способную творить мир *".

Далее автор, для того, чтобы продолжить свою речь, вынужден в соответствии с целью высказывания выбрать из зафиксированного выше некую смыслопродолжающую парадигму, и он выбирает *.

Единственным эффективным (изменяющим мир) действием на данном этапе политической (классовой) борьбы я считаю - террор (2).

Здесь автор переходит к смыслу названия и считает нужным объяснить необходимое ему значение термина 2.

Под террором (2) (красным (3)) я подразумеваю любое действие, направленное (и достигающее цели) на разрушение буржуазного (4) мифа о вечной природе (Р.Барт "Миф сегодня").

Теперь, когда автор ввел в свою речь термины 3 и 4, он не может продолжать, пока не избавится от представлений, связанных с этими терминами, бытующих в сознании предполагаемого читателя. Тем самым он в первый раз подчеркивает направленность своей речи на определенную (существующую) аудиторию.

Под буржуазным сознанием (Определяющим Сознанием (4)) я подразумеваю некое идеологическое пространство, мифологизирующее реальность, объединяющее общество, следовательно, отчуждающее субъект (Естественно, Верховный Совет СССР любого созыва я считаю буржуазным). Конечно же, существуют борцы: красные кхмеры, остатки анархистов, троцкистов, как призраки, бродят по миру - но это только подпольщики (5), то есть они находятся ВНЕ конкретной власти - она заменена псевдоирреальной (буржуазной (4)) (загадочная страна Албания настолько загадочна, что я воздержусь от ее канонизации).

Развитие текста приводит к необходимости его соотнесения с другими текстами, в которых автор принимал участие. Расширяя терминологическую цепочку 1-2-3-4 для того, чтобы выявить пространство для ее продолжения, он подключает к своему тексту "Убитый манифест "Труп три".

Террор (2) (красный (3)) - это процесс, который должен, это обязательное условие его существования, проявляться во всех областях человеческой деятельности. Красный (3) - подчеркивает его антиидеологическую направленность. Красный (3) терроризм (2) есть перманентное действие, для которого цель сиюминутна и не соотносима ни с какой "Абсолютной идеей" (Гегель), это целенаправленная война (6), где бесцельность оправдывает средства, это борьба против Системы (7), то есть против псевдоразумного действительного (Гегель).

Теоретическая перегруженность дискурса доходит до предела, за которым необходима конкретизация терминологии и локализация объектов речи.

Итак: существуют террористы (2) с бомбами, их современные задачи, в принципе, ясны: физические носители фундаментальных символов буржуазии должны быть перманентно уничтожаемы. Церковь и ее служители, памятники культуры, малые дети, престарелые, инвалиды, народные трибуны, беременные женщины, властители дум и, вот зло, которое нужно подавить в зародыше, - экстрасенсы, новоявленные мессии добра и милосердия - Кашпировский, Чумак, Джуна и иже с ними - вот мишень номер один этой комедии.

Переход к конкретике вызывает к жизни некую пульсацию автора между практическим и теоретическим словом, в результа-

те он опять теоретизирует, чтобы сохранить аутентичность практических рекомендаций.

Вместе с тем, к бомбометательным действиям нельзя относиться упрощенно, это вообще губительный для 2-3 подход. Необходимо учитывать, что цель удара - не реальность (она принадлежит нам), а ее символическая подоплека в Определяющем Сознании (4), Некая заторможенность истории в конце XX века привела к тому, что физический носитель пришел в столь тесное соприкосновение со своей ПСЕВДОсущностью, что минимальное изменение реальности может привести к глобальной дестабилизации сущностей.

Пульсация продолжается, и автор локализует объект речи в другой области (предварительно он вносит в свою речь минимальную рефлексия, чтобы наряду с терминологической цепочкой выявить еще одну смыслопродолжающую структурную линию).

Со сказанным выше несогласных быть не может, ибо не согласен, значит уничтожаем.

Я уже говорил, что необходимое для терроризма (2) условие - это его проявление во всех областях человеческой деятельности, и поэтому я перехожу ко второй части названия - к тексту, террористическому тексту (8). Здесь меня прежде всего интересует расслоение проблемы текста на два аспекта: Производство текста (проблема Автора(9)) и Распространение текста (проблема Художника (10)).

Выявив объекты речи, автор вторгается в область Определяющего сознания (4), и поэтому вынужден проанализировать некоторые мифологемы и соотнести их с чем-то реально существующим (например, со своей деятельностью).

Авангарда никогда не было и еще нет; на протяжении восьмидесяти лет существовали различные направления (футуризм, сюрреализм, абстракционизм, поп-арт, и т.д. и т.п.), чье существование в сфере Определяющего Сознания (4) (искусство, средства массовой информации) привило им некоторые объединяющие качества (агрессивный эпатаж, бурная деятельность). Это позволило буржуазии мифологизировать Авангард и вместе с ним Революцию. Революция имманентна "вечной природе" (читай, "вечному буржуазному обществу"). Конечно, был дадаизм, но тогда не было мифа, и поэтому дадаизм - это миф.

В Определяющем Сознании (4) существует представление о художнике-авангардисте - "Нахальный молодой человек с плохими манерами, который, нагло улыбаясь, подкладывает петарды под кресла членов Академии" (Ален Роб-Грийе), которому не соответствует ни один реальный художник. Сейчас, когда направления по сути уже выдохлись, единственное средство бороться с этим мифом - полностью соответствовать ему, своим реальным существованием выворачивать миф наизнанку, абсурдизировать его (с точки зрения буржуев) и тем самым уничтожать. Сознание, которое получает МАНИФЕСТИРОВАННОЕ подтверждение мифа, вынуждено его лишиться.

Далее автор в соответствии с логикой демифологизации изучает пространство, плодотворное для возникновения мифа, и предлагает методы его антиплодотворения.

Личная жизнь, убеждения, мировоззрение художника - вот области, полностью аннексированные буржуазией (4). В соответствии со взглядами некоторых художников (буржуазных ублюдков) Определяющее Сознание проецирует в эту область свои принципы, тем самым текст тянет за собой непосильный балласт буржуйских представлений о нравственности, политике, метафизике и т.п. Единственное средство против подобной аннексии - манифестирование своей принадлежности к леворадикальному движению. Художник обязан открыто заявлять свои ультралевые убеждения, обосновывать их и ничего больше высказывать не имеет права. Попросту говоря, он должен вешать себе на спину "бубновый туз", выявлять свою предназначенность для расстрела (контрреволюция, как и революция, враждебна мифу в своих репрессивных проявлениях).

Теперь автор переходит к проблеме производства Текста (8) (Некая дидактичность первой фразы требует какого-то объяснения, но эмоциональный настрой речи позволяет оставить эту фигуру без конкретного оправдания).

Итак, каким должен быть Текст (8)?

Прежде всего, текст должен в себе учитывать то, что он является предметом купли-продажи ("Текст пишется для продажи, потому что буржуи используют его только так. Вдохновение - такое же говно, как и деньги, потому что цель предмета появляется в момент его использования", - говорю я в морду ублюдка буржуйской литературы Турова, который утверждает, что, мол, я

могу только радоваться, когда покупают то, что писалось не для продажи). В буржуазном (4) обществе текст продается и все. Поэтому форма текста должна быть формой псевдотовара. Мои тексты - это трагедия продажи, которая повторяется в виде фарса попыток создать непродаваемый текст.

Фарс, который вытесняет все: продажу, историю, цитату, фарс.

Автор переходит от универсального подхода к локальному. Для того, чтобы связать (линейно) различные типы высказывания, он прибегает к аллегории.

Мне показывают порнографический фильм, в зависимости от того, как давно я имел интимную связь, к середине или к концу фильма у меня пропадают все физико-логические реакции и остается тупой взгляд на экран. Таким должен быть текст (8).

Текст (8) - это спрессованная порнография.

Средство для достижения этой цели - во-первых, акциональность текста (8). Все структурные линии, способные вызвать у потребителя медитацию, должны быть подчинены при помощи буквального постулирования некой акции, которую совершает текст (8) (Например, "Страна"). Наиболее интересны в этом отношении мои ИЗО-тексты (серия "Носители"), которые в силу своей концептуальности отчуждают медитативность, представленную только внешним оформлением идеи. Во-вторых, текст (8) должен быть создаваем ("Гул живописи") или соответственно разрушаем ("Носитель №1", "Носитель №2"). Сочетание создаваемых и разрушаемых текстов подсовывает потребителю вывод об историчности аполитичности (1)) текста (8) как такового. Схема потребителя участвует в процессе создания (разрушения) текста, тем самым демифологизируется буржуазное (4) представление об индивидуальности автора и зрителя, тезис об абсолютной ценности отдельно взятого индивидуума (особенно в текстах коллективного разрушения ("Носитель №5")).

Перманентные тексты (8) вытесняют потребителя полностью, они принадлежат Истории (1) и только, они политичны (1) по сути ("Перманентная эротика", "Носитель №6"). "Перманентная эротика" интересна еще и тем, что посредством буквального постулирования чувственности выворачивает процесс проецирования на субъект псевдоприродных "душевных движений". "Но-

ситель №6" посягает на вечное человечество, демифологизирует атомный фарс.

Здесь автор обрисовывает фон, на котором могут быть использованы вышеизложенные. Он говорит о комментировании, и автоматически соединяет свою речь и сопутствующий комментарий.

Вышеизложенные методы предполагают некую стабильную форму текста (8) - автокомментируемый (11) текст (8).

Текст (8) комментирует себя вследствие того, что произведение и комментарий объединены (совмещены) занимаемым физическим пространством, здесь нет места не только критике, но и восприятию, текст (8) участвует в историческом процессе, текст-критика, где и то, и другое демифологизировано.

Ближайший пример - "Терроризм и текст" (повтор названия).

Большая часть вышеизложенных методов нашла свое отражение в этом процессе. Здесь остается только постулировать его акциональность: мой текст (8) преподносит вам, читатели, привитый вам Определяющим Сознанием (4) образ авангардиста - сумбурный, сбивчивый стиль, наглость, необоснованность выводов, грубость, самовлюбленные ссылки на свои никому не известные работы и т.п.

Интересно то, например, что корявый стиль объединяет речь и комментарий к ней, тем самым лишает вас надежды на восприятие даже схемы.

Эта форма удобна тем, что я могу закончить на любом месте.

Замысел зафиксированной речи привел к тому, что часть высказываний пришлось поместить вне текста. Например, следующие:

Текст (8) должен вызывать ощущение излишности, ненужности, необязательности. Вспомнить о нем можно только, как о потерянном времени.

"Позвольте, - закричит какой-нибудь буржуй, страдающий зеркальной болезнью, - как же удовольствие от текста?" Ответу ему аллегорией: "Родители, ложась спать, ставят для детей перед замочной скважиной порнографическую открытку - другого удовольствия от текста вы не получите".

Терроризм (2) - это моя субъективная потребность, моя утопия (действие, которому нет места, но оно должно быть). Например, я люблю женщину, единственное средство избавиться от этого буржуазного чувства - пристрелить ее, как собаку, лишить свой миф физического носителя, и так всегда, и так везде.

Дмитро Корчинский Доктрина дестабилизации

Политика - это крестовый поход за идею. Мы - носители нового революционного сознания. Для нас является хорошим все то, что действительно носит радикальный характер. Быть радикалом - значит понимать смысл вещей. Мы хороним трупы старых идеологий. Ценности чужих цивилизаций нам нужны лишь как трофеи. Иконы мы намалюем сами. Нас объединяет одно - неприятие всего, что существует. Слова разъединяют. Действие - объединяет. Бунт имеет смысл. Жажда разрушения - творческая жажда. Группа, которая борется, способна продвигаться вперед лишь через конфликты. Партия - это армия. Партия сама должна бороться. Без практики вооруженной борьбы программные положения являются болтовней. Когда я слышу слово, моя рука тянется к пистолету.

Насилие является для нас единственным способом общения с обществом. Бомбы против аппарата подавления мы бросаем в сознательность масс. Их вызов - убийство, наш ответ - убийство. В убийстве - их аргумент, в убийстве - наше опровержение. Провокация, репрессия, революция. Разбивайте собачьи головы! Невиновных нет!

Когда на заводе плохая вентиляция, надо поджечь кабинет директора. Акт революционной справедливости - самый высокий акт гуманизма, возможный в обществе, разделенном на классы. Быть террористом в наши дни делает честь каждому человеку доброй воли.

Все звери равны. Только некоторые из них равнее других. Толерантность к предателям порождает новые предательства. Человек в мундире - свинья, стрельба по ним - дело дозволенное. Гуманизм ничего не стоит, когда он не подкреплен двойным преимуществом в авиации и танках. Пацифизм - неплохая вещь, когда его проповедуют победители. Нам не нужна другая диалектика, кроме диалектики ножей и пистолетов. Необходимо вербовать

молодежь, которая разуверилась в семье, обществе, потеряла надежду на будущее.

Мы хотим всего и немедленно!

Вадим Климов **Забавный расизм**

Апологическое эссе в пяти частях

Materia prima

Краем уха доводилось слышать, что в России медведи сбредают в большие города и устраиваются на работу дворниками. После десяти лет службы медведю положены паспорт и бесплатное жилье. Он официально становится гражданином страны.

Медведи, которых я видел в России, похожи на людей, но, тем не менее, это не совсем люди. Даже не совсем русские. Они темнокожи, волосаты и общаются друг с другом посредством невнятных гортанных звуков.

Считается, что это язык, на котором разговаривают медведи у себя на родине. Но язык ли это?

Отдельные медведи достигают в обращении с лопатой такого мастерства, что способны писать картины на снегу. Чем они и занимаются большую часть года. Зимой в российских городах так много снега, что его бессмысленно убирать. Снег приспособливается для нужд искусства.

Словно карандашом на бумаге медведи оставляют лопатой рисунок на снежной поверхности. А затем раскрашивают ее струями мочи разной концентрации в зависимости от желаемого оттенка.

Русская живопись в полном объеме создана усилиями медведей.

Для коренных жителей все медведи на одно лицо, их не различают. Поэтому ничто не мешает одному медведю-уборщику воспользоваться документами другого. Или даже не документами, а обычным сходством.

Например, кто-то из медведей покупает билет в кино и во время просмотра выходит из зала. После чего в зал может зайти сколько угодно медведей (разумеется, по одному или хотя бы с полуминутным интервалом), аргументируя, что минуту назад выходили в туалет. Билетерша не сможет никого из них не впустить.

Вопреки распространенному заблуждению, медведи прибывают в российские города не с Дальнего Востока, а с юга. Там они рождаются, растут и покупают билет на поезд в Россию. И туда же возвращаются в случае потери работы или смерти.

Когда медведь умирает, его хоронят в коробке из-под холодильника или телевизора в зависимости от размера трупа. Укутанный картоном медведь уходит в небытие в русскую землю или возвращается на родину. Таков ритуал.

И никому - вы слышите?! - никому нет дела до этих нелепых коробок с марками импортной техники. Потому что все внимание приковано к мертвому медведю.

Покойный отправляется в свой последний путь.

Subsistentia

Образно говоря: человек происходит от обезьяны. Теорию Чарльза Дарвина изучают в младших классах школы, поэтому массы хорошо о ней осведомлены. Все люди произошли от какой-то древней обезьяны. Это унижительно но вместе с тем научно обоснованно.

Медведи, тем не менее, выступают с альтернативных позиций. По крайней мере, именно в их среде зреет протест. Собственно, к эволюционной теории они не имеют претензий. Медведей смущает лишь предыдущее звено – древняя обезьяна, от которой якобы произошел человек.

Медведь же по мнению медведей произошел не от обезьяны, а от домашней птицы. Это подтверждено массой исследований, наиболее убедительным из которых является анализ строения пальцев ног. У медведей и домашней птицы пальцы на ногах устроены совершенно одинаково.

Несмотря на всеобщую ксенофобию, которой захвачено население России, русские девушки часто встречаются с медвежьими самцами. Преодолевая расистские предрассудки, впитанные с молоком матерей, девушки познают повадки медведей, иностранных граждан.

Что кажется совсем нелепым, у медведей, по заверениям таких девушек, тоже есть души. Причем точно такие же, как у настоящих русских, которыми медведи становятся после получения российского гражданства.

Агрессивно настроенные группы граждан часто преследуют медведей, прогуливающихся с русскими девушками. Однако, если у медведя с девушкой есть потомство, которое они могут предъявить агрессивно настроенной группе граждан, последние унимают пыл и оставляют медведя нетронутым.

Считается, что медведь уже почти русский. По крайней мере, у него есть русская жена и русское потомство. А документ, подтверждающий российское гражданство, уже дело техники.

В России ходит поговорка: поскреби русского - найдешь медведя. Русские и медведи, столетиями живущие буквально друг у друга на головах, давно перемешались. Отличить коренного жителя (так называемого русского) от так называемого медведя часто довольно сложно. А после получения медведем российского гражданства и жилья это и вовсе невозможно.

Русские девушки тянутся к медвежьим самцам как муравьи к верхушкам деревьев. Происходит межвидовое смешение. На свет появляется русско-медвежье потомство, которое в следующем поколении еще более причудливо перемешается.

В крупных городах давно не осталось дворников среди коренных жителей. Отныне эту работу выполняют приезжие медведи. Они убирают повсеместно: во дворах, на центральных проспектах, площадях, в подземных переходах, метро и вообще везде. В зоопарках убирают они же.

Остановимся на зоопарках. Часто можно наблюдать, как около клетки с медведями суетится другой медведь, точно такой же,

но с метлой в передних лапах, который, в отличие от своих сородичей в клетке, зарабатывает на жизнь уборкой зоопарка.

Между медведями внутри клетки и снаружи – невидимая невооруженным глазом пропасть.

Часто медведи сидят в своих контейнерах, в которых живут группами до получения официального жилья, и наблюдают, как ветер (внутри всегда сквозняк) разбрасывает пыль по полу. Песчинки складываются в разнообразные узоры. Медведи часами наблюдают за метаморфозами грязи.

Иногда медведи досиживают до момента, когда ветер складывает из пыли портрет президента России Дмитрия Медведева. Медведев торжественно смотрит на медведей, словно одобряя их тяжелую работу и трудную жизнь.

Тогда у всех без исключения медведей выступают на глазах слезы. Хотя и считается, что гастарбайтеры не способны на глубокие переживания, это совершенно не так. Они плачут, глядя на президента России Дмитрия Медведева, словно настоящие русские дети.

От субъекта

У меня и у самого есть родственники среди медведей. Причем не тех, что обнаруживаются при поскребывании русского, а самых настоящих, аутентичных медведей.

Когда-то давно, лет сорок назад, к моим родственникам по материнской линии приехали их родственники, поголовно оказавшиеся медведями. Все происходило на юге России, где такое в порядке вещей.

Моего дядю, тогда еще маленького мальчика Артура, попросили показать приехавшим город. Дядя Артур был смущен и подавлен медвежьим обликом гостей. Было до слез обидно, что его родственники оказались медведями. Но еще больше он опасался наткнуться во время прогулки на своих знакомых.

Поэтому Артур полтора часа водил родственников-медведей по самым безлюдным окраинам города, практически по свалкам и заброшенным лачугам.

Эта история примечательна еще и тем, что из всех братьев и сестер, которых насчитывается восемь человек, дядя Артур наименее похож на русского. Более всего он напоминает как раз медведя, его переднеазиатскую разновидность.

Как-то я через интернет договорился с незнакомой девушкой встретиться и обменяться книгами. Ночью перед встречей я внезапно проснулся, вспомнив ее имя. Девушку звали Диля.

Диля! Но как же так... Ведь это не русское имя, медвежье!

Не вылезая из постели, я судорожно перебирал в памяти подробности. Мы договорились встретиться в цветочном магазине, Диля работала там продавщицей.

Я представил себе этот магазин. Повсюду цветы: в букетах, горшках, ведрах, ваннах. И медведица Диля за прилавком. Возможно, она там даже не одна.

Да-да-да... Я сразу вспомнил, девушка сообщила, что, скорее всего, ее не будет в магазине. Чтобы я сказал ее подругам, что Диля оставила мне книгу, они обо всем знают.

Я так разнервничался, что даже вспотел. Одеядло прилипло к телу, ноги запутались в простыне.

Повсюду одни нерусские. Цветочный магазин в центре Москвы, а внутри медведи. Их там пять... или даже десять продавцов. Ходят туда-сюда, суетятся вокруг букетов. С улыбочивыми мордами, знающие толк в цветах, умеющие считать деньги и выдавать сдачу.

Боже мой. Я едва заснул, но так и не успокоился. Остаток ночи мне снились кошмары. Я ерзал в кровати, постанывая.

На встречу я, разумеется, не поехал. Черт с книгой, лишь бы не встречаться с проклятыми медведями, товарками Дили.

С татарского Диля переводится как красавица.

Цивилизация

В других странах, например, европейских, тоже есть свои медведи, точнее, гастарбайтеры. Они немного напоминают российских медведей, но совсем чуть-чуть, сходства почти незаметно. Их роднит разве что ксенофобия коренного населения.

Однако считается, что в Европе ксенофобии намного меньше, чем в России. Поэтому российские медведи часто грезят Европой, мечтают перебраться на Запад и стать нелегалом в цивилизованной стране. Или в ЕС: все цивилизованные страны объединились в ЕС.

В Европе, например, запрещено говорить о расах. Расизм искореняется на уровне речи, словообразования. Европейский медведь и европеец – теперь одна раса. Вернее будет сказать, одна общность, так как рас больше не существует. Но в данном случае уместно употребить старый термин.

Так вот, европейского медведя и европейца теперь относят к одной расе. Они отличаются лишь цветом кожи... оттенком. Разница практически незаметна, к тому же, у медведей кожа упрятана под толстым слоем шерсти. И тем не менее. Если не присматриваться, точно не скажешь, где европеец, а где европейский медведь.

Вот если присмотреться... Но лучше этого не делать. Подсудное дело: обвинение в расизме, циничное ковыряние в личной жизни и тому подобное.

Когда европеец попадает в гетто, его моментально окружают дружелюбные медведи.

- Есть расы? – спрашивают они бедолагу.
- Нет, - отвечает тот.
- Любите медведей?
- Люблю, конечно, - говорит европеец, вытирая лоб платком.

Чтобы не попасть впросак, лучше потренировать диалог заранее. Медведи в гетто не склонны спускать зло с рук, даже словесное, если речь идет об их расовой гордости.

Заключение

Среди медведей распространено мнение, что они ничем не отличаются от обычных русских людей. И в первую очередь не отличаются пресловутым цветом кожи. Однако именно цвета кожи нельзя заметить под плотной шубой из медвежьей шерсти.

polaroid

Не было бы этой шерсти, считают медведи, никто не смог бы отличить их от коренных жителей.

Если медведю нечего ответить, он говорит, что он всего лишь медведь. В этом есть подражание человеку, который тоже, бывает, напоминает собеседнику, слишком многого от него требующего, что он всего лишь человек.

Медведь и человек похожи.

В уголовном кодексе России, славящейся своими ксенофобскими настроениями, есть знаменитая статья 282. И этот текст как раз подходит под ее действие. Будто специально для нее и писался.

Миша Вербицкий О симуляции постмодернизма и умственной недостаточности

"On the Simulation of Postmodernism and Mental Debility Using Recursive Transition Networks" называется научная статья Эндрю Булгака, австралийского программиста и замечательного сетевого писателя. Статья рассказывает об одном из и по сей день успешнейших проектов в области создания искусственного интеллекта (а точнее говоря, искусственного идиотизма) - "The Postmodernism Generator", он же "dada engine". Булгак написал небольшую программу, которая имитирует синтаксис, грамматику и лексемы постмодернового эссе; текст, который получается в результате - неотличим ни по содержанию, ни по форме, от трудов монстров модного западного пост-структурализма - Дерриды, Бурдые и им подобных.

Мораль этого весьма проста, и знакома любому школьнику, добившемуся успеха в гуманитарных дисциплинах. Гуманитариям абсолютно неважно, к каким выводам приходит эссеист, историк или философ - им важно, чтобы был соблюден протокол: корректные ссылки, модные (и обыкновенно, ничего особенно не значащие) слова, пользующиеся успехом у данного вида гуманитариев риторические фигуры. Двадцать лет назад это были катехизисные "три источника и три составные части" (неважно уже, чего), сейчас это дискурс и тому подобные заимствования из французского языка.

Я веду речь к тому, что гуманитарный дискурс (в отличие от научно-технического) принципиально не может иметь никаких последствий вне этого самого "дискурса". Соответственно, любое корректно построенное гуманитарное утверждение верно в той же степени, что и любое другое. Ценность гуманитарной работы заключается в перспективности представленного ею направления, не более того.

Это имеет два интересных последствия. Во-первых, гуманитарная деятельность (за вычетом оценочной практики) целиком симулируется рекурсивной программой наподобие "dada engine". Огромная часть человеческого мышления устроена симулятивно: человек не осознает смысла того, что он говорит, а просто подставляет корректные словосочетания в корректные грамматические структуры. Каждый, кто читал много гуманитарных текстов (не важно уже чего - постмодерна ли, марксизма советского разлива, или просто позитивистской мейнстримной лабуды) знаком с этим эффектом - практически ни один из этих авторов не задумывается о смысле того, о чем он пишет. Герман Гессе в "Игре в Бисер" описал мифическую страну Касталию, где подобную интеллектуальную практику возвели в правило. В честь Гессе симулятивное (подстановочное) мышление следует называть касталийским.

Другой эффект размытости (попросту, отсутствия) критериев в "касталийских" областях человеческого интеллекта - это постмодернистский упор на "перспективность представленного направления", в котором и заключается единственная ценность гуманитарного или художественного проекта. Собственно говоря, "перспективность представленного направления" есть фетиш не только (и не столько) гуманитарной науки, сколько художественного рынка. Оно и понятно - единственное, зачем кто-то платит деньги за картины - это затем, что картины эти поднимутся в цене; а поднимутся они в цене потому, что кто-то заплатит за них еще больше - ожидая, что они будут подниматься в цене и дальше. Таким образом, "перспективность художественного направления" есть нечто, определяющее как рыночную стоимость продукта, так и саму себя.

Если почитать художественных и литературных критиков, то видно, что эта самая "перспективность направления" есть единственное, что занимает их умы. Искусство перестало соотноситься с чем бы то ни было, кроме самого себя; художник постмодерна ходит по кругу рекурсивной референции - в этом, собственно, и состоит определение постмодерна. Критик и потребитель конечного продукта ходят по концентрическим окружностям.

Аналогичным образом устроен финансовый рынок. Когда Сорос говорит, что та или иная валюта или акция начнет падать или подниматься - она начинает падать (или подниматься), пото-

му что все бросаются ее продавать (или покупать). Что именно обозначает эта акция, и чему равен годовой доход страны, выпустившей валюту - для рынка совершенно неважно: ценность валюты измеряется в перспективах ее роста, а эти перспективы определяет не компания, а рынок - то есть Перспектива Роста и ее пророк Джордж Сорос. Ценность художника, приклеившего к иконе искусственные кашки, или поэта, исписавшего неизвестную тучу печатных листов невнятной прозой про его (поэта) влагище - определяют личности, имеющие к искусству такое же отношение, какое имеет к производству материальных ценностей полуграмотный венгерский еврей золотая ручка.

Идол "перспективности направления" идет рука об руку с идолом "культурной вменяемости" (попросту - истерического, дремучего стремления сохранить текущие тенденции). И то и другое называется "литературный" и "художественный" процесс.

Вот например, Интернет. Русский Интернет, будучи продуктом программистов, банковских чиновников и прочих тружеников мыши и MS-DOS-а, был сугубо бесструктурен, и, соответственно, незащищен перед атакой "профессионалов" - специалистов по "структуризации" культурного процесса. Недавно идиллия кончилась - Интернет стал моден среди тружеников на ниве "культурной вменяемости". Поразительный эффект этого можно наблюдать на сайте rating.rinet.ru. За грохочущим маршем московской общественности от галереи Гельмана и родственных ей литературных проектов и не разглядишь уже никаких принципов, кроме волчьего - навести наконец профессиональный *peue Ordnung* в Интернете, с целью дальнейшего распределения соросовских денег среди сайтов, способных гарантировать отсутствие "второстепенных и консервативных художественных тенденций" а также "культурную вменяемость опубликованных текстов".

Как замечал другой сотрудник Гельмана, Глеб Павловский, единственным эффективным видом цензуры является цензура положительная, когда вместо зажимания ненужной властям информации, эта информация топится в потоке имитирующих ее заявлений из другого источника. Постмодерн, с его разбухающими на соросовской подпитке окружностями циклических референций, - есть по сути ни что иное, как цензурный монстр, созданный для насаждения "культурной вменяемости" и подавления "второстепенных и консервативных художественных тенденций".

Если ваша задача - бесконечная генерация текстов, решить ее можно только одним способом: путем постоянного сочинения текстов о текстах, недавно вами сочиненных. Известно, что стилистика определяет образ мыслей, равно как и определяется им. Не следует разделять вялую, как вата, и такую же малопитательную стилистику постмодернистского критицизма, и саму суть постмодернистского мышления. Постмодерн есть заговор - заговор по замене людей симулякрами, роботами, искусственным интеллектом нейронной сети. Смысл и значение постмодерна - в разводе означающего с означаемым, "дискурса" и эмпирического знания, в переводе цветущей сложности многомерного бытия в унылую плоскость симулируемого идиотизма. Нечего спрашивать, чем плох постмодерн. Постмодерн ничем не плох и не хорош, постмодерн как Джордж Сорос - для выживания людской расы постмодерн должен быть уничтожен.

Р. Пенроуз и квантовая психология

Выше приведенный отрывок относился к самому элементарному, но, увы, наиболее распространенному виду мышления - мышлению симулятивному. Программа "Элиза" способна весьма эффективно поддерживать диалог, при этом не делая никакого грамматического анализа реплик и пользуясь словарем из 50 слов: оказывается, можно добиться абсолютно правдоподобного эффекта, подставляя куски фраз, с которыми обращаются к программе, в заготовленные грамматические конструкции, и перемежая это с десятком заученных выражений. Именно так выглядят разговоры в "приличном обществе", по крайней мере, за границей - сообщать что-то, неизвестное собеседнику, является дурным тоном, да и не принято.

Продуктом симулятивного мышления является (в лучшем случае) компиляция; неудивительно, что оно есть рабочий инструмент гуманитариев. В повседневной жизни ничего другого и не нужно, но вот в профессиональной деятельности зачастую требуется следующий уровень мышления - аристотелево или же дедуктивное. Всем знакомы истории про Шерлока Холмса, который догадался, что у посетителя бабушка работает на свиноферме. Холмс приходил к своим догадкам методом дедукции, попросту - силлогизмов и исчерпывающего перебора вариантов. Это мыш-

ление, идеально приспособленное к компьютерной реализации, - неудивительно, что уже сейчас компьютер способен играть в шахматы лучше любого шахматиста. Все люди смертны, Кай человек, следовательно, Кай смертен.

Кай на самом деле бессмертен.

Уровни мышления, следующие за дедуктивным, суть нечто практически не осуществимое. Человек может всю жизнь проходить как цуцик, думая, что решить шахматную задачу или головоломку есть верх интеллектуальной амбиции (а то и того хуже - всю жизнь играя фразами наподобие кастальских поселенцев). Но они есть.

Уже сейчас (теоретически, по крайней мере) доказано, что можно сконструировать мыслительное устройство, которое будет работать, не используя алгоритмов в традиционном смысле этого слова. Это устройство называется квантовый компьютер. Квантовый компьютер заменил последовательный перебор вариантов на единовременное измерение, которое даст результат, недостижимый в принципе дедуктивными методами. Например, есть матрица размера 240 на 240, и надо посчитать от нее экспоненту. Сделать это в рамках традиционной вычислительной парадигмы невозможно в принципе, т.к. потребуется больше времени, чем даст оцениваемая жизнь Вселенной, даже если компьютер заполнит Вселенную целиком. Квантовый компьютер работает на совершенно ином принципе - он моделирует умножение и экспоненту матриц на наборе атомов, определяет экспериментально параметры их взаимодействия, и приходит к правильному результату экспериментальным путем. Задачи, про которые доказано (или, по крайней мере, предполагается), что их невозможно решить на теоретически возможном "традиционном" вычислительном оборудовании, оказываются легко разрешимыми методами квантового вычисления.

Квантовые вычисления можно свести к "распараллеливанию" одного алгоритма на множество субпроцессов, которые все вычисляются одновременно - эффект, хорошо знакомый мистикам и потребителям галлюциногенов: сотни тысяч красочных картин и видений, уложенных в промежуток времени короче мига.

Теоретики квантовой психологии (в первую очередь, Р.А. Уилсон) любят упоминать здесь теорему Белла о нелокальности, утверждающую, грубо говоря, что детерминистская модель

квантовой механики обязана содержать в себе взаимодействие прошлого с будущим и передачу информации быстрее скорости света. Уилсон потирает руки и радуется: или же квантовый компьютер в человеческом мозгу вычисляет взаимодействие прошлого с будущим, попросту говоря - заглядывает в будущее, или же в "реальном мире" существует недетерминистский фактор, связанный с наблюдателем, то есть опять-таки с сознанием. Или и то, и другое.

Квантовое мышление решает такие задачи, которые решить **можно**, просто очень трудно, то есть долго - настолько трудно и долго, что решать их шерлок-холмсовскими дедуктивными методами можно и не стараться. Квантовый компьютер в мозгу щелкает, мистик в минуту обзирает все страны на земле и под небесами приходит к правильному выводу - а как приходит, он и сам не может объяснить. Такое мышление чем-то близко к мышлению индуктивному, когда по небольшому количеству примеров исследователь делает смелое обобщение. Но в отличие от этого исследователя, визионер **видит** все эти примеры, т.к. способен их одновременно обозреть.

Следующий уровень - мышление, основанное на квантовой гравитации, на обосновании которого настаивает один из величайших современных физиков и математиков, сэр Роджер Пенроуз. Хорошо известно, что все математические задачи сводятся к уравнениям в целых числах (это доказал питерский математик Ю. Матиясевич, решив тем самым одну из проблем Гильберта). Хорошо известно, что, исходя из того, что мы знаем о целых числах и вообще из любого конечного набора аксиом, невозможно решить все такие задачи. Тем не менее, уравнение либо имеет решение, либо нет, то есть теорема Геделя никак не опровергает возможности построить полную систему аксиом, описывающих арифметику, - она лишь утверждает, что такая система аксиом не может быть получена применением алгоритма (более того, любой алгоритм, достаточно развитый для того, чтобы эту задачу поставить, непременно рано или поздно сломается). Пенроуз (весьма разумно) замечает, что человечество (коллективно) является мыслящим существом, способным такую систему построить, а если бы человеческий мозг работал алгоритмически (или даже на основе квантового компьютера) это было бы невозможно. Ergo, мозг работает мистически и безотносительно к логике - мы знаем,

что определенная вещь верна не потому, что мы к этому пришли (наблюдением ли тысяч реальностей или дедукцией - неважно уже), а потому, что мы знаем.

Это хорошо согласуется с психологией математического познания. Например, математик Рамануджан оставил после себя кучу записных книжек с тьмой тьмушей сложных формул. После его смерти их доказывали много лет, наконец все доказали. Никаких доказательств там, разумеется, не было. Формулы были доказаны сильно после его смерти и методами, которые не могли быть ему известны. Имело место познание через религиозное озарение: к Рамануджану приходила богиня Кали и диктовала ему формулы. Аналогичный случай имел место с гениальным сербским инженером Тесла, изобретателем (среди прочего) переменного тока. Все открытия Тесле сообщал белый голубь, который также был его женой.

Самый забавный случай произошел с А.Гротендиком, вероятно, одним из 2-3 величайших математиков за всю историю цивилизации. Гротендик рассказывал, что к нему пришел ангел и сообщил ему великую истину, НО - Гротендик нашел ошибку в его рассуждениях.

В любом случае, математическое открытие посредством божественного/ангелического/сатанинского откровения есть не менее ординарное явление, чем написание стихов посредством того же. Это скорее норма, чем отклонение от нормы.

Пенроуз объяснял это явление так. Пространство обычной эйнштейновской гравитации искривлено. В квантовом приближении эти искривления непрерывно меняются, причем даже таким образом, что меняется сама топология пространства: пространство кипит, в нем появляются и исчезают дырки, пузыри и ручки наподобие кренделя. Если мы хотим подсчитать квантовую гравитацию, нам придется, видимо, усреднять наш функционал по всем топологическим конфигурациям 4-мерного пространства. Но перечислить такие конфигурации ("четырёхмерные многообразия") невозможно - эта задача равносильна по сложности с задачей решения целочисленных уравнений. То есть никакого алгоритмического способа решить уравнения четырёхмерной гравитации, видимо, нет. С другой стороны, в природе эти решения как-то получаются, то есть природа каким-то образом умеет подсчитать четырёхмерные многообразия. Вероятно, делая наблюде-

ния над природными феноменами, мы сможем научиться эти многообразия тоже различать, то есть путем наблюдения решать задачи, алгоритмически неразрешимые **в принципе** и доказывать теоремы, которые никак не вытекают из любой конечной системы аксиом.

Пенроуз предположил, что в голове у человека находится такой механизм. Таким образом, абстрактное мышление превращается в нечто вроде эксперимента в физической лаборатории, имя которой – мозг, а результатом эксперимента оказывается научная истина.

Конечно, эта натур-философская модель может оказаться совершенно неверна. Тем не менее, разделение мышления на четыре уровня (симулятивный, дедуктивный, визионерский и мистический) есть нечто несомненное и данное нам в ощущении.

Интересно, что язык оперирует только с низшими уровнями мышления - никакой возможности передать мистический и визионерский опыт словами нет (кроме разве что в стихах). Для коммуникации же необходимо жесткое владение языком, т.е. дедукцией и риторикой - двумя самыми примитивными уровнями. Языком математики являются логические построения (а языком других точных наук - логические и формальные языковые конструкции, взятые из математики). Но не следует (как делал Поппер) сводить науку к ее языку. Язык есть нечто лежащее вне сферы научного знания - безусловно, коммуникация необходима, и без нее наука не выживет - но сфера коммуникации и сфера познания соотносятся очень и очень мало.

Для точных/естественных наук совершенно неважно, какой методологией пользовался ученый. Тесла узнавал устройство своих машин от голубя, но это никак не мешает работать генераторам переменного тока, которые он изобрел. Рамануджану сообщала формулы богиня Кали - но формулы не становились от этого хуже.

Визионерство и мистика выглядят по-другому в контексте гуманитарных наук. Визионер есть ученый, способный по шерлок-холмсовски жонглировать таким количеством фактов, которое не поддается не только описанию, но даже и каталогизации, перечислению бодрствующим сознанием. Естественно, что такого ученого гуманитарии назовут лже-знайкой и шарлатаном (такая судьба постигла, например, Льва Гумилева). Мистик же есть

автор странных, ни на чем не основанных, зачастую рекурсивных концепций - гуманитарий будет рассматривать мистика в лучшем случае как объект для изучения, в худшем - как фанатика или клиента сумасшедшего дома, но никогда - как коллегу. Принцип "чем бредовее теория, тем она правильнее" царит в физике, но бредовым теориям никак не место в гуманитарных науках.

Гуманитарное знание оперирует исключительно низшими, наиболее примитивными пластами мышления - именно этим объясняется такая популярность позитивистской онтологической концепции Поппера. Другой аспект этого же явления - невероятный интерес, питаемый философией (начиная с того же Поппера и Витгенштейна) к логике, науке, к которой практикующие математики относятся без интереса и зачастую - презрительно весьма. Действительно, "гравитационная лаборатория", располагающаяся в мозгу, никак не соотносит свою работу с дедуктивным мышлением, соответственно, логика не должна и не может иметь прямого отношения к математике - зато должна иметь и имеет отношение к гуманитарному знанию.

На доступных нам вычислительных устройствах адекватно (и более того) эмулируется второй, дедуктивный уровень мышления. Основная проблема, стоящая сейчас перед теоретиками искусственного интеллекта, - в симуляции симулятивного мышления. Человек учится говорить, заучивая куски фраз и подставляя их в грамматические конструкции, - но научить этой простой технике компьютер оказалось невероятно сложно. Впрочем, как видно из успехов Элизы, dada-engine и подобных механизмов, компьютер таки скоро научится пройти тест Тьюринга: окажется способен адекватно симулировать человеческую речь и мышление. На уровне продавщицы, секретарши и работника горно.

Выходит, что большинство человеческих занятий можно - а значит и нужно - препоручить роботам. Остается немного - квантовые косы месяца, дремучее кипение торичеллиевой пустоты, живое золото алхимиков: магия натуральных наук. И умные, добрые машины, которые пойдут за нами - не смогут унести алхимического серебра.

Алексей Лапшин

Нетерпимость толерантности

В обществе, принятом сегодня называть цивилизованным, едва ли не главной этической темой является противопоставление толерантности и нетерпимости. Мейнстримную в этой системе координат точку зрения можно описать буквально в нескольких предложениях. Под толерантностью понимается лояльное отношение к религиозным, политическим, культурным взглядам, не совпадающее с доминирующими в данном социуме. Подразумевается, что люди, придерживающиеся различных мировоззрений, должны быть терпимы друг к другу. По крайней мере не переходить определённой черты, за которой начинается откровенная вражда и насилие. Нетерпимость рассматривается в качестве некой тёмной стихийной силы, всё ещё оказывающей негативное влияние на в целом разумно устроенный современный мир. Состояние нетерпимости в данной оптике иррационально и начисто лишено позитива.

Несмотря на внешний гуманистический пафос, вполне очевидна манихейская суть такого подхода. Мир разделён на белое и чёрное. Получается, что философия толерантности непримирима к "нетерпимости". Давайте разберёмся, насколько вообще правомерно подобное этическое противопоставление. Обратите внимание на несоразмерность сталкиваемых явлений. Если толерантность трактуется как разветвлённая этическая система, то нетерпимость объясняется только как агрессивность, вызванная неспособностью жить нормами цивилизованного общества, досадный пережиток архаики.

Прежде всего, бросается в глаза отсутствие непредвзятого объяснения понятия "нетерпимость". Ему даётся только моральная оценка. Причинам возникновения нетерпимости уделяется очень мало внимания. Чаще всего их анализ либо явно идеологизирован, либо сводится к вульгарному неофрейдизму. Хуже всего, что за проявления нетерпимости нередко выдаются твёрдые убеждения, принципиальность, вера, готовность называть вещи своими именами. Это настоящая подмена смыслов. Коварная подмена с очень далеко идущими последствиями. "Досадный пережиток" архаики становится поводом для откровенно враждебного отношения как к отдельным личностям, так и к целым соци-

альным группам и даже государствам. Происходит намеренное манипулирование сознанием. Чтобы не стать его жертвами, необходимо ясно понимать реальную подоплёку конфликта.

Разумеется, разные личности имеют далеко неодинаковый уровень терпимости по отношению к окружающим их людям и социальной действительности. Но это производное от их личного психологического состояния. Людей, склонных к нетерпимости, в любом обществе несоизмеримо больше, чем людей, открытых для восприятия иного, чем они сами. Вспомним, какую жестокость проявляют внешне благообразные и гуманные обитатели городка Догвилль в известном фильме фон Триера, когда чувствуют в своей госте чужеродный элемент. И это не режиссёрская фантазия, а реальность взаимоотношений, хотя и утрированная с целью подчеркнуть проблему. На тему нетерпимости в мировой культуре создано бесчисленное множество произведений. И философских, и художественных. Тем не менее, никакие попытки сделать большинство человечества более терпимым не помогли. Посмотрите на разрекламированное цивилизованное общество. За фасадом либерализма скрывается ожесточённое неприятие других идеалов и жизненных целей.

Однако чисто психологическую нетерпимость к иному (непохожему) нельзя смешивать с экзистенциальной непримиримостью личности к враждебному для неё состоянию бытия. Отличительной особенностью человека является его способность отделять себя от внешнего мира. Человек имеет возможность чувствовать себя внутренне отстранённым не только по отношению к материальным объектам и природе, но и к социуму. Это ощущение отдельности приводит либо к желанию смешаться с массой, стать в поле колоском, либо к стремлению преобразовать мир, а иногда и уничтожить его. Раз уж я начал приводить примеры из области искусства, напомним о двух книгах: "Тошноте" Сартра и "Постороннем" Камю. Герой "Тошноты" испытывает отвращение к бытию до тех пор, пока не начинает ощущать потребность в творческом действии. Отчуждение героя "Постороннего" приводит к убийству без всякого видимого для "внешних" людей повода. Выбор зависит от уровня осознания своей экзистенции и способности её отстаивать. Личность, решившаяся действовать, идти своей дорогой, неизбежно приходит к социальному конфликту.

Этика толерантности есть не что иное, как попытка нивели-

ровать влияние идей на общество. Она неотделима от постмодернистского восприятия жизни. Все идеи имеют право на существование, если они не мешают существовать другим идеям. На самом деле, толерантность служит средством защиты господства только одной идеи - несменяемости существующего порядка вещей, закона "господство-подчинение". Это идея разделения людей на элиту и слепую массу, ничего не знающую об экзистенциальном и метафизическом измерении человека. Поэтому, если вы всерьёз боретесь за воплощение идей, альтернативных элитарному миропорядку, то обвинение в нетерпимости вам гарантировано. Конечно, есть достаточно много искренних приверженцев толерантности, но они, как говорится, "не ведают, что творят".

Вернёмся теперь к вопросу о правомерности противопоставления толерантности и нетерпимости. Для меня очевидно, что противопоставление это искусственно, поскольку речь идёт о явлениях разного порядка. Толерантность - этическая теория, нетерпимость - качество человеческого характера, не зависящее от социума. К тому же я вижу в этом противопоставлении явный политический подтекст. Этика толерантности не спасает от нетерпимости, а лишь переводит её на более скрытый уровень. Общества, исповедующие толерантность, могут быть агрессивными и безжалостными по отношению к несогласным с их представлениями о добре и зле. Когда же дело не доходит до острой стадии конфликта, толерантность служит мягким способом удушения идей. Безразличие к идеям, распространяемое в обществе под видом толерантности - мощное орудие в борьбе элиты против альтернативных проектов.

Ещё одна проблема, на которой я хотел бы остановиться в этом тексте, касается степени свободы в различных социальных системах. Апологеты либерализма утверждают, что именно подчинённость общества строгому набору ценностей (религиозных или идеологических) способствует развитию диктатуры и нетерпимости, в то время как отсутствие господствующей идеи обеспечивает неограниченное мирное волеизъявление и относительную, но устойчивую лояльность людей друг к другу. Такая схема кажется убедительной только на первый взгляд. В действительности в основе либерализма также лежат непререкаемые ценностные ориентиры, защищаемые от посягательств давлением социальных условий, а если необходимо, то и прямым насилием.

Да, свободы волеизъявления при либерализме больше, чем в "закрытых" обществах, однако значение этой свободы существенно снижено из-за невозможности добиться реального воплощения альтернативных идей в жизнь при установленном элитой порядке. В последнее время либеральная идеология вообще стала помехой для сильных мира сего. Уже очень скоро она будет отброшена как "досадный пережиток", и тогда перед нами предстанет настоящий, по истине дьявольский облик социальной пирамиды. В этом смысле так называемые "закрытые" общества при всех их явных минусах выглядят предпочтительнее, так как сохраняют стержень, необходимый для сопротивления куда более страшной тирании. Пример героической борьбы и гибели полковника Каддафи убедительно доказывает, что такой стержень в этих обществах есть. И связан он как раз с идеократическим сознанием, возвышающим человека над банальным эгоизмом - внутренним врагом свободы.

Безусловно, ценность "закрытых" идеократических обществ относительна и временна в силу их собственной зависимости от принципа "господство-подчинение". Они могут быть препятствием для глобальной метафизической тирании, лишаящей человека всех измерений, кроме биологического, но никак не базой для революции. Подлинное восстание начнут люди, экзистенциально осознающие себя созданными по образу и подобию Бога, а не обладающие лишь абстрактным представлением об этом. Люди, не ставящие цель господства над другими и нетерпимые к господству над собой.

Аркадий Гатов Рыцари пустоты

Когда дети нашли бритву.

Над всем, что сделано, ставлю nihil...

В. Маяковский «Облако в штанах»

- Однако позвольте, - заговорил Николай Петрович.

*- Вы все отрицаете, или, выражаясь точнее,
вы все разрушаете...*

Да ведь надобно же и строить.

- Это уже не наше дело...

Сперва нужно место расчистить.

Ив. Тургенев «Отцы и дети»

...не нарушить пришёл Я, но исполнить.

Мф 5:17

На сегодня им повезло куда больше, чем христианским апостолам. Они под молчаливое презрение населения ушли в небытие и остались лежать на краю истории неброской неподъёмной глыбой. Толпа не обмазывала их сладенькими выделениями своих душ, как христианских святых. Разве какой гуманитарий мимоходом поплёвывал на непонятный кусок породы да редкий страдалец заворачивал тайком причаститься. Возможно, они чисты лишь до срока, может быть, их время по-настоящему только сейчас пришло: если европейская современность сможет выносить новых святых и создать подобие сакрального основания для действия – им может стать только нигилизм, как поход за Граалем пустоты. Война против хлама. Чистая хирургия.

Социальная идея окончательно разложилась и невыносимо смердит, вгоняя в сон ангелов на небе и чертей в трущобах. Рано или поздно апостолы придут на гремящих ароматной сталью бульдозерах, и отвалом им будет служить бритва Оккама. Без лени и болтовни они будут расчищать и жечь. Пластмассу и продюсеров, киноактрис и книги, автомобили, газопроводы и

попов, маркетинг, дизайн и блоггеров, юмористов, пиво и римское право. Не различая и не ковыряясь в куче хлама. Бесстрастно и неумолимо.

Нигилизм выкристаллизовался в российской интеллигентской среде в 1860-х годах. В Европе мысль схожего толка когда-то играла важнейшую роль в культуре и лежала у истоков ещё Французской Революции, но такой резкой формы, как в России, она никогда ещё не принимала. Это характерно: ни одно явление цивилизации в здешней культуре планомерно и в полном объёме никогда не реализовывалось, но многие идеи, занесённые из европейского мира, как под воздействием непропорциональной дозы катализаторов, принимали самые радикальные формы. Как раз тогда в Европе сумятицей и базаром закончились революции 1848-го года, а европейские социалисты разбились на кружки и склоничали за право барьжить политическим товаром. Социальная идея в Европе по ступицы увязла в грязи, а Россия вот уже четыре десятилетия после декабрьского выступления на Сенатской площади, запоротая и немытая валялась в канаве между кабаком и царскими палатами.

Нигилисты драгоценным фурункулом прорезались на обрюзгшем лбу империи, чтобы проговорить во всеуслышанье правду социальной идеи и под торжественный оркестр плевков, проклятий и приговоров объявить начало конца ещё не родившегося в России, но уже заживревшего в Европе социума. В студенческой среде в 60-х годах появились резкие молодые люди, преимущественно выходцы из нижних слоёв дворянства и духовенства, которые называли себя «мыслящие реалисты» в пику идеалистам 40-х годов, романтикам и «лишним людям» - революционерам старшего поколения, которые выходили, как правило, из дворянства высшего, как Герцен или Бакунин. Нигилисты в противовес торгашам и мечтателям создали культ труда и дела, они утверждали презрение к условностям, интеллектуальный цинизм, враждебность к возвышенному и романтизму и крайний социальный альтруизм до самопожертвования. Всё это, разумеется, в цветущем лоне аскетизма.

Именно в это время, в 1862-м году, политзаключённый Пётр Зайчневский написал текст под названием "Молодая Россия", в котором впервые объявил: новое поколение будет делать террор, чтобы расчистить путь социальному паровозу. А 4-го апреля

1866-го года мелкопоместный дворянин Дмитрий Каракозов у входа в Летний Сад выстрелил в императора Александра Второго. Пуля прошла мимо цели, но револьверный хлопок разнёсся над стадионом русской культуры и дал старт невиданному полувековому жертвенно-террористическому марафону, двигателем которого был стальной котёл нигилизма. Общественность быстро осознала, насколько нигилисты опасны и отвратительны с точки зрения светской уравнищенности и общественного порядка, а те со своей стороны поняли, насколько безнадёжны попытки объяснить публике простые вещи и расшевелить окружающее болото. «Мыслящие реалисты» перешли из рубрики светского скандала в криминальную хронику, подверглись социальному ostracismu. К восьмидесятым годам слово «нигилист» существовало в языке лишь в виде своего рода ругательства.

Но пробужденная стихия пустоты уже носилась по России всадником на коне бледном. Сперва – «Чёрный Передел» и «Народная Воля», следом - социал-демократы и всемогущие эсеры, революция пятого года и расцвет русского террора, когда в 1905–07 годах в результате терактов в России погибло около 4500 госчиновников. И, разумеется, краем этого пути стали революции 1917-го года и извержение авангардного искусства, искусства нигилистского, искусства оголяющего, во всех сферах, от театра до архитектуры.

К истокам. Самые известные нигилисты 60-х – Чернышевский и Добролюбов – были сыновьями протоиереев, учились в семинариях. Оба с детства были набожны, склонны к аскетизму и покаянию. Даже идейный противник материалистов Николай Бердяев прямо называет их святыми от социализма. Многие нигилисты-революционеры получали церковное образование и в отрочестве были людьми наиболее страстно верующими. Жажда правды, пробуждённая в них христианскими зёрнами, ещё в юности накладывалась на разочарование и ненависть к лживой бытовухе церкви. Неправда, что они отрекались от веры и теряли ориентиры: в действительности они-то как раз шли по христианскому пути, а следовательно, не могли иметь ничего общего с православной церковью. Типичный пример тому – организатор успешного покушения первого марта 1881 года на Александра Второго народоволец Андрей Желябов.

Тот же Бердяев - человек до болезненности чуткий к человеческим характерам – пишет, что тот "был типом человека, предназначенного к испытанию полноты и гармонии жизни". На суде на вопрос православный ли он, Желябов ответил: «Крещен в православии, но православие отрицаю, хотя сущность учения Иисуса Христа признаю. Эта сущность учения среди моих нравственных побуждений занимает почетное место. Я верю в истину и справедливость этого вероучения и торжественно признаю, что вера без дел мертва есть и что всякий истинный христианин должен бороться за правду, за право угнетенных и слабых, и если нужно, то за них и пострадать: такова моя вера». Перед казнью он поцеловал крест. Такие, как Желябов, и были христианами своего времени. Нигилисты отказывались от православного «Бога» за ненадобностью, как от нелепого костыля, потому что правда христианства в нём не нуждается. И уходили от церкви, как от засаленного дивана. Они оставались один на один с правдой, лишённой макияжа благодати и высшего смысла, перед ними лежали только пустота и объект деятельности, а именно – социум как идея. Они видели, что кроме взаимоотношений субъекта и объекта, в мире есть только пустота. Nihil. Остальное - хлам и не имеет ни малейшего значения. Это и есть диалектика. Переплавленное в зубило чистое христианство.

Ядро мышления нигилиста заключается в представлении о греховном - по сути, представлении евангелическом, которое является также стержнем учения Христа. Это понятие греха может быть выражено через методологический принцип Бритвы Оккама: «сущности не следует умножать без необходимости». У Оккама принцип даётся в контексте логической редукции в процессе познания, как инструмент поиска истинной причины вещей и отсекающего причин иллюзорных. Но его инверсия в принцип действия не менее осмыслена. Суть принципа состоит в том, что вонь и болезнь в этом мире происходят от лишних вещей, понятий, действий. От дурной энтропии. Не обусловленная необходимостью вещь – уродлива и зла. Страсть к правде и чистоте означает ненависть ко всему не необходимому. К комфорту, иллюзиям и развлечениям. Потому что надо делать то, что надо делать, и ничего больше. Если ты хочешь поесть, найди нож и открой банку сайры - не надо вместо этого покупать

плазменный телевизор, иначе ты увязнешь во грехе и будешь вонять всё больше и больше, пока наконец не превратишься в мусор.

Такое понимание греха также свойственно исламу, где оно обозначается словом «куфр». Куфр - весь лишний хлам, что заваливает человека и мешает ему идти чистым путём Аллаха. Хотя ислам - чрезвычайно социальная религия, понятие греха в ней, в отличие от современного христианства, не изуродовано социальной моралью. Разумеется, в Евангелии "социальные" грехи, вроде "не убий" и "не прелюбодействуй", тоже не имеют прямого отношения к учению Христа: напротив, поставленные в евангелический контекст, они пережёвывают в ничто мощные социальные мотивы Ветхого Завета, чтобы ещё лучше довести до паствы смысл проповеди. Это уже попы сделали упор на "не укради", чтобы подменить настоящее послание Христа, что неудивительно, потому что подлинная мысль Иисуса им больно режет глаза и вообще незачем. По Евангелию, красть не надо не потому, что это противозаконно, а потому, что это лишнее, это суета и гниль. Потому что собственность как таковая – это иллюзия, лишнее, это мусор, которым человек себя заваливает. Не надо убивать не потому, что у тебя нет на это права, а потому, что если ты не стоишь лицом к лицу с пустотой, то попросту «не вывезешь». А если ты смотришь пустоте в глаза, то не можешь не видеть, что убийство само по себе бессильно: оно приведёт тебя опять же к хламу и суете, больше никуда. Крохи смысла может дать собственная жизнь и смерть, а всё остальное лишь им сопутствует.

Изначальное христианство и нигилизм – рукава одной рубахи. Они текут разными руслами напрямую из одного и того же диалектического источника. Из страсти к чистоте и действию. Как Христос уводит через Евангелие всех зрячих прочь от болезненных иллюзий и бытового смрада в чистоту и вечное движение, также нигилизм проявляется как уход от мира, лежащего во зле. Война с пороками. Разрыв с семьёй, со всяким устоявшимся бытом. Отказ от суеты тщеславия и стяжательства. Будучи интеллектуально последовательными, нигилисты пришли к отрицанию всего ненужного, а значит, греховного: условностей, метафизики, духовности, комфорта. Наростов на теле социума, в которых непрестанно плодятся паразиты. Они требовали

оголения.

Если асоциальность истинных христиан была персональным крестовым походом человека от грязи мира к чистому эфиру Неба, то асоциальность нигилистов приняла новую историческую форму - доведённой до частоты электрического разряда социальности. В исламе считается, что основной миссией пророка Исы (Иисуса) было именно очищение мира людей ото лжи и духовного мусора, что характерно. Нигилисты 19-го века продолжают его дело в историческом измерении. Они были новыми апостолами - блаженными, призванными сгореть, чтобы расчистить от инертной гнили дорогу к окончательному развитию, полной реализации, а значит, диалектической гибели одной из граней человечества: социальной идеи, к тому времени уже разжиревшей в стагнации и задыхающейся в собственных испражнениях по всей Европе.

Нигилисты с готовностью шли на жертвы, на каторгу и виселицу, были устремлены в будущее, но для себя не имели надежд. Бердяев, говоря об этом, назвал нигилизм «безблагодатной, вывернутой наизнанку аскезой», точно подметив его суть. Но, раскисший в «православии и духовности», он считал жертвенность нигилистов, свободную от упования на загробное воздаяние, патологией. Это общее место всех либералов, озабоченных «личностью». Они подспудно считают аксиомой, что движущей силой человека может быть только какая-нибудь внятная корысть, пусть и потусторонняя, хотя постоянно говорят об альтруизме и бескорыстии. То, что раствориться в потоках и получить свою бесценную кроху реальности можно как раз, лишь отказавшись от иллюзии божественной страховки, без расчета на воздаяние и благодать, они понять боятся. Нигилисты, напротив, в лице Чернышевского, ввели понятие «разумного эгоизма» - прикладное, низменное оправдание своей нравственной чистоты, вне дохлой морали и вонючей духовности. Суть этого нехитрого философского инструмента такова: мы делаем так, как нам хочется, а не так, как диктует альтруизм и мораль, но поскольку мы не дураки, то нам не интересно гнить себя в пороках, зато нравится понимать мир вокруг себя, чтобы изменить его и очистить от вашего смрада.

Нигилисты отмывали себя мыслительной и физической аскезой до такой яростной чистоты, что публика охала и пачкала

штаны от негодования, припечатанная их святотатствами. «Сапоги выше Шекспира». «Анатомирование трупов не обнаружило существования в человеке души». Они внятно и без стеснения говорили, что «индивидуальность» - это лишь разница между кучами хлама, которыми забит чердак человеческих особей. Низвергая религию, мораль, искусство, философию, они лишали личность унылого содержания, оставляя человека наедине с самим собой. Гуманитарии считают, что плохо образованные нигилисты боролись с эстетикой. Это чушь. На самом деле, они были её гвардией. Они боролись против болтовни и сладенького - того, что душит эстетику и разлагает её изнутри. Против хобби и портретов на Арбате. Против совриска, детективов и соловьёв с розами. Они видели, что эстетика есть действие, реальное сознательное действие. Только так. А красивенькое – это яд, убивающий красоту. Отрицание искусства необходимо, чтобы искусство могло жить. Нигилисты несли надежду на спасение. Материализм – это освобождение человека от личности. Презрение к искусству - единственное спасение эстетики.

«Отцы и Дети» Ивана Тургенева, несмотря ни на что, - полноценный памятник нигилистам, доступный и детям, и старикам. Вполне возможно даже, что само наименование «нигилист» приросло к этим людям с его лёгкой руки. Классные дамы часто склонны выводить девятиклассникам, что Базаров, мол, был наказан за свой радикализм, и считают книгу отповедью юношескому максимализму. Оно понятно - что ещё может увидеть в ней чувствительная тётя с зачатками чувства власти, похороненная в недрах быта? На деле всё обстоит наоборот. Тургенев далёк от твердолобого психологизма Достоевского. Это Фёдор Михайлович не без удовольствия заставляет в своих романах карикатурных радикалов-нигилистов корчиться в лучах божьего милосердия. Тургенев же явно старается не уплощать, и от развенчания нигилизма в романе он столь же далёк, сколь был далёк в жизни от самого нигилизма. Чего стоят хотя бы замечательные слова, вложенные им в рот Базарова, наподобие: «русский мужик только тем и хорош, что сам о себе дурного мнения», или «любовь – чувство напускное».

Может и несознательно, но Тургенев строит конфликт своего романа на том, что человек склонен жить в куче

интеллектуальных помоев - так ему теплее. А в чистоте жить тяжело. Скорее - даже невозможно. Чистота животного – это природа, но человек безнадежно оторван от природы, и его чистота - это пустота, а в пустоте жизни нет. Только оседлав глухую ярость, можно продолжать двигаться в пустоте, пока горячее не закончится. Базарова, разумеется, это никак не умаляет: как и всё подлинное, устремлённость нигилистов в безвоздушное пространство иррациональна, и утилитарная риторика, конечно, никак не объясняет их поведения. Утилитарное мышление – это лишь хлыст, которым они сбивают пену и визгливый пафос с окружающих явлений, расчищая себе путь к пустоте, которая опоясывает мир, как кипучая река Океан.

Как и персонаж романа Тургенева, реальные нигилисты редко жили подолгу. Чернышевский двадцать лет провёл на каторге, приговорённый по сфабрикованному делу о составлении прокламаций, прожил 61 год, но в Петербург так никогда и не вернулся. Добролюбов умер от чахотки в 25 лет, Писарев также провёл 4 года своей жизни в клетке Петропавловской крепости и утонул, когда ему не было и тридцати. Желябова повесили на плацу Семёновского полка в 29 лет, Софью Перовскую - в 27. Одним из ярчайших нигилистов также был Нечаев, создатель революционно-террористической организации «Топор или народная расправа», автор «Катехизиса революционера» - своего рода наставления к духовной жизни монаха-революционера, наподобие «Духовных Упражнений» отца иезуитов Игнатия Лойолы. Вот типичный фрагмент этого текста: «Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью — революцией. [...] Он знает только одну науку, науку разрушения. Для этого и только для этого он изучает теперь механику, физику, химию, пожалуй, медицину». Этот человек невероятной силы, просидев десять лет в тюрьме, распропагандировал за это время всю стражу, чтобы беспрепятственно сноситься с членами партии «Народная Воля», в преддверии покушения на императора Александра. Своей яростью и нацеленностью на действие он напугал даже социалистов всех мастей. Он же, кстати, возмутил и вдохновил Достоевского на создание карикатурного образа Петра

Верховенского в «Бесах». Большевики-коммунисты в своих самых резких и чистых гранях, разумеется, тоже были потомками нигилистов. Например, типичным нигилистом двадцатого века был аскет-революционер Дзержинский, который в молодости готовился стать католическим ксендзом, вместо этого 15 лет жизни провёл на каторге, и впоследствии стал одним из урановых стержней лютого социального реактора молодых Советов.

Коммунисты в начале двадцатого века прошли до завершения путь, который открыли нигилисты. Маркс не ошибался, что деятельность коммунистов призвана довести диалектическое развитие некоторого общественного явления до его конечной реализации, то есть до уничтожения, «снятия», только явлением этим был не капитализм и не рыночная экономика, а сам социум. Общество убили не постмодернисты: паяцы и балалаечники. Оно окончило своё мучительное существование достойно, лязгнув зубами и сверкнув ляжками на прощание. Апостолы нигилисты и их последователи не дали социуму сдохнуть от пролежней, но выгнали его на каменоломни и под пушки. И пока новые апостолы чистоты не придут, чтобы похоронить огромный труп, европейский мир будет киснуть среди разлагающихся останков с честью погибшего социального. Прислушайся к тишине, которую не может зажужжать вялая трескотня городов. Это нигилисты требуют оголения. Здоровое не может вырасти на гнилой почве – так писал Чернышевский.

Судороги современников

Эдуард Лимонов

[из книги "Анатомия героя"]

Вечер закончился тем, что я увязался за Прохановым, дабы он вывел меня к метро. За нами же увязался Дугин в расстегнутом пальто, с длинным шарфом и в мохнатой шапке, съехавшей на затылок. Дугин продолжал недоумевать по поводу того, как "такой человек", т. е. я, оказался среди такого говна, т. е. среди патриотов. Сегодня я понимаю, что он был в своем тогдашнем вакхическом прозрении прав. Во всяком случае, в отношении Зюганова. Проханов, сославшись на какое-то свидание с женщиной, сбежал от нас там, где ул. Герцена пересекает Тверской бульвар. Мы почему-то огибали церковь (где, кажется, венчался Пушкин) и переходили дорогу, когда мимо нас повернула, закрыв нам дорогу, иномарка. Дугин пнул ее ногой, да так, что разбил задний огонь. Иномарка резко затормозила, из нее метнулась крупная фигура и неприятно клацнул затвор: "Стой, гад!" Я обернулся. Человек из иномарки знал свое дело: он стоял, растопырив ноги, вытянув перед собой пистолет, и держал Дугина в прицеле. "А я Эдуард Лимонов!" — вдруг сказал, ничуть не испугавшись, Дугин. И так шаркнул даже ногой и улыбнулся вызывающе. Я был возмущен. "Это я Эдуард Лимонов, — сказал я. — Мой товарищ не хотел, извините нас". (Ну а что еще можно было сказать в этой идиотской ситуации, под дулом?). Человек из иномарки опустил пистолет, воскликнул: "Еб твою мать!", в досаде махнул рукой, сел в машину и уехал.

[из книги "Моя политическая биография"]

В Александре Дугине впоследствии открылось немало неприятных мне черт. Он оказался злопамятен, разрушительен, тотально ревнив, он время от времени обнаруживал, что такой-то и

такой-то украл у него идею. Так было в случае проекта Евразийского Содружества, выдвинутого Назарбаевым. «Это я, я», — утверждал Дугин, хотя он всего лишь читал Трубецкого, Савицкого раньше других. На самом деле он безусловно внёс огромный вклад в популяризацию и евразийства и, впоследствии, геополитики в России. Но он бесосновательно принимает себя за владельца этих идей. Так же, как он некоторое время претендовал на *ownership* национал-большевизмом. Идеи не принадлежат никому, Саша, а если вдруг некая идея начинает отождествляться с именем того или иного человека, то потому, что он сломал себе шею под знаменем этой идеи. У вас никогда не наблюдалось желания или согласия сломать себе шею под знаменем национал-большевизма. Или под каким-либо другим знаменем. Потому удовлетворитесь немалой честью быть одним из отцов-основателей Национал-большевистской партии. Самой интересной политической партии России. И куда она ещё вырвется!

Мания величия Дугина усилена раздувалась его женой Наташей и, возможно, семьёй. Добавляли к этому и «ученики», и даже родители учеников. Помню, на дне рождения Кости Чувашева мать и отец последнего общались с Дугиным по меньшей мере как с пророком, явившимся огласить прибытие Мессии. После нескольких рюмок прорывались и нотки уже мессианского церемониала. /.../

Конечно, Дугин не был доктором чего-либо. Его в своё время вышибли со второго курса Московского авиационного. Неотрашимый и вдохновенный в статьях, Дугин одиноко терялся на телевидении, вдруг становился сухим и неинтересным, заходил слишком издалека — пока он излагал преамбулу, ведущий отбирал у него микрофон. Дугин не вписывался в мгновенные рамки телевидения, в его поверхностную сенсационность. /.../

Для революционера у него не хватило характера. Человек книжный, с очень лимитированным жизненным опытом, Александр Гельевич родился в 1962 году в Москве и выезжал из Москвы считанные разы. Сын мамы-профессорши и папы-полковника, он с самого начала жизни оказался в среде привилегированных. Его капризы и таланты приводили его и в шиздом. Некоторое время он был бардом: хвалился, что написал песню «Пиздец проклятому совдепу». Рано, ещё юношей, познакомился с кружком Евгения Головина, объединявшим таких нестандарт-

ных людей, как Гейдар Джемаль и (до отъезда его в Америку) писатель Юрий Мамлеев. /.../

Когда грянула перестройка — в 1986 году, Дугину было всего лишь 24 года. В 1988 году в чёрной рубашке и с портупеей Александр Гельевич вошёл в совет «Памяти». Предполагаю, что он произвёл там фурор (его затмевал старший учитель и не меньший эрудит Гейдар Джемаль, но Джемаль не русский, ему доверия не было) и вызвал чувство ревности и опасения за своё место у вождя Дмитрия Васильева — «Дим Димыча». Никто больше в «Памяти» таким обширным багажом знаний о фашизме не обладал. Юный Дугин стал читать лекции «памятникам». Посему пребывание Дугина и Джемалья в этой организации оказалось кратковременным. Оба позднее сказали мне, что их заложил Баркашов, якобы записал на кассету злые и нетрезвые высказывания Дугина о Дим Димыче и дал их послушать вождю. Вождь изгнал обоих эрудитов-интеллектуалов из организации. Думаю вся «Память» вздохнула с облегчением. /.../

Издательская деятельность Дугина (я думаю, его издательская продукция, включая его собственные книги, вряд ли превышает 20 книжек) поначалу давала ему значительные средства, однако шоковая терапия Гайдара разорила его в 1992-м, как и многих других дилетантов издательского рынка. Потому он перебивался с хлеба на воду, когда мы с ним познакомились. Квартира, правда, расположена была в элитном центре, три сталинские комнаты. Ползал по паркетам головастый, как дочка Маркса и Энгельса, ребёнок Даша (я тотчас назвал ребёнка «маленький монстр»), у Дугина были редкие книги и компьютер. Сегодня я думаю, что он преувеличивал свою бедность того времени, возможно, ему было неловко передо мной. Ведь у меня вообще ничего не было: ни квартиры, ни прописки, ни общегражданского паспорта. Возможно, после того как я уходил, он с отвращением выбрасывал сардельки в помойное ведро и ел мясо? Шучу...

Егор Летов

[из интервью с Сергеем Жариковым]

Жили мы как-то у Курехина - Дугин, я и Нюрыч. Мы просыпаемся, я открываю форточку, Дугин задумчиво лежит на крова-

ти, спрашивает: "А вот где у нас Омск находится?" Я говорю: "Ну, где: на югах Сибири. Рядом с Казахстаном". - "Казахстан рядом у вас? А что если казахи ветер отравили? Они же могут ветер отравить! Ну-ка, срочно форточку закрой: ветер отравленный!" Причем, на полном серьезе: испугался страшно, начал по комнате ходить. "Казахи, блин, ветер отравили - как же я пойду? Так оно и есть, точно. Я знаю, у них есть камышовые люди. У них есть озеро Балхаш, и там в больших количествах растет тростник, камыш. И там живут тростниковые, камышовые люди, которые никогда не высовываются, только через трубочку дышат". Потом еще подумал, подумал и говорит: "А посередине Балхаша есть огромный остров, где живет гигантский, исполинский кот, которому все они поклоняются". Это курехинские дела, однозначно. Откуда ему еще такое взять? Говорит: "Блин, камыш! Камышовые люди кругом, что же делать? Они же нашествия могут устроить! Это ведь все - нам тогда конец! Если камышовые люди вылезут - и на нас полезут со своим котом! А кот огромный, три метра ростом!"

А. Любимчикова

[из журнала "Эзотерические записки" #12 (2001)]

Конечно, я была шокирована, когда в начале 90-х узнала, что Александр Дугин открыл курсы посвящения. По тем временам это было действительно оригинально.

Первоначальная консультация с самим Сашей [Александром Дугиным -- прим. ред.] проводилась бесплатно и продолжалась от силы несколько минут. На ней посвященный, то есть сам Дугин, определял, к какой касте вы принадлежите. У него имелись какие-то индийские тесты, я уже и не помню, в чем они заключались.

На этой консультации вас могли определить к вайшьям или шудрам, и только к ним. Затем начинались сами курсы. Длились они, насколько я помню, пару недель, одно занятие в два дня. Финалом становился перевод в высшие касты – брахманы или кшатрии. Перевод в брахманы стоил чуть дороже, но ненамного.

А после этого Дугин проводил посвящение. Здесь уже речь шла о совсем других деньгах. Посвящение делилось на два этапа:

малые и великие мистерии. Малые мистерии проходили и кшатрии и брахманы. К великим мистериям допускались только брахманы. Однако если у кшатрия появлялось желание пройти и великие мистерии, за небольшую плату он мог сменить касту.

Вначале желающих было немного, но, тем не менее, они сразу нашлись. И дело Александр организовал хорошо: со временем к нему приходило все больше людей. Правда, вскоре он снова увлекся политикой, примкнув к группе Эдуарда Лимонова, и свои курсы бросил.

Около полугода их поддерживали какие-то энтузиасты из Дугинских выпускников. Продолжали переводить людей из низших каст в высшие, но вот посвящения, особенно великие мистерии, им плохо удавались, и курсы пришлось закрыть.

Саша тогда переживал из-за них, но скоро политика увлекла его с головой.

Дмитрий Галковский

[из статьи "Евразийская злыдота Дугина"]

О молодых годах Дугина известно мало. Родился в 1962 году в семье секретного генерала ГРУ, специалиста по тайнам оккультного рейха. Поступил в МАИ, за неуспешность был выгнан с первого курса. Дальше психушка, самообразование, «поиски» в диссидентском притоне на Южинском переулке – вотчине писателя-мистика Мамлеева и фашиста-переводчика Евгения Головина.

Однако ранняя история Дугина такая же легенда, как мемуары Горького, сто лет повторяемые слово в слово и не имеющие никаких документальных подтверждений. Например, скупые рассказы Дугина о секретном отце выглядят очень завлекательно, только Гелий Александрович занимался вещами гораздо более прозаическими. Например, свою кандидатскую диссертацию он защитил по следующей «эзотерической теме»: «Правовые и организационно-тактические основы применения технических средств таможенного контроля в борьбе с контрабандой и нарушениями таможенных правил».

Ранняя молодость Дугина была вполне стандартна для людей его поколения: закос от армии при помощи симуляции психиче-

ского расстройтва, затем полубезделье на низкооплачиваемой должности в библиотеке и характерный для людей его судьбы и его круга стеб.

Поэтому люди, которые сейчас описывают, как молодой Дугин вместе с молодым Гейдаром Джемалем собирался бежать в Ливию, не представляют, о чем говорят. Надо понимать, кем был Каддафи в поздние 70-е и ранние 80-е. Жизнь в Москве была скучная, бледная. Любой прикол воспринимался окружающими с благодарностью, рассказчик анекдотов мог сделать карьеру. На этом фоне «рухнама» Каддафи, начинающаяся с тезиса: «Мужчина – человек. Женщина – тоже человек», шла на ура. Какой уж тут, прости Господи, «побег в Ливию».

Не случайно впоследствии Дугин подружился с Сергеем Курехиным – автором легенды о «Ленине грибе» и режиссером фильма «Два капитана два», положившего начало сталинистскому идиотничанию, закончившемуся сначала смертью самого Курехина и его дочери, а затем «Норд-Остом». Есть вещи, которыми не шутят, и есть времена, непригодные для шуток. Дугину это было так же неведомо, как Курехину. После его смерти он поместил в своем «евразийском» журнале поддельное интервью, в котором Курехин признавался в любви к фашизму и национал-большевизму. Вне всякого сомнения, сам Курехин, умри Дугин раньше его, отчебучил бы что-нибудь подобное.

Нетрудно заметить, что и по сути, и по несерьезному характеру своих заявлений Дугин как две капли воды походит на Лимонова. Неудивительно, что некоторое время они плескались в одной и той же лужице протопартийного бульона, по соседству с мистификатором Жариковым и еще неоперившимся Владимиром Вольфовичем Жириновским. Но вскоре союз распался. Пловцы сильно отличались друг от друга, и Дугин отличался ото всех в наибольшей степени. Дело в том, что по своей сути Дугин – скучный мещанин. Дугинщина – это литературный стеб домашнего мальчика, основанный на механическом соединении устаревшего «евразийства» с современной западной массовой культурой.

На выходе получается подростковое «отрицалово» и пластмассовые страшилки для домохозяек. Именно из-за свойственной мещанским детям аккуратности Дугин честно пытался быть гомосексуалистом и сумасшедшим. Но у него ничего не получи-

лось. Получилась размеренная семейная жизнь с двумя детьми, заунывные лекции в официальных СМИ и подростковая «литература» – с картинками и без претензий. «Без претензий» – это когда пафос разоблачения идет по накатанной коммерческой колее. Если инопланетные человечки, то обязательно зеленого цвета; если Германия, то обязательно «Аннэнербе»; если предсказатель, то Нострадамус; если тайная организация, то тамплиеры; если альтернативная историческая концепция; то конспирология. Туркменистан – «солнечный», хлопок – «белое золото», Волга – «впадает в Каспийское море». Тираж книги 5000 экземпляров, за все тайны и секреты цена 98 рублей.

И тем не менее глубокая андеграундность у Дугина и его писаний есть. Только это не его заслуга, а заслуга общества, в котором он прилежно живет.

В конце концов Дугин на основе своего объединения «Арктогея» создал небольшую, но реально финансируемую Евразийскую партию, имеющую провинциальные организации в большинстве регионов России. Партия декларирует безоговорочную поддержку Кремля по всем вопросам, стремится занять место в политическом истеблишменте. Сам Дугин, с благообразной бородой и в солидном пиджаке-галстуке, с утра до ночи говорит свое мещанское «Волга впадает в Каспийское море» в телеэфире. Казалось бы... Но интересный факт – в руководство партии, кроме вездесущих генералов, входят раввин, мулла и... поправитель. Сам Дугин после поисков себя в оккультном мистицизме перешел в старообрядчество. Сбрендил? Никак нет. Его поведение вполне закономерно.

Александр Дугин Демократия против системы²¹

"Демократия" как соучастие

Одно из самых точных и полных определений демократии дал немецкий философ и публицист Артур Мюллер ван ден Брук. Оно таково: "Демократия есть соучастие народа в своей собственной судьбе". Именно эта формула, быть может, точнее всего определяет дух демократии, который не сводится (исторически и теоретически) ни к организации референдумов, ни к парламентаризму, ни к системе выборов. Там, где есть истинная демократия, народ во всей полноте ощущает свою вовлеченность в решение важнейших политических и социальных задач, там он видит, что на вершине власти проблемы ставятся точно так же, как и во всех слоях общества, там он полностью испытывает ни себе все благородное бремя политической ответственности, и любой выбор для него сопряжен душевным и физическим риском (что наделяет подлинно демократическое общество живым, активным и полноценным существованием). Все это предполагает предельную, тотальную политизированность народа, так как термин "власть", входящий в определение "демократии" (дословно "народовластие"), означает именно политическое воплощение общественной воли. Эта тотальная политизированность демократической модели общества радикально отличает ее от других форм политического устройства, где функции власти и соответственно принятие политических решений могут быть прерогативой особых социальных групп, уполномоченных для осуществления политического выбора. Так дело обстоит в недемократических — монархических, аристократических, тоталитарных, партитократических, теократических и других государствах.

Недемократические режимы могут позволить большинству народа пребывать в деполитизированном состоянии, так как закрепление политических полномочий за определенными политическими группами дает возможность большинству общества сосредоточить свои усилия в иной, неполитической, сфере — в

²¹ Перепечатано из журнала "Элементы" №5, Москва, 1998.

экономической, административной, наконец, религиозной или культурной. Демократия, со своей стороны, требует как обязательное условие полной вовлеченности народа в решение политических проблем. Право иметь свое собственное мнение становится в демократических режимах также обязанностью. Так как "власть" в демократическом обществе принадлежит "народу", т.е. всему народу, взятому как нечто качественно единое, цельное, то, если народ откажется или отстранится от исполнения своих политических функций, неминуемо грянут социальная катастрофа, анархия, хаос.

"Замок" Системы

Совершенно очевидно, что современные западные страны Европы и Америки, а также находящиеся в настоящий момент в переходном состоянии бывшие социалистические государство никоим образом не соответствуют критериям подлинности демократии, так как во всех них без исключения не соблюдается самый основной ее признак — нигде "народы не соучаствуют в решении своей собственной судьбы". Это проявляется в том, что политическая атмосфера в условно "демократических" обществах основана на отчуждении народа от власти, на отвлечении его от решения главных идеологических, нравственных и политических проблем, на тоталитарном диктате "сверху" социальных нормативов, возведенных в ранг необходимой модели общественного поведения. Закономерно, что даже в шоу-выборах участвует все меньший и меньший процент избирателей, и при этом все большее число людей отдает свои голоса за экстравагантные мистико-политические объединения типа "партии трансцендентальной медитации" (см. подробный анализ этого феномена в "Monde diplomatique" N 470 1993 год). Вся политизация этих обществ сводится в лучшем случае к подсчету социально-экономической выгоды, которую конкретный избиратель сможет извлечь из победы того или иного кандидата, а в худшем случае этот выбор определяется большей или меньшей навязчивостью и заразительностью рекламных роликов в избирательной кампании. Партии навязываются избирателям так же, как никому не нужная жевательная резинка в агрессивно дурацких клипах. При этом народ рассматривается псевдо-"демократиями" как чисто количествен-

ных конгломерат статистических индивидуумов, объединенных общим знаменателем — социально-экономическим эгоизмом и простейшим набором первичных психо-биологических инстинктов (на них, собственно, партии и воздействуют в предвыборных компаниях). И уже, естественно, ни о каком мировоззрении, ни о каких социальных и политических идеалах здесь не может быть и речи.

Такое устройство общества, названное крайне левым философом и активистом "ситуационистского интернационала" Ги Дебором "обществом спектакля", давно уже было разоблачено не только как недемократическое, но как антидемократическое, т.е. основанное не на соучастии народа в политике, но на прямо противоположном принципе — на отчуждении народа от власти, от политики. Критики такого общества дали ему в 60-е годы емкое и точное название "Система". Система — это общее понятие, определяющее не конкретную модель общества, не конкретный государственно-политический строй, но некий специфический дух отчуждения, с неизбежностью воцаряющийся тогда, когда отношения народа с властью становятся настолько усложненными и запутанными, что большинство общества полностью утрачивает возможность наблюдать реализацию своих чаяний и своего выбора на уровне принятия кардинальных политических решений. При этом современная "Система", в отличие от прежних общественных типов, использует в деле узурпации у народа властных полномочий не прямое насилие и не апелляцию к традиции (как это имеет место в деспотических и традиционных обществах), а сложный механизм обмана, лицемерия-фарисейства, лести и манипуляций. Одно из высших проявлений этой стратегии социальной лжи заключается в том, что термин "демократии" применяется именно к тем социальным режимам, где "власть" принадлежит народу в еще меньшей степени, чем где бы то ни было в другом месте.

Современная "Система", "общество спектакля", стремится скрыть за гигантским социальным шоу с выборами и референдумами истинную правящую элиту, которая и принимает все основные политические решения, но не явно (как в аристократическом или тоталитарном обществах), а тайно, представляя свой выбор и свое решение в качестве всеобщего решения, всенародного выбора. Дело здесь, конечно, не сводится к вульгарной под-

тасовке результатов выборов (хотя многие не брезгают и этим). Чаще всего желаемый результат достигается более изощренными средствами — спецификой постановки вопроса, косвенной и постоянной пропагандой средств массовой информации, навязчивым внедрением определенных общественных и идеологических клише, авторство и источник происхождения которых никогда нельзя точно установить. Идеальный образец "Системы" описан в знаменитом романе Кафки "Замок", где отношения между населением деревни и недоступным замком на холме приобретают гротескный, чудовищный и иррациональный характер, где, пожалуй, самым наглядным образом проявляется вся полнота и весь трагизм отчуждения.

"Замок" смещается справа налево

Термин "Система" и соответствующая ему концепция имеют очень интересную политическую судьбу. Впервые это было сформулировано французскими Новыми Левыми в начале 60-х. Тогда неомарксисты, экзистенциалисты, фрейдисты, сюрреалисты и т.д., разработали теорию "Системы", вскрыв, как им казалось, "фашистское", "крайне правое", "садистическое" содержание окружавшего их буржуазно-капиталистического общества, прикрывающегося "демократическими" лозунгами. Для Новых Левых все социальное зло состояло в том, что буржуазные отношения фальсифицируют соучастие народа в его собственной судьбе через экономическое угнетение и эксплуатацию, завуалированную в социальные, информационные, психологические и эстетические формы. "Система" отождествилась у них с фигурой крупного капиталиста, "буржуа", обманывающего народы, чтобы увеличивать свое состояние, свою власть и свое могущество. Самые радикальные Новые Левые доходили до утверждений, что всякое ограничение, всякая граница являются "насилием и фашизмом". (Известна в этом отношении максима Ролана Барта — "Язык — это фашизм", основанная на том, что слова имеют строго определенный смысл, а следовательно, "деспотически" ограничивают "свободу" личности понимать под ними все, что хочется!) Если неомарксистское и фрейдистское, одним словом, "левацкое", "гоцистское" толкование "Системы" и было довольно сомнительным, то, напротив, "дух" западной демократии был

схвачен здесь довольно точно, и разоблачения манипуляций "Системы" были убедительными и обоснованными. Однако Новые Левые не смогли достаточно достоверно описать истинную природу той "скрытой элиты", которая стоит в центре управления современной "Системой", хотя при этом роль крупного капитала и международных финансовых корпораций была вскрыта и доказана.

С конца 70-х, после прихода к власти во многих европейских странах "левых" партий, "левацкое" разоблачение "Системы" значительно потускнело, так как пришедшие к власти "левые" сами использовали многочисленные лозунги и клише, характерные для "антисистемников". В этот период произошла и переориентация многих бывших "революционеров" на "эволюционную", "реформистскую" тактику. Характерно, что изменилось и общее отношение к США, оплоту того, что ненавидели ранние Новые Левые — к идеальному воплощению общества "Системы". С этого момента в авангарде борьбы с "Системой" оказались Новые Правые. Для них антидемократизм "Системы", сущность отчуждения в ней заложенного, проявлялись не столько в социальном, сколько в национальном аспекте. С точки зрения Новых Правых, "Система" виновата не в "фашизме", а напротив, в "антинационализме", так как она, не признавая национальной идентичности наций и народов, нивелируя их, уничтожает то, что составляет базу "демократии" — "народ" как качественное, духовное, историческое единство. Космополитизм, универсализм и их носители стали для Новых Правых тем "теневым лобби", которое, по их мнению, управляет "Системой" и стремится как можно больше укрепить ее могущество.

И наконец, в самый последний период политической истории, после краха социалистического лагеря, понятие "Системы" вообще перестало быть достоянием "правых" или "левых". Капитализм и космополитизм слились в один универсальный феномен, получивший название "рыночной идеологии", "либерализма". Дух отчуждения достиг здесь своего апогея, своего максимума. Все социальные манипуляции, разоблаченные "левыми", окончательно слились с антинациональными манипуляциями, вскрытыми "правыми". "Система" стала приблизительно одной и той же как на Западе, так и на Востоке.

Итак, "Система", а равно и ее немногочисленные, но радикальные противники, перестала соответствовать какой-то одной, "левой" или "правой", политической ориентации, произошло слияние этих обоих компонентов. Это означает, что "теневая элита", скрытая за фасадом "общества спектакля", может быть определена одновременно как капиталистическая (тезис Новых Левых) и антинациональная (тезис Новых Правых), причем обе эти характеристики являются фундаментальными и нераздельными. Можно сказать, что во главе кафкианского "Замка" соучаствуют мировая финансовая верхушка и идеологи планетарного космополитизма. Любопытно, что именно в последний период, соответствующий слиянию антисистемных идеологий — правых и левых, США выдвинули концепцию "Нового Мирового Порядка", где центральными стали именно эти два компонента — капитализм и космополитизм. Парадоксально, что именно такой тип социального планетарного устройства, максимально удаленный от "демократии" как "соучастия народа в своей собственной судьбе" (ведь "бремя" власти в "новом Мировом Порядке" берет на себя финансовая и космополитическая "элита", основывающая свою никем не делегированную власть на диктатуре североамериканской военной мощи), нагло и цинично присвоил себе титул "демократии".

Странное пояснение Макса Брода

В одном из изданий "Замка" Кафки есть послесловие его друга - известного немецкого литературоведа Макса Брода, который был одновременно видным сионистом и вторую половину своей жизни провел в Израиле. Это послесловие поражает тем, что дает совершенно неожиданную трактовку всего смысла, всей атмосферы романа. Перед читателем еще стоят чудовищные, inferнальные картины скитаний землемера К. по изнуряющим лабиринтам абсолютной, но совершенно иррациональной Власти таинственного Замка — скитаний, в результате которых он полностью теряет все личные стремления и порывы, доходя до предельной степени отчуждения, от себя самого, от своей сути (и так, в точке максимума отчуждения, он и умирает) — а в комментариях Макса Брода вдруг ошеломляющее откровение: речь шла, по мнению критика, об аллегории специфически еврейского, иу-

даистического и даже каббалистического понимания Закона (Торы), который открывается ортодоксальному верующему как непостижимое и совершенно отчужденное от индивидуума хитро-сплетение божественного кодекса. Согласно Макс Броду, речь в романе идет об иудаистском понимании сакрального, причем не пародийном, карикатурном или гипертрофированном, но — ортодоксальном, классическом, нормальном и нормативном. Бездна, отделяющая тварь от творца в иудаизме, непреодолима, и даже "избранные", (т.е. "иудеи") могут претендовать лишь на трагическую констатацию тщеты всякого человеческого порыва к разгадке логики Потустороннего, Божественного. Таким образом, "Замок" у Брода становится не образом "общества отчуждения", но символом "еврейского мировоззрения", талмудического видения структуры Вселенной, абсурдизированной и обезжизненной за счет удаленности от нее ее Создателя, открывающегося "своему народу" лишь через совокупность строгих и недоступных пониманию предписаний, образующих парадоксальные лабиринты "Закона", где "милость" (хесед) и "строгость" (тебура), сменяют произвольно друг друга вопреки всякой логике.

Если мы соотнесем все эти неожиданные откровения знаменитого критика и знатока каббалы и талмуда с тем, что было сказано о принципе "Системы", основывающейся на отчуждении, станет очевидным, что сама оценка "Системы" (а значит, и социального отчуждения) как откровенного зла является такой же неоднозначной, как понимание выразительного романа Кафки. Одни искренне и естественно видят в этом максимум Зла, безысходности, эксплуатации, сокрытия истины, свободы, справедливости, а другие, напротив, столь же искренне и естественно, полагают, что речь идет о наиболее справедливом и верном мироустройстве и мировоззрении, об органичном и последовательном применении к социальному уровню догмы "радикального монотеизма", предполагающего как следствие фундаментальную исключенность человека и общества из мистерии спасения, преображения, "обожения". Продолжая эту аналогию, можно сказать, что, если для одних преступление против истинной, органической "демократии", "отчуждение народа от власти", его деполитизация, циничное манипулирование им ради неясных целей "скрытой элиты" есть откровенное "насилие над человеком и нацией", "несправедливость", "тирания", "диктатура", то для других

то же самое вполне допустимо", "оправданно" и даже "необходимо", так как это органическое единство народа, над которым осуществляется социальное насилие, не несет никакой ценностной нагрузки, не содержит никакого духовного или теологического позитива.

Если взять "Замок" Кафки как литературно-символический аналог "Системы", то мы сможем лучше понять, каким мировоззрением должны обладать те представители "скрытой элиты", которые не только используют антидемократическую модель "Системы" в своих корыстных целях, но и "сакрально" оправдывают ее, придают ей "теологическое" обоснование.

Перемены, которые ничего не меняют

Вряд ли следует специально доказывать, что посткоммунистическая власть в России никак не может соответствовать названию "демократии" — ни о каком "соучастии в своей собственной судьбе" русского народа, естественно, не может быть сегодня и речи. Типичное "общество спектакля", — с балаганными референдумами, предвыборными шоу, бессмысленной псевдополитической сутолокой у микрофонов и телекамер — наскоро смонтировано в России по средним западным стандартам. Лишь русская стихия и отсутствие достаточного технического опыта у манипуляторов придает всему гротескный, шутейный характер. Но дух отчуждения, витающий над страной, — это всерьез. Ни власть, ни растерянная оппозиция не выражают даже приблизительно того, что хочет и к чему стремится нация, сама потерявшаяся и остолбеневшая после молниеносной смены общеобязательных социальных догм. Быстрота и поспешность идеологических перемен, затеянных и осуществленных тенью "группой", цели и мотивы которой до сих пор остаются совершенно неизвестными даже для специалистов-политологов, свидетельствует о предельном равнодушии, даже о презрении к тому, что можно назвать подлинными "демократическими принципами". В последние периоды "советского общества" народ также безмерно удалился от политики, задремал, отделенный от власти километрами партийных коридоров. Но встряхнув его, "скрытая элита" лишь установила режим еще более циничный и жестокий, в кото-

ром у народа была отнята последняя возможность мирно и согласно дремать, кивая.

Народ не только не спросили, а чего, собственно, он хотел бы в результате перемен и какие перемены ему вообще нужны. Ему грубо навязали совершенно новую и не из чего не следующую либерально-рыночную догму, а те "демократические" формы решения, которые все же ему внешне были предоставлены, легко приравнивались к нулю, когда "Системе" это было необходимо.

В сущности, если "Система" как общая концепция не является ни "правой", ни "левой", если "скрытая элита", стоящая за сменяемыми внешними вывесками, руководствуется больше "мировоззрением", описанным Кафкой и прокомментированным Максом Бродом, нежели логикой обычных, внешних политических идеологий, то станет совершенно понятным то чувство, которое многие простые русские люди испытывают сегодня: "ничего так и не изменилось", "обновления не произошло", "никаких реформ нет и в помине", "это все обман правящей верхушки" — "Система", действительно, осталась все той же. Те же секретари обкомов отдают глуповатые распоряжения, те же мафиозные проходимцы из олигархии советской культуры задают нравы, даже те же цензоры судят тех же непокорных литераторов, что и раньше. Патологически скучный "Ленинский Университет Миллионов" незаметно перешел в "Поле Чудес", проделав путь через наспех и грубовато слепленный "Взгляд". Когда бывший член Политбюро с экранов пугает "букой" коммунизма — отвратительный вампирический лик "Системы" предстает перед нами во всей своей наглой иррациональности. Герои "Замка" у Кафки подвергаются подобным же испытаниям абсурдом — таким путем в них уничтожается доверие своим собственным воспоминаниям, чувствам, переживаниям, ощущениям, таким путем их отучают доверять самим себе и полагаться на себя даже в самых простых бытовых вещах. "Ведь этот же самый человек еще совсем недавно говорил прямо противоположные вещи!", — удивляется тот, кто еще недостаточно усвоил терапию "Системы". "Да нет, — поправляет более продвинутый в медиакратическом лечении, — он это говорил всегда". Оруэлл определил этот метод следующей формулой: "Кто управляет настоящим, управляет прошлым, а кто управляет прошлым, управляет будущим".

Но дело не только в том, что власть рыночников является прямой наследницей доперестроечной "Системы". Оппозиция также очень далека от подлинно "демократических" принципов. Не ставя под вопрос фундаментальных основ, на которых стоит "Система", часто поддаваясь на ложные вызовы и выбирая между ложными альтернативами, по инерции бюрократически не понимая свой народ и обладая типично советским невежеством относительно реальной политической истории наций и государств, оппозиция подчас невольно подыгрывает "Системе", отвлекает внимание на пустяковые проблемы, создает новые барьеры между людьми и властью. Почему-то поверив наглой демагогии рыночников относительно "демократии", оппозиция стала на "анти-демократические" позиции, лишив тем свои тезисы логической последовательности и идеологической состоятельности. Чтобы понять и услышать волю народа, надо обладать изысканным, тонким слухом. Чтобы осуществить его чаяния, надо обладать огромным мужеством, титанической силой и героической жаждой Преодоления.

Если оппозиция будет лишь довеском "Системы", как это сегодня происходит повсюду в странах, где "Система" стабильна и устойчива, ей придется рано или поздно исчезнуть вместе с Центром.

Пожар Демократической Революции

Когда на месте землемера К. из кафкианского "Замка" оказывается не "ортодоксальный иудей" (о котором говорил Макс Брод), видящий в иррациональном давлении "Системы" лишь подтверждение превосходства Божественного над человеческим и примиряющийся с непознаваемой произвольной иерархией темных хитросплетений отчужденной власти, а человек другой нации, другой традиции, то его естественным и вполне оправданным желанием рано или поздно будет взять и разрушить сам фундамент высящейся на холме серой громады зловещей постройки. То же справедливо и для народа. Если народ здоров, и если его духовная традиция отлична от той версии "иудаизма", в рамках которой "Замок" находит свое теологическое оправдание, то его единственным ответом на деспотизм Отчуждения рано или поздно станет Народная Революция, ведущая к Справедливости и

подлинной Демократии. Часто это не происходит, задерживается — или потому, что на нацию осуществляется физическое давление какой-то посторонней, оккупационной силы (но тогда неизбежна национально-освободительная борьба), или потому, что она не является однородной, т.е. волевой импульс одной национально-культурной составляющей блокируется волевым импульсом другой национально-культурной составляющей. Но и в этом случае может наступить либо этническое деление (и затем уже подлинно Демократическая Революция), либо слияние воедино нескольких волевых импульсов перед лицом общего врага — "Системы", убийцы нации.

Сегодня "скрытая элита" "Нового Мирового Порядка" определилась однозначно как капиталистическая и космополитическая сила. Причем сущность этой силы в ее полной противоположности базовой идее "демократии", ведь она подавляет народы и лишает их возможности править самими собой, т.е. "соучаствовать в их собственной судьбе". Нет также ни малейших сомнений в том, что "рыночная" неологика, а равно как и последние советские руководители, передавшие ключи от механизма управления "Системой" новой группе антидемократических манипуляторов, являются составной частью мондиалистской паутины "Нового Мирового Порядка", послушными и безотказными, как густо смазанные долларовой прикормом шестеренки. Эта власть — власть "Системы", власть тиранов, деспотов, диктаторов, облаченных в циничные "гуманитарные" робы ряженных "демократов" из "общества спектакля". Эта власть "всемирных каменщиков", заканчивающих возведение своего иррационального "Замка", зловещего строения, в котором и им самим подчас становится жутко, даже при мимолетной догадке о том, чей дворец построен их усилиями.

У народов же есть свой собственный путь. Это — путь неповиновения "Системе", силам "Нового Мирового Порядка", "теневой элите", ее наймитам и провокаторам. Воля к истинной Демократии выше, чем оппозиция. Она чиста, идеальна. Ее нельзя подделать или извратить, так как в ней все определяет страстный порыв, мужественное действие, непокорное и прекрасное стремление к "Пылающей Справедливости" (А. Рембо), к Свободе, к Политике, к Власти, к античному "соучастию в своей собственной судьбе", в судьбе своего священного народа...

Александр Дугин и Александр Лаэртский Четвертая группа крови²²

Дугин: У нас в обществе совершенно, мне кажется, неправильно поставлен расовый вопрос. У нас не любят почему-то невинных людей, таких, как евреи или кавказцы. В каком-то контексте и те и другие - замечательные люди, когда они оказываются в своей среде, когда они исполняют национальные танцы, едят национальную пищу, тогда они открытые, милые люди. Но у нас совсем не проработана проблема некой внутренней, совершенно несводимой, непримиримой оппозиции между великороссами и малороссами. И эта вещь просто чудовищна, мне представляется, потому что настоящий заговор — не еврейский заговор и не кавказский, такие теории — сущая ерунда в сравнении с заговором малоросским. Малороссия, которая ведет тайную войну против Великороссии, И вот они маленькие, Малороссия, и они хотят умалить великороссов. Они ненавидят великороссов, потому что они малороссы, а это великороссы, они отказываются называть себя малороссами и гордо говорят, что «мы хохлы», и отказываются называть нас великороссами, говорят, что «они москали». И вообще, они выстроили такую модель, очень похожую на нас. Не отличишь. Фамилии, внешности — у них нет специфических национальных отличий, ни носов, ни танцев, ни своей пищи, кроме сала и селедки.

Лаэртский: Нет, у них папаха есть, гопак. Еще пояс есть, кушаком вроде называется.

Дугин: Это лучшие представители Малороссии. А самые страшные малороссы от великороссов абсолютно ничем неотличимы. У них нет никаких национальных, ни внешних, ни внутренних признаков, но они по духу, по своему метафизическому статусу именно малороссы. Они видят Россию какой-то маленькой, гадкой, они ненавидят нас и все время желают нам зла. И вот эти малороссы являются самым страшным расовым врагом великороссов. На них надо бы обратить внимание, на их бесконечную подрывную деятельность на протяжении всей русской истории,

²² Фрагмент радиопередачи "Монморанси" от 26.04.1998.

на их тайные общества, которые они формируют вокруг своей гаденькой идейки.

Лаэртский: Но с другой стороны, это и мощная инъекция для повышения иммунитета великороссов. Не следует обращать внимание на эти их самовозбуждающие действия. Представьте, ведь они дальше пойдут, узнав, что на них обратили свое внимание великороссы. Они подумают: о, значит, мы не кучка каких-то говнюков, с позволения сказать, ну мы им сейчас - и как хлынут к нам. То есть мы дадим им, как следствие, приток новых рекругов. Нужно ли это?

Дугин: Вообще говоря, стоит эту тему вынести в центр внимания... Мы живем все-таки в открытом обществе, как сказал Джордж Сорос, и мы стремимся к нему, к открытому обществу. Я считаю, что политически некорректно игнорировать эту проблему. Вы правы, что тактически, может быть, следует не замечать этих отщепенцев, но, с другой стороны, нельзя и хранить молчание. Говорить о них и разоблачать их - это действительно означало бы придавать им новый онтологический статус. Но и не замечать, игнорировать их - это тоже крайне опасно, потому что их маленькая адская компания будет хватать нас за пятки - они постоянно нас щиплют, пытаясь оторвать от нас маленькие фрагменты. Малороссы - это такое, в принципе, человеконенавистническое и очень гадкое тайное общество, со своими протоколами малоросских мудрецов.

Лаэртский: Интересно, как у них передается эта ненависть, есть ли там элемент какой-то генетики? Или рождается грудничок, который, естественно, ненависти не помнит никакой, потом эту ненависть ему внушает мама, и у него начинает просыпаться генетика? А если мама ему ничего не будет передавать, вполне возможно, что и раса, и национальность роли играть не будет.

Дугин: Знаете, есть такая парадоксальная наука, называется сериология. Когда я делал сериал про фашистов и готовил новые серии, я столкнулся с этой наукой, сериологией, - это шарлатанская наука, это псевдонаука, не соответствующая никакой реальности, но от этого ее ценность только увеличивается, на мой взгляд. Потому что если наука будет отвечать реальности, это будет банальность, а не наука. Обратите внимание, все наиболее интересные научные открытия утверждают: все, что человек видит, - это неправда. Например, идея, что все состоит из атомов.

Наука утверждает то, что человек не видит, не понимает и не знает. То есть смысл и содержание всякой науки - это не говорить банальные вещи, а говорить, наоборот, небанальные вещи. Это в каком-то смысле ревизионизм реальности. Это утверждение, что реальность не такова, как нам кажется. В этом, на мой взгляд, такой нерв науки. Так вот, наука сериология - это наука о группах крови. Есть четыре группы крови: первая, вторая, третья и четвертая. Все нормальные люди, включая африканцев, индусов, китайцев, имеют в основном первые три группы крови. Первая, вторая - это европейские и индейские группы крови. Азиатская и африканская - третья группа крови. Большинство человечества принадлежит к этим трем группам крови, между ними нет особенного, явного различия - это все нормальные люди. Но есть четвертая группа крови, ее происхождение наиболее загадочно, и ее носители отличаются самыми странными качествами, то есть они миноритарны, такое *human minority*. Ну так вот, поразительно, что есть два этноса, у которых эта четвертая группа крови колоссальным образом распространена: это айны в Японии и украинцы. Вот это действительно странная закономерность. Я думаю, что все три группы крови хорошие, а эта четвертая — какая-то антигруппа, я не знаю айнов, с ними не сталкивался никогда, их осталось где-то несколько тысяч, и они не представляют никакого вреда. Даже если бы они захотели со своей четвертой группой крови спровоцировать разложение Японии, я думаю, им бы уже по количеству состава это не удалось, но доминанция четвертой группы крови в среде малороссов — вот это мне представляется как крайне опасный синдром.

Лаэртский: А резусность играет какую-то роль? Ведь там бывает положительный и отрицательный резус.

Дугин: Вот четвертая группа крови, кстати, не переливается, если ее перелить человеку с другой группой, то он становится просто другим. Она всеми отторгается и сама всех отторгает, вообще, это какая-то странная группа.

Лаэртский: Субстанция даже. Мы рассматривали под микроскопом, и там все тельца крупнее в два раза практически.

Дугин: Это очень загадочная группа крови, и можно поставить вопрос такой — а вообще кровь ли это, собственно говоря?

Лаэртский: Меня тоже терзают сомнения, что интересно - действительно, она появилась не так давно. Медицине известны первые три группы еще на рубеже восемнадцатого века...

Дугин: Даже ближе к девятнадцатому веку стали исследовать эти вещи, систематизировать их. А четвертую группу действительно открыли позже всех, и даже не факт — открыли ли ее по-настоящему. Потому что есть лишь такое понятие - четвертая группа крови. Но кто эту кровь видел?

Лаэртский: Может, чтобы утешить, потому что нельзя сказать человеку — слушай, в тебе не кровь течет вовсе. А медики успокаивают — в тебе кровь, но только четвертой группы.

Дугин: Возможно, так, из гуманистических соображений.

Лаэртский: И из врачебной этики.

Дугин: Но, вообще говоря, поскольку мы строим открытое общество, можно было бы наплевать на этот момент и сохранить всю конструкцию неприкосновенной, если бы не тот колоссальный исторический негатив, связанный с малороссийским заговором, который вредит нашей замечательной Родине и нашему прекрасному народу на протяжении многих веков.

Лаэртский: Приходит большое количество сообщений на наш пейджер, и я позволю себе часть из них зачитать: «Если вы не обладаете достаточными медицинскими познаниями, почему вы позволяете себе, геополитику, рассуждать о столь серьезных вещах? Думаю, что если сегодня вас слушают медики, то у них волосы становятся дыбом. Будьте аккуратны в определениях. Откуда такое неуважение к человеческой анатомии?» Подпись — врач. Что мы на это ответим?

Дугин: Я объясню. У меня, честно говоря, нет уважения к анатомии. И знаете почему? В первой половине послания врача уже есть объяснение почему. Я действительно геополитик. Я оперирую большими категориями, категориями пространства — хартленд, римланд, мировой остров, континент Евразия, атлантизм. Надо поддерживать свой профессиональный уровень, постоянно читать книги, касающиеся геоэкономики, структурных трендов, изменения плавающих материковых границ, - и вот на этом фоне плавающих границ и трансформации континентов, безусловно, фактор человеческой анатомии не только теряется, но кажется таким незначимым, потому что в таком глобальном представлении кажется, что анатомию легко заменить, или отме-

нить, или переделать, какая еще анатомия? Я оперирую в своей профессиональной деятельности глобальными цифрами, то есть не просто один младенец, а все младенцы мира, или не один человек со своей анатомией, руками и ногами, а двести пятьдесят миллионов рук или пятьсот миллионов глаз, то есть это приблизительно то, что составляет минимальный объект геополитического интереса. Здесь разные градации, разные масштабы. Врач рассматривает зубы, яблоки... Знаете, я однажды был в Калуге...

персонажи

Александр Донов Именинник

Однажды, на каком-то мероприятии, одна симпатичная знакомая пригласила меня на свой день рождения. Конечно, я пообещал прийти и даже какое-то время обдумывал, что же ей подарить.

Каждый раз, когда мы встретились после этого (а мы виделись еще несколько раз, но девушка не напоминала о приглашении), я представлял вечер ее дня рождения: очаровательная виновница торжества (планировалось, что я буду ее кавалером), несколько элегантных гостей, приглушенный свет, ненавязчивая музыка и легкое вино, может быть, медленные танцы. В какой-то мере я даже ждал этого дня.

В назначенное время я позвонил имениннице, уточнил, ничего ли не изменилось, взял заранее купленный подарок и вышел из дома. Был вроде бы конец зимы. Ехать предстояло на другой конец города. Я забрался в автобус и задремал.

Минут через десять я очнулся. За окном шел мокрый снег. Автобус ехал по хорошо знакомому маршруту, все как обычно было в меру серо и терпимо уныло. От остальных пассажиров я отличался разве что начищенными туфлями да свертком с подарком. До предполагаемого места веселья оставалось ехать еще полчаса.

На остановке женщина с коляской неуклюже пыталась развернуться и протиснуться в дверь, я с интересом наблюдал за ней. Вдруг какая-то бабулька прямо на ухо начала меня журить, что это я не помогу новоиспеченной мамаше. Я смутился, встал со своего места, вышел из автобуса и помог вынести коляску. Молодая мамаша отблагодарила меня, не удостоив даже взглядом, а просто буркнув под нос, что я настоящий мужчина. Я попытался обойти коляску, но в этот момент автобус закрыл двери и уехал.

Разумно рассудив, я решил, что время в запасе еще есть и я не спеша смогу дойти до следующей остановки, заодно избавить голову от лишних мыслей.

Я двигался по большому проспекту, чавкая начищенными туфлями по снежной жиже, когда у меня зазвонил телефон.

- Привет, - сказали мне в трубку. - Когда ты будешь? Гости уже собрались.

- Да? - удивился я. - Скоро буду.

Неожиданно я понял, что автобус уехал вместе с моим подарком. Я прикидывал, что же делать: отправиться без подарка или спешно искать магазин и купить, что первое подвернется под руку.

Вечер выдался на редкость отвратительным. Мокрый снег сменился ветром, и идти по широкому проспекту стало очень холодно. Решив срезать, а заодно выйти, как мне казалось, к магазину с подходящим подарком, я углубился в плохо освещенные дворы.

Сначала окна домов освещали мой путь, поэтому я двигался вполне уверенно. Однако мне так и не удалось выйти к магазину ни через десять минут, ни через двадцать.

Снова зазвонил телефон.

- Саша, ты где?

- Иду, - ответил я

- Куда?

- Не знаю.

Трубку на том конце положили.

Но через мгновение позвонили снова. На этот раз это был мужской голос, видимо, одного из гостей.

- Ты Саша?

- Я.

- А где ты ходишь?

- У меня дела, я скоро их доделаю и присоединюсь к вам.

- Через сколько?

- Я не могу точно сказать.

- Поторапливайся.

Вскоре я окончательно заблудился. Оставалась еще надежда на прохожего, который смог бы подсказать дорогу. Но прохожих не было.

Если подождать, кто-нибудь и появится, подумал я, и дойдя до ближайшего дома, присел на скамейку у подъезда. Я сидел и болтал ногами, стряхивая прилипший грязный снег.

Не прошло и десяти минут, как из подъезда появился крупный рыжий мужчина. Несмотря на прохладу, он был в майке и спортивных штанах, на ногах болтались домашние тапочки. Сильным рычащим голосом он вдруг заорал, что это его скамейка и чтобы я немедленно убирался.

Несмотря на его явную недоброжелательность, я поднялся со скамейки и, извинившись, спросил, как дойти до автобусной остановки. Тип сел на скамейку, закинул ногу на ногу и махнул рукой в сторону, противоположную той, откуда я пришел.

- Далеко идти? - поинтересовался я.

- До края деревни, дальше минут пятнадцать через поле и выйдешь на шоссе. Там автобусы и ходят два раза в день, но сегодня оба уже прошли. Так что спешить тебе некуда... Как, говоришь, тебя зовут? Какой-то ты щупленький, да и одет не по погоде. В таких ботинках на поле выходить нельзя: дороги там нет. Оставайся ночевать у нас в избе. Бабка баню натопит, пирогов напечет. Гости редко у нас бывают.

- Да мне на день рождения нужно попасть.

- Ну, считай что попал. Бабка, накрывай на стол, меня поздравлять пришли! Подарок-то принес?

Я в ужасе начал шарить по карманам и, хотя знал, что подарка у меня нет, дотошно изучил все карманы. Тип хитро смотрел на меня и ждал.

В кармане я наткнулся на телефон и вытащил его. Мужик обрадовано заморгал и выхватил у меня телефон, случайно нажав несколько кнопок. Заиграла музыка. "Именинник" затанцевал, скорее даже не затанцевал, а задергался, вскидывая то одну, то другую ногу.

Телефон все играл и играл, мужик в тапочках приплясывал под повторяющуюся мелодию.

...На скамейке у подъезда сидел "именинник", я лежал рядом на мокром асфальте, в кармане играл телефон.

- Саша, ты мудак, - донесся из трубки мужской голос.

В качестве приложения к рассказу мы посчитали необходимым привести его культурологическую деконструкцию в форме диалога.

Персонаж 1: Отличная история. Без концовки напоминает Кадзуо Исигуро. Бессмысленное блуждание и общая апатичность.

Персонаж 2: Да-да. Хороший текст.

Персонаж 1: Не надо этих общих фраз. Ты по существу можешь сказать, чем хорош данный текст?

Персонаж 2: Легкие недоразумения, накапливающиеся естественно, без всякой натяжки. Приятный фон - холод, сумерки, мокрая жижа. Будто водитель ночью в незнакомом городе проехал на красный свет, а потом свернул не на ту улицу, и через несколько подобных итераций оказался настолько потерянным и "нелегальным", что бросил машину на каком-то углу, забыл о ней и уснул на ступеньках гастронома.

Персонаж 1: Да в своем ли вы уме? Во-первых, речь идет не о водителе, а о нашем общем знакомом Александре. Странно, что вы не поняли этого, казалось бы, очевидного факта. Именно он, Александр, бегал по городу с подарком и без подарка, пока не увяз в пивном ларьке, привлеченный бюстом продавщицы. На самом деле не было у Александра никакой подружки, пригласившей его на день рождения. Был только друг, который в конце рассказа назвал его мудаком. Александр, вдребезги пьяный, ехал к этому другу, но считал, что приглашен подружкой на день рождения. Этот друг, это, в общем-то, Баскаков, постоянно звонил Александру и спрашивал, где он. Саша, совершенно невменяемый, не понимал, ни где он находится, ни к кому едет, ни в каком качестве. Он думал, что он Вадим Климов и едет в гости к Александру в Череповец. Ухмылялся, представляя, как набьет физиономии отчиму, оккупировавшему череповецкую квартиру. Он, Климов, не побоится сломать коленом нос зарвавшейся русской свинье. Но при чем здесь подарок в таком случае?

Персонаж 2: Следи за текстом. Автор пишет: *"Сперва окна домов освещали мой путь и я двигался вполне уверенно, но, не выйдя ни через десять, ни через двадцать минут на дорогу..."*.

Многоточие. Литературный прием - многоточие ни с того, ни с сего. Наткнувшись на эти точки, читающий должен взять на

себя ответственность. И сам тащить на себе бедолагу автора по грязным петербургским дворам под музыку телефонного звонка и мат Баскакова. В то время как настоящий автор спит на работе.

Персонаж 1: А он, может быть, не спит, а ест сардельки в тесте вместе с уборщицей, притащившейся зачем-то на работу ночью. Они уже съели по семь сарделек. Вернее, Саша съел восемь, а уборщица шесть. С набитым ртом они читают наш разбор и улыбаются. Александр чувствует себя знаменитым, а уборщица просто дура и улыбается не переставая.

Персонаж 2: Все это почему-то напоминает мне туалет в Паркере.

Персонаж 1: Это, наверно, из-за того, что вы любили с Вероникой есть в туалете.

Персонаж 2: У Вероники была серьезная проблема, связанная с туалетом. Когда она собиралась обедать, то шла в туалет, чтобы помыть руки. Но потом ей приходилось чистыми руками брать за ручку двери туалета, чтобы выйти. И когда она добиралась до своего обеда, то уже пачкала руки о несколько дверных ручек. Особенно ее пугали ручки туалетной двери - внутренняя и наружная, самое скопище микробов. Иногда она чувствовала такую брезгливость, что возвращалась в туалет помыть руки еще раз.

Персонаж 1: Я бы на ее месте отрубил себе руки.

Персонаж 2: Это не выход. Кроме рук, у нее было полно других проблем.

Персонаж 1: Это не значит, что руками не нужно было заниматься.

Персонаж 2: Но проще, конечно, обедать в туалете в желтых резиновых перчатках.

Персонаж 1: Хоть бы и так... Мне сейчас позвонила слабая сотрудница Александра и сообщила, что он все-таки подавился сарделькой в тесте, читая наш разбор. И теперь из видеинженера Саша превратился в пациента-утопленника. Эту сардельку пытаются вытащить из него семнадцать человек. И ни у одного это не получается. Как бы Александр Донов не околел там.

Персонаж 2: И что ты им посоветовал? Пропихнуть девятую сардельку?

Персонаж 1: Ты должна понимать, что я разговаривал не с докторами, а со слабоумной уборщицей, которую вдобавок было сложно понять, потому что она жевала сардельку в тесте. Я спросил, есть ли у Саши шансы выкарабкаться. Ответом мне послужила отрывка. Взбешенный, я положил трубку.

Персонаж 2: Видеокамера, оставленная без присмотра, вела прямую передачу Петербургского телевидения. Если Александр очнется, то его уволят с работы. Или он очнется знаменитостью.

Персонаж 1: Говорят, в видеокамеру вместо DV-кассет загрузили сардельки в тесте, и камера записывала видео на эти сардельки, которыми потом и подавился Александр.

Содержание номера

Вступление	4
<u>микро</u>	
Как выковыривать глаза домашним животным	6
Денис Безносков. Сеанс кашля	8
<u>проза</u>	
Станислав Курашев. Довольно прохладный вечер в Антарктиде / Отель одиноких сердец	15
Маргарита Кривченко. Почтальон в полнолуние	28
Вадим Климов. Спутники	41
<u>мертвый текст</u>	
Луи-Фердинанд Селин. Безделицы для погрома [фрагмент]	70
Юлиус Эвола. Затемненные слова внутреннего пейзажа	108
<u>архив</u>	
Дмитрий Пименов. Терроризм и текст	127
<u>polaroid</u>	
Дмитро Корчинский. Доктрина дестабилизации	134
Вадим Климов. Забавный расизм	135
<u>extremum</u>	
Миша Вербицкий. О симуляции постмодернизма и умственной недостаточности	142
Алексей Лапшин. Нетерпимость толерантности	151
Аркадий Гатов. Рыцари пустоты	155
<u>дугин</u>	
Судороги современников. Лимонов, Летов, Любимчикова, Галковский	164
Александр Дугин. Демократия против системы	171
Александр Дугин и Александр Лаэртский. Четвертая группа крови	182
<u>персонажи</u>	
Александр Донов. Именинник	187